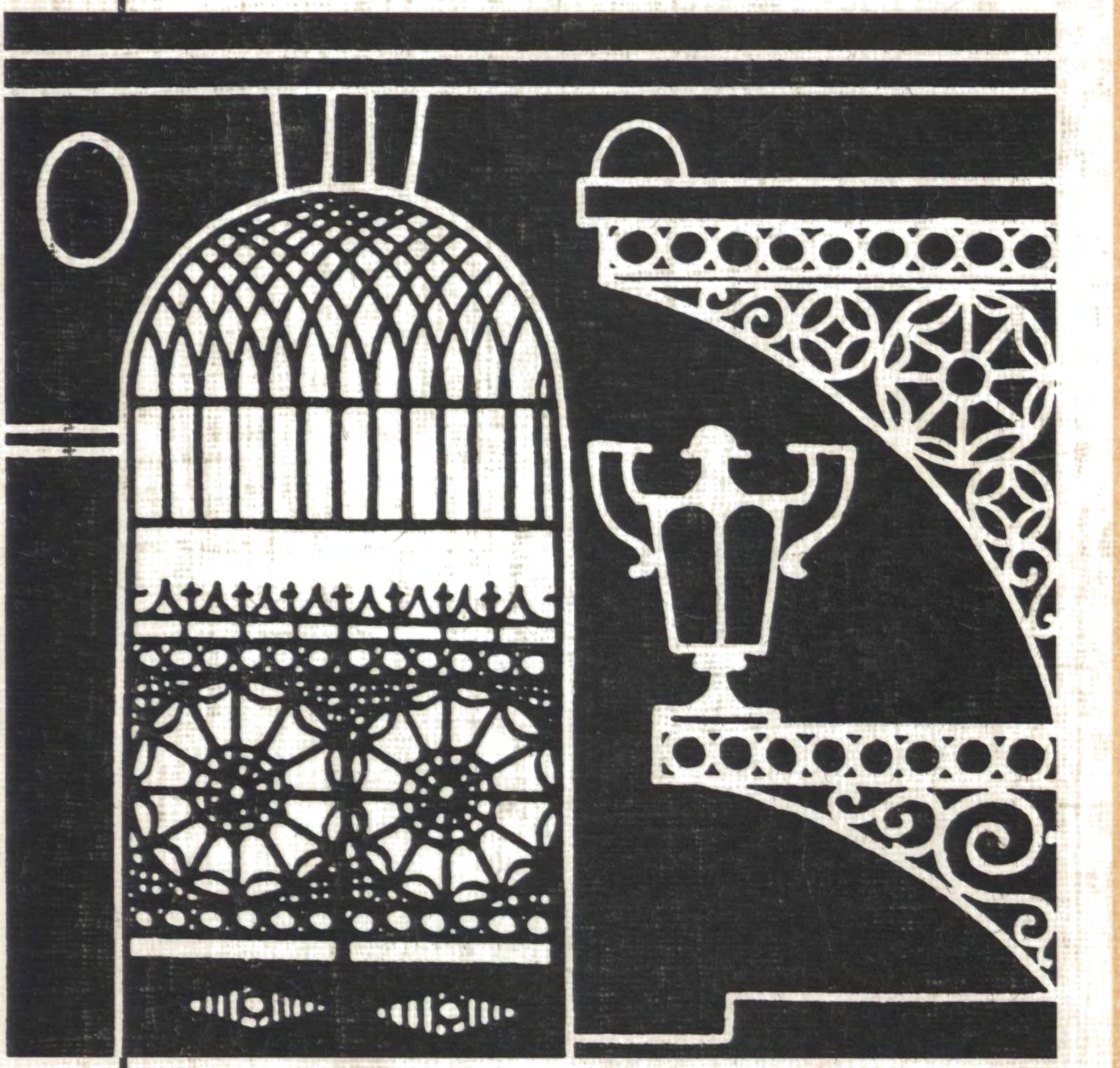

ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

VI

Департамент культуры и искусства Калужской области

Калужский государственный объединенный
краеведческий музей

Вопросы археологии, истории и культуры Верхнего Поочья

Материалы VI научной конференции
28 февраля — 3 марта 1995 года

Калужский государственный
объединенный краеведческий музей
БИБЛИОТЕКА
Инв.№ К-7734

Калуга Издательство Н.Ф. Бочкаревой 2004

ББК 63.4
В74

Редакционная коллегия:

В.А. Бессонов,
к.и.н., зав. отделом истории Калужского государственного объединенного краеведческого музея;
Н.В. Марченко,
заместитель генерального директора Калужского государственного объединенного краеведческого музея по научной работе;
О.Л. Прошкин,
к.и.н., зав. отделом археологии Калужского государственного объединенного краеведческого музея;
И.В. Шмытова,
к.б.н., ученый секретарь Калужского государственного объединенного краеведческого музея

Вопросы археологии, истории и культуры Верхнего Поочья:
В74 Материалы VI научной конференции 28 февраля — 3 марта 1995 года. — Калуга: Издательство научной литературы Н.Ф. Бочкаревой, 2004. — 254 с.

ISBN 5-89552-094-4

Сборник включает материалы VI научной конференции «Вопросы археологии, истории и культуры Верхнего Поочья». При подготовке сборника использованы авторские рукописи 1995 года без внесения изменений в названия организаций и сведения об авторах.

© Калужский государственный объединенный краеведческий музей, 2004
© Издательство Н.Ф. Бочкаревой, 2004

ISBN 5-89552-094-4

Содержание

АРХЕОЛОГИЯ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

Бирюков И.Е.
Памятники 1-й пол. 1-го тыс. до н.э. северо-западной части Верхнего Подонья 7

Болдин И.В.
Круговая керамика из археологических раскопок в Пафнутьев-Боровском монастыре в 1993–94 гг. 11

Грудинкин Б.В.
Торговая пристань г. Калуги 17

Гурьянов В.Н., Шинаков Е.А.
Курганная группа древнерусского времени у с. Гришина Слобода на р. Ветьме 23

Коваль В.Ю.
Восточная поливная керамика в древнем Серенске 27

Кропачев Г.В.
Смоловский камень и святой колодец из г. Кирова Калужской области 36

Миненко В.В.
Новые селища древнерусского времени в междуречье Десны и Болвы 39

Поляков Г.П.
Сребреник князя Владимира из Верхнего Подесенья 43

Сидоров В.В.
Первые вятичи на Средней Оке 46

Федорова Л.И., Ткаченко В.А.
Пластическое и сюжетное оформление некоторых типов глиняных игрушек из Калуги кон. XVI — нач. XX вв. 51

Челяпов В.П.
Многослойное поселение Лебяжий Бор-6 в Рязанском Примокшанье 56

Чубур А.А.
Перспективы поисков верхнего палеолита в бассейне Верхней Оки и в Окско-Деснинском междуречье 59

Шарова О.А.
Две традиции изготовления прялиц Верхнего Поднепровья и прилегающих территорий в 1-м тыс. н.э. 65

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

Бауэр А.А.
Калужское отделение Московского археологического института и его роль в подготовке краеведческо-музейных кадров в губернии в 1-й четверти XX в. 73

Бауэр А.А.
Калужское общество изучения природы местного края 77

Бауэр А.А.
Периодическая печать Калужского земства (кон. XIX в. — 1918 г.) 81

Бессонов В.А.
Георгиевские знамена ингерманландских полков в коллекции Калужского областного краеведческого музея 88

Васильева З.В.
В.П. Обнинский 97

Добров С.А.
Герой Кавказской войны — генерал В.С. Гуляков 105

Добров С.А., Иванов В.А., Тарасов В.А.
Опыт преподавания исторического краеведения в г. Обнинске 112

Евгин А.В.
Трансформация религиозных верований вятичей-козельчан 118

Есипов В.П.
Два Воротынска 124

Зайцева И.Е.
К вопросу о волостях в «Земле вятичей» 127

Зорин А.А.
Родовое имение князей Голицыных — Городня 133

Иванов В.А.
Ценный источник биографических сведений для составления краеведческой энциклопедии 140

Калашникова Л.В.
Семья Ассоновых в Калуге 146

Киреев Н.В.
Очерк земского здравоохранения в Калужской губернии (1864–1917) 150

Козыро Л.А.
«...Я друг ближним моим...» (Повесть В.А. Левшина «Досадное пробуждение») 157

Осипов В.И.
«Калужские епархиальные ведомости» (1862–1906 гг.) как источник по истории старообрядчества Калужской губернии 165

Пак Н.И.
Краеведение как составная часть обучения студентов-филологов (методический аспект) 169

Потапова Л.И.
Пивоварение в Калуге 173

Роганова О.Л.
Общественно-политические корреспонденции Н.А. Мельгунова в русских и европейских газетах (1830–1860-е гг.) 180

Сафонова Г.Б.
Некоторые аспекты изучения истории калужского купечества 189

Силкина Л.А.
Документы ЦАМО (Центрального архива Министерства обороны России) и личных архивов о подвиге подольских курсантов (октябрь 1941 г.) 196

Сулыкина Т.В.
Тема Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.
в коллекции спичек Калужского областного
краеведческого музея 203

Ткаченко А.В.
Фальшивые медные деньги 1655–1662 гг. из Калуги 208

Федоров В.В.
К вопросу датировки нерасписных
Калужских печных изразцов 211

Хохлов А.Н.
Китаист Д.А. Пещуров — дипломат и педагог 213

Черников А.П.
«Жил я тогда в Калужской губернии...»
(Калужские страницы в жизни и творчестве И.С. Шмелева) 219

Чичерова И.А.
Земство и правительственная власть во 2-й пол. XIX в.
(на примере Тульской и Калужской губерний) 230

Юркин И.Н.
Родион Горбунов против Никиты Демидова
(К истории следствия о партикулярных
заводах 30-х гг. XVIII в.). 237

Ячник Н.Е.
Малоярославецкий Николаевский Черноостровский
монастырь — памятник Отечественной войны 1812 г. 245

Резолюция VI конференции «Вопросы археологии,
истории и культуры Верхнего Поочья» 251

АРХЕОЛОГИЯ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

И.Е. Бирюков
(Липецк)

Памятники 1-й пол. 1-го тыс. до н.э. северо-западной части Верхнего Подонья

Рассматриваемый регион включает в себя территорию бассейна р. Красивая Меча, а также прилегающую часть правобережья Дона в пределах Тульской и Липецкой областей. Его выделение обусловлено наличием достаточно компактной группы памятников (городищ, могильников, поселений) сарматского времени. Это самый северный рубеж распространения памятников сарматского типа, так как севернее, в районе Куликова поля, их уже не зафиксировано.

Археологические работы в этом районе проводились рядом исследователей с 1950-х гг. (В.П. Левенок, Р.Ф. Воронина, В.И. Медведев, А.Д. Пряхин, Ю.Д. Разуваев, А.П. Медведев и др.). Однако можно говорить о недостаточной исследованности этого региона, т.к. разведочные работы затронули большей частью основное русло р. Красивая Меча и отдельные участки Дона. Раскопкам подверглись два курганных могильника — Вязовский и Ново-Никольский (В.П. Левенок, Р.Ф. Воронина, А.П. Медведев); поселение Ново-Никольское (А.П. Медведев); два городища — Ишутинское (Ю.Д. Разуваев) и Перехвальское-1 (В.П. Левенок, Р.Ф. Воронина, И.Е. Бирюков).

В настоящий момент опубликованы и проанализированы лишь данные, полученные в ходе исследования могильников, а также результаты разведок по р. Красивая Меча. Однако за последние годы в процессе изучения памятников сарматского времени на

Верхнем Дону (особенно поселений и городищ) были получены новые интересные материалы. Здесь раскапывается несколько поселений и городищ, известно свыше 200 памятников I–III вв. н.э. В то время в Верхнем Подонье существовало культурное новообразование, представленное потомками местных среднедонских племен скифского времени и группами пришлых кочевников — сарматов, тесно связанных со степным миром. В настоящий момент фиксируется несколько зон концентрации этих памятников, но только в двух из них (нижнее течение р. Воронеж и бассейн р. Красивая Меча с прилегающими участками Дона) наряду с многочисленными поселениями и городищами имеются курганные могильники. Все это заставляет нас более внимательно посмотреть на памятники анализируемого района.

На сегодняшний день здесь известно два городища, 30 поселений, два курганных могильника, грунтовое погребение и пять случайных находок оружия сарматского времени. Могильники и городища расположены на высоких мысах коренных берегов рр. Красивая Меча и Дон. Поселения расположены как на высоких берегах, так и на низких террасах. Из-за отсутствия сплошного обследования (особенно многочисленных притоков) пока трудно выделить какие-либо компактные группы (микрорайоны) памятников, отметим лишь некоторое «тяготение» могильников к городищам.

В Ново-Никольском и Вязовском могильниках (нач. II — сер. III вв. н.э.) в погребальном обряде и инвентаре наблюдаются ряд черт позднесарматской эпохи (оружие, конская упряжь, предметы туалета и украшения, гончарная посуда, искусственная деформация черепов и т.д.). Однако, наряду с позднесарматскими, есть ряд элементов (особый тип внутримогильных конструкций, обряд сожжений, ориентировка погребенных), характерных, по мнению А.П. Медведева, для потомков среднедонской культуры скифского времени [1].

Интересные результаты дали материалы раскопок городищ Ишутинское на р. Красивая Меча и Перехвальское-1 на р. Дон. На Ишутинском городище были выявлены остатки наземной постройки: развал очага, выложенного из известняковых плиток, и яма сложной формы, а также серия целых лепных и гончарных сосудов. Если большая часть лепной посуды (горшки, миски, крышки) изготовлена местными племенами, то гончарная (миски, кувшины, горшки) представляет собой импорт с Нижнего Дона и Прикубанья. Вещевой комплекс составляют обломки се-

ребряных зеркал-подвесок, железные ножи и наконечники стрел, пряслица, бусы, пронизь из «египетского фаянса» и т.д. Керамика и вещевой комплекс обнаруживают значительную степень сходства с инвентарем курганных могильников и относятся ко II–III вв. н.э. Этому не противоречит и радиоуглеродная датировка погребений почвы под валом (II в. н.э.), полученная А.П. Александровским [2].

На городище Перехвальское-1 Р.Ф. Ворониной была выявлена постройка неправильной подпрямоугольной формы, слабо углубленная в материк. Кроме того, была изучена еще одна наземная постройка прямоугольной формы, столбовой конструкции, от стен которой остались небольшие прерывающиеся канавки. Внутри постройки, ближе к северо-восточной стороне, зафиксированы две очажные ямы, насыщенные кусками обожженной глины. Основные находки и большая часть керамики концентрировались в районе постройки. Кроме этой постройки, было изучено скопление столбовых и хозяйственных ям, канавок, видимо, это остатки хозяйственного участка. Получена небольшая серия лепной, чернолощеной и гончарной керамики. К лепной керамике местного производства относятся горшки, коническая крышка с колпачком, сковородка с низким бортиком. Горшки — различных типов; преобладают сосуды с плавно отогнутым наружу венчиком и высокой шейкой, а также с короткой, прямой шейкой и чуть отогнутым венчиком. Большая часть сосудов не орнаментирована, лишь некоторые венчики украшены насечками и вдавлениями. К чернолощеной посуде относятся фрагменты небольших горшков, кувшинов, мисок. Гончарная керамика представлена фрагментами серо- и красноглиняных сосудов (кувшины, миски) и является импортом с Нижнего Дона и Прикубанья. Кроме керамики, получены ряд изделий из глины, камня, железа: прясла, грузила, нож, мотыжка, бусина и т.д. Керамический комплекс и предметы относятся к I–III вв. н.э., однако керамика городища имеет определенные отличия от керамических комплексов курганных могильников. Некоторые типы лепных горшков аналогичны посуде ряда городищ р. Воронеж, имеющих слои 2-й четверти 1-го тыс. н.э. (Чертовицкое-3, Подгорное). Это позволяет ограничить возможное время существования поселка (II–III вв. н.э.). Были изучены оборонительные укрепления городища, состоящие из двух валов и рва: внутренний вал шириной 8 м, высотой 1,5–0,7 м, внешний вал шириной 2,5 м и высотой 0,5–0,7 м, ров подтреугольной формы шириной до 2 м и глубиной

2 Зак. 784

более 1 м. Основная линия укреплений — внутренний вал, внешний же вал, видимо, не был достроен. Основу внутреннего вала составляла деревянная конструкция в виде настила, которая с внутренней стороны была укреплена вертикальной стеной (или отдельными столбами), и это пространство было заполнено обожженной до кирпичного цвета глиной. По верху этого деревоземляного сооружения шла деревянная стена (частокол). И деревянная конструкция, и частокол сгорели в результате пожара. Кроме того, горелый слой зафиксирован и в постройках, и в слое городища. Возможно, городище подверглось нападению и было сожжено.

Что касается поселений, то очевидно, что большая их часть с незначительным культурным слоем, слабо насыщенным материалами, относится к группе небольших кратковременных стоянок. А.П. Медведев считает их остатками сезонных стойбищ скотоводов. Однако наличие построек на Ново-Никольском поселении, Перехвальском и Ишутинском городищах свидетельствует о достаточной оседлости местного населения.

Все случайные находки сарматского времени в этом районе представлены исключительно предметами вооружения: три наконечника копья, один меч, один кинжал. Это говорит о военной активности в этом районе в 1-й пол. 1-го тыс. н.э.

В целом можно определенно говорить о компактной, устойчивой группировке населения (возможно, племени), существовавшей в бассейне р. Красивая Меча и верховьях Дона во II–III вв. н.э. Это население поддерживало активные отношения со степным сарматским миром, что выражалось в господстве основных форм сарматского оружия, конской упряжи, украшений, гончарной посуды и т.д. Однако не исключены возможные контакты местных племен с населением бассейна Верхней и Средней Оки. Об этом свидетельствуют находки двух плоских жаловидных наконечников стрел с двумя шипами на Ишутинском городище, которые характерны для более западных территорий, а также значительный удельный вес чернолощеной посуды, которую не всегда можно связывать с сарматским импортом.

Начиная с сер. III в. н.э. на эту территорию с запада и юго-запада начинают проникать племена киевской культуры, поселения которых обнаружены на рр. Красивая Меча, Семенек и Птань. В это же время прекращают функционировать могильники и городища, а дальнейшая судьба оставившего их населения пока не известна.

Примечания

1. Медведев А.П. Сарматы и лесостепь. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1990. — С. 196–200.

2. Разуваев Ю.Д. Исследование Ишутинского городища на Красивой Мече // Историко-культурное наследие. Памятники археологии Центральной России: охранное изучение и музеефикация (материалы научной конференции). — Рязань, 1994. — С. 104–106.

И.В. Болдин
(Калуга)

Круговая керамика из археологических раскопок в Пафнутьев-Боровском монастыре в 1993–94 гг.

Пафнутьев-Боровский монастырь находится в с. Роща Боровского района Калужской области. Основание монастыря относится к 1444 г. Пафнутий перешел из Боровского Покровского Высокого монастыря на место будущей обители. За ним последовали часть монашествующих и паломников. Когда общество увеличилось, построили деревянную церковь во имя Рождества Богородицы, которая была заменена на каменную [2, с. 7–14].

В 1610 г. Пафнутьев-Боровский монастырь был разорен войсками Лжедмитрия II [2, с. 14]. Это бедствие не было единственным: в 1812 г. французские войска разграбили монастырь, уничтожили часть его строений.

Территория Пафнутьев-Боровского монастыря обследовалась в разное время археологами М. Алешковским, Е. Хворостовой, Ю. Васильевым, А. Зайцевым (Архив ИА РАН, Р-1, № 2288, 12919, 4064, 4474, 5205, 5881, 7196, 7653). С 1961 г. (шурфовка территории монастыря М. Алешковским) все археологические работы отвечали задачам реставрации зданий.

В 1993–94 гг. археологические работы на территории Пафнутьев-Боровского монастыря проводились Калужским областным краеведческим музеем. В 1993 г. было заложено два раскопа, общей площадью 70 кв. м, и один раскоп — в 1994 г., площадью 40 кв. м (рис. 1). Кроме того, осуществлялось наблюдение за планировочными работами в центральной части монастыря.

Первый раскоп 1993 г. располагался между зданием братских келий и крепостной стеной. В бытность монастыря здесь находился хозяйственный двор [3, с. 193], что способствовало сохранению культурных напластований, отложившихся на ранних этапах су-

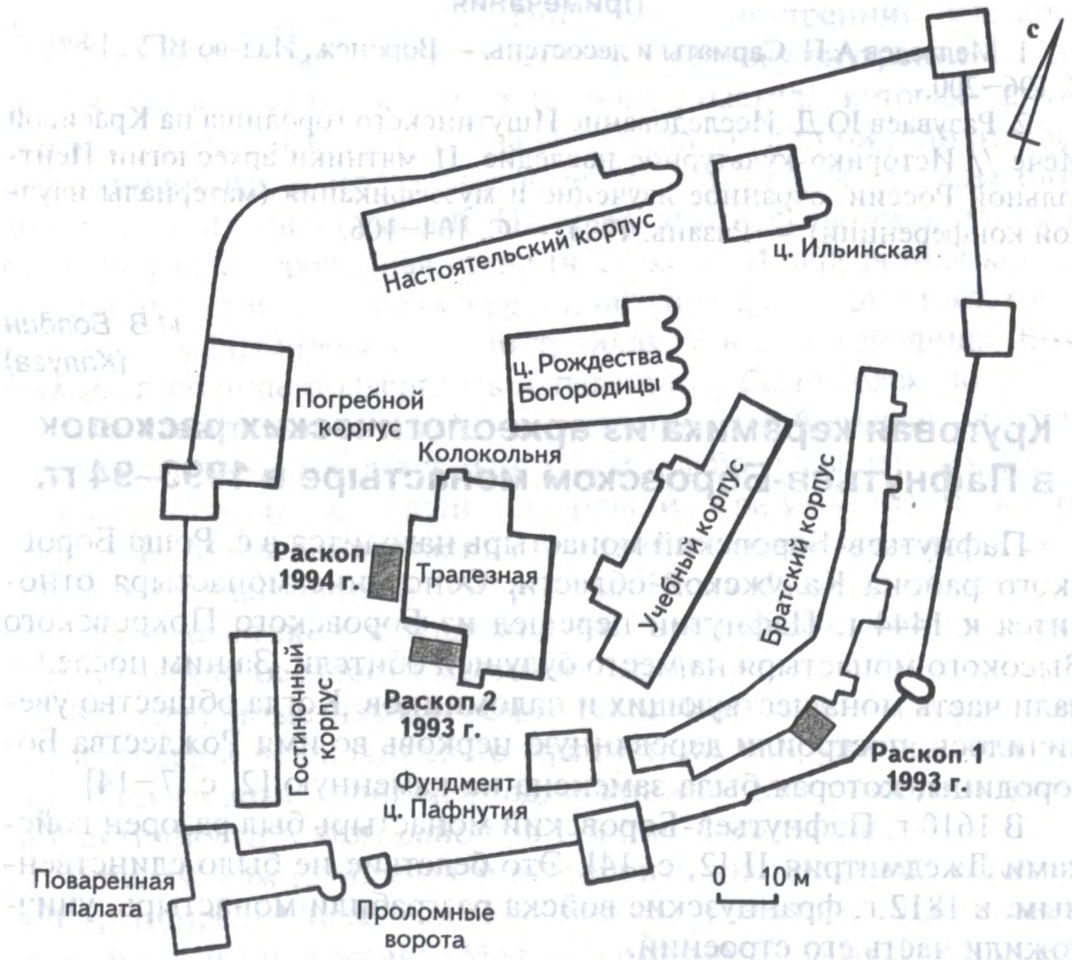

Рис. 1. План Пафнутьев-Боровского монастыря и раскопы 1993, 1994 гг.

ществования обители. В ходе раскопок был обнаружен слой плотного черного суглинка, насыщенный угольками, с включением ошлакованной керамики. Этот слой был перекрыт мощным пластом материковой глины, вероятно, выброшенной при строительстве здания братских келий (сер. XVII в. [3, с. 194]). Черный слой — след пожара — возможно связать с разорением монастыря войсками Лжедмитрия II в 1610 г. Под черным слоем находился серый суглинок, содержавший фрагменты керамики кон. XV — нач. XVI вв.

Второй раскоп 1993 г. был заложен с южной стороны здания трапезной палаты, построенной в 1511 г. Под балластным слоем, содержавшим современный материал, оказались остатки каменной вымостки, сложенной из необработанного известняка и двух больших фрагментов надгробных плит нач. XVI в., положенных

орнаментом вниз. При проведении планировочных работ в монастыре также были обнаружены фрагменты белокаменной вымостки, содержащей надгробные плиты XVI–XVIII вв. На территории раскопа под вымосткой залегал слой, насыщенный углем, после снятия которого открылся мощный пласт глины — результат стоительства трапезной палаты (1511 г.). Под этой глиной оказался слой, где были обнаружены фрагменты керамики 2-й пол. XV — нач. XVI вв. и лепной посуды 1-й пол. 1-го тыс. н.э. Этот слой, на территории раскопа, был прорезан могильными ямами 1-й пол. XVI в. Всего было вскрыто восемь захоронений. Все захоронения безынвентарные, лишь в одной могиле под голову была положена деревянная «подушка».

Раскоп 1994 г. также находился у трапезной палаты. Он попал на углубление (около 2 м от современной поверхности), которое на протяжении XVI–XVIII вв. многократно пытались засыпать. На самом дне были найдены рыболовные грузила.

В ходе работ 1993–94 гг. была собрана коллекция позднесредневековой керамики, состоящая из фрагментов горшков, кувшинов, кубышек, мисок, крышек, изразцов, игрушек, грузил. По цвету посуду можно разделить на серо-, красно-, коричнево- и белоглиняную. В ряде случаев цвет приобретен после выхода сосудов из употребления. Восемнадцать фрагментов были подвегнуты нагреванию до 850° в муфельной печи: 15 образцов (из 18) принадлежат сосудам, изготовленным из неожелезненной глины, 3 образца — фрагменты сосудов из ожелезненной глины. Преобладающая примесь: песок с зернами в поперечнике 0,5–1 мм — у 12 образцов из 18; песок с зернами 1–2 мм — у 5 образцов; один образец был без видимых примесей. По технологии обработки поверхности выделяются мореная, черно-, красно- и белолощеная, ангобированная. Часть фрагментов украшена прочерченным (линейным и волнистым), тычковым, вылощенным, в виде пересекающихся косых и прямых линий орнаментом. На части днищ встречены следы дресвы, использованной в качестве подсыпки (в тесте дресвы нет).

Наиболее массовая группа посуды — горшки — по форме верхней части разделена на типы. При описании типов использовано разделение профиля сосуда на части: губа, щека, шея, плечо, предплечье [1, рис. 2]. Выделены следующие типы:

1. Губа отогнута, у самого края на внутренней стороне едва заметный валик или едва заметная канавка, отчеркивающая псевдовалик (рис. 2: *18*; 3: *3–7*).

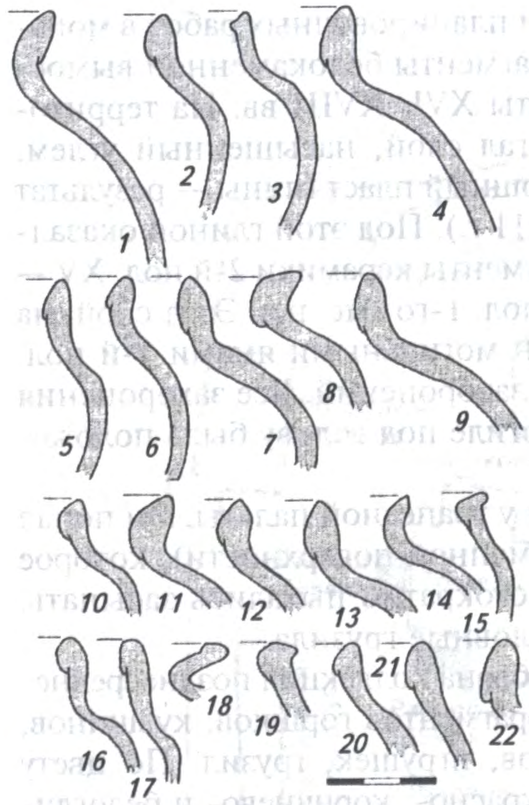

Рис. 2. Пафнутьев-Боровкий монастырь, 1993 г.:
1 — тип 4; *2–7, 9–13, 16, 17, 20–22* — тип 6; *8, 5, 19* — тип 7; *14* — тип 3; *18* — тип 1

2. Губа отогнута от шеи. У горшков этого типа обязательно наличие шеи и отсутствие щеки (рис. 3: *1, 2, 8, 9, 27*).

3. Шея вертикальная или отогнута от линии плеча. Губа горшка не имеет утолщения (рис. 2: *14*; 3: *10–12*).

4. Шея вертикальная или слегка отогнута. Губа оформлена в виде валика с наружной стороны (рис. 2: *1*).

5. Губа оформлена в виде двух валиков с внутренней и внешней сторон (рис. 4: *7*).

6. Шея вертикальная или слегка отогнута. Губа оформлена в виде валика на внутренней стороне (рис. 2: *2–7*).

7. Шея вертикальная или слегка отогнута. Губа оформлена в виде валика с внутренней стороны (подобно типу 6) с оттянутым наружу краем (рис. 2: *8, 15, 19*). Эта конструктивная особенность отличает горшки типа *7* от горшков типа *6*.

В раскопе 1 (1993 г.) было обнаружено три слоя, датированные по данным письменных источников и заключениям реставраторов:

1. Желто-коричневая глина. Глина была выброшена при строительстве братского корпуса в сер. XVII в.

2. Черный суглинок (пожар 1610 г.), который включает в себя материал XVI — 1-й пол. XVII в.: красный печной изразец и фрагмент зеленого «муравленого» изразца, кожаная пуговица, покрытая позолоченной медью от архиерейского облачения (определена В.Г. Пуцко, Калужский областной художественный музей). Этот слой был перекрыт пластом глины (сер. XVII в.).

3. Серый суглинок (1444 г. — XVI в.), подстилающий пласт черного суглинка.

В слое 2 (черный суглинок) обнаружены фрагменты верхних частей горшков (всего 134 фрагмента), которые по форме профиля венчика в процентном отношении распределяются: тип 1 — 3 %; тип 2 — 3 %; тип 4 — 7 %; тип 6 — 78 %; тип 7 — 9 %. Керамика слоя 3 представлена типами 1, 2, 3, 4, 5, 6.

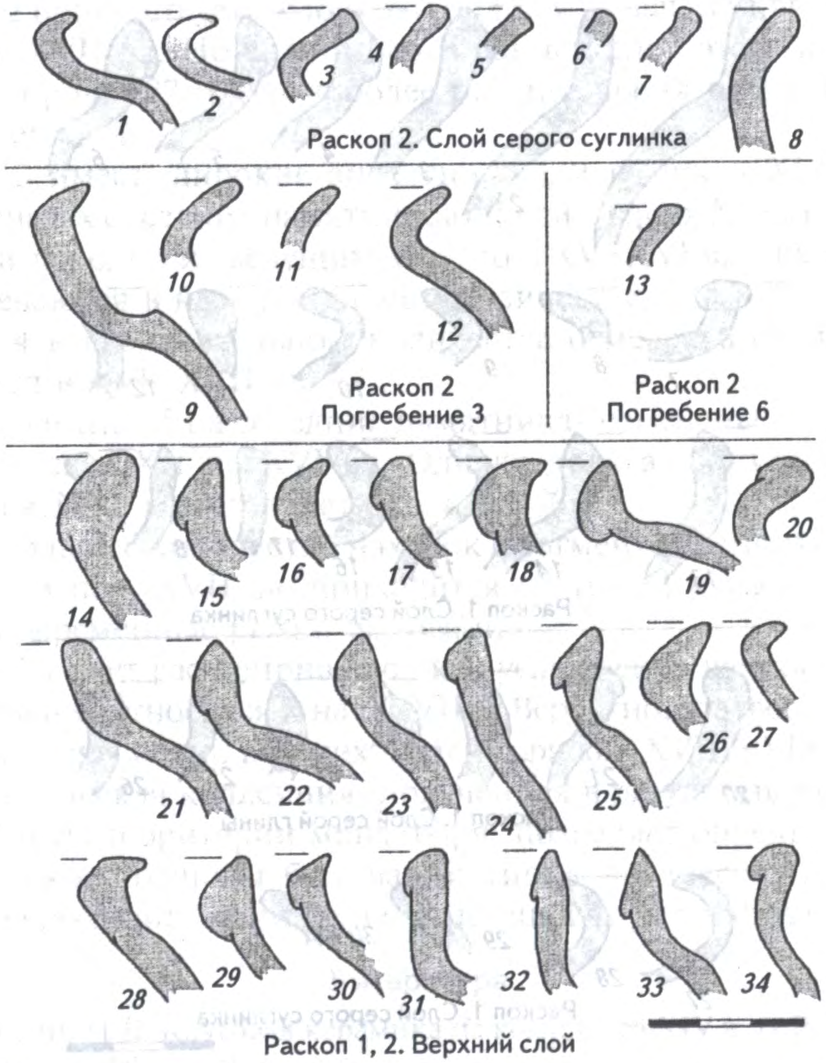

Рис. 3. Пафнутьев-Боровский монастырь, 1993 г.:
1, 2, 8, 9, 27 — тип 2; *3–7, 13, 20* — тип 1; *10–12, 21* — тип 3; *14, 15, 17, 19, 22–25, 29, 31–34* — тип 6; *16, 18, 26, 28, 30* — тип 7

В раскопе 2 удалось выделить слой, который является закрытым датированным комплексом: лежит на материке и перекрыт мощным пластом глины — след строительства трапезной в 1511 г. То есть этот слой датируется 1444–1511 гг. Все собранные здесь фрагменты керамики (всего 18 шт.) относятся к первому (30 %) и второму (70 %) типам. Аналогичные формы венчиков были и в заполнении погребений нач. XVI в.

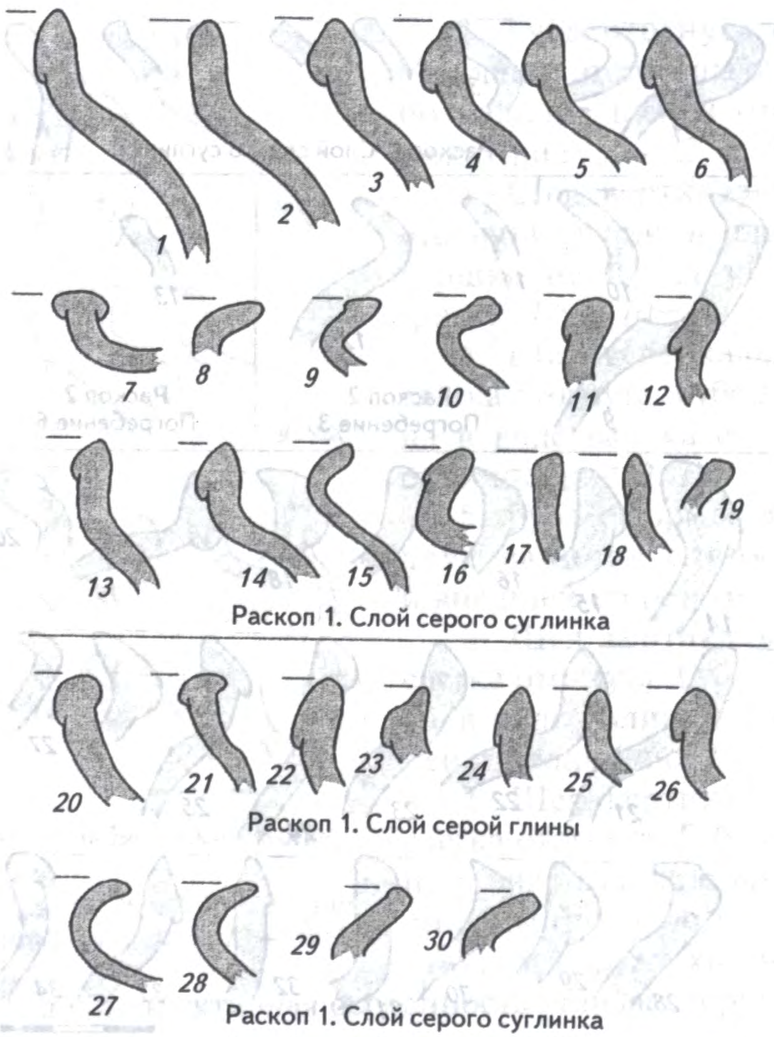

Рис. 4. Пафнутьев-Боровский монастырь, 1993 г.:
1, 3–6, 11–14, 16, 18, 22, 24, 26 — тип 6; *2, 15, 17, 25* — тип 3; *7* — тип 5; *8, 27, 28, 30* — тип 2; *9, 10, 19, 29* — тип 1; *20, 21, 23* — тип 7

В раскопе 1994 г. на самом дне промоины (в раскоп попал ее склон) на глубине 1,5 м обнаружена глина, выброшенная при строительстве трапезной, где оказался развал горшка типа 2, датированный, соответственно, до 1511 г.

На основании собранной во время раскопок коллекции можно сделать ряд замечаний о временных рамках бытования выделенных выше типов горшков на территории Пафнутьев-Боровского монастыря.

Тип 1 доживает до рубежа XV–XVI вв. В материале XVI в. количество фрагментов венчиков данного типа крайне незначительно.

Тип 2 присутствует в слоях 2-й пол. XV — нач. XVI вв. и XVI — 1-й пол. XVII вв. Но если в более раннем слое этот тип играет заметную роль (27 %), то в более позднее время на него приходится всего 3 %.

Тип 3 имеет широкие аналогии среди горшков XI–XVI вв. (в материалах соседних памятников). Если в слоях XI–XII вв. этот тип занимал одно из ведущих мест, то в XV–XVI вв. такие горшки встречаются в незначительном количестве.

Тип 4 в незначительном количестве отмечен в слоях, отложившихся в XVI–XVII вв.

Горшки типа 5 на соседних памятниках отмечены в слоях, отложившихся с XII по XVI вв. Однако доля аналогичных форм очень невелика и составляет около 1,5 %.

Наибольшее количество находок фрагментов венчиков в слое XVI — 1-й пол. XVII вв. приходится на тип 6, имеющий очень широкие временные рамки бытования.

Тип 7 может рассматриваться как усложнение шестого типа, и его появление относится к нач. XVII в. Вероятно, эта форма венчиков определила облик верхних частей горшков XVIII–XIX вв.

Керамическая коллекция, полученная в результате проведенных работ на территории монастыря, позволяет определить хронологические периоды бытования типов позднесредневековой посуды и проследить направления изменений форм профиля горшков.

Литература

1. Болдин И.В. Круговая керамика из комплекса XIV в. // Российская археология. — 2002. — № 4.

2. Кавелин Л. Историческое описание Боровского Пафнутьева монастыря. — М, 1859.

3. Меркелова В.М. Пафнутьев-Боровский монастырь (краткий обзор исследований и реставрации 1955–1975 гг.) // Реставрация и исследование памятников культуры. — Вып. 2. — М., 1982.

Б.В. Грудинкин
(Калуга)

Торговая пристань г. Калуги

Систематическое обследование на территории бывшей торговой пристани г. Калуги было начато в 1984 г. [1, л. 1, 2]. За прошедший период был собран большой и разнообразный матери-

Калужский государственный объединенный краеведческий музей
БИБЛИОТЕКА
Инв.№ К-7734

ал, относящийся к разным эпохам. Калуга находится на левом берегу р. Оки. В южной части города располагалась торговая пристань. В месте нахождения торговой пристани берег пологий, террасы спланированы и не выражены в рельефе. С древности сюда выходит небольшое устье маленькой речушки, в настоящее время высохшей. На мысах, намытых этой речкой, древние люди стали селиться со времен неолита. В этом месте удобно было приставать лодкам и другим судам. О находках каменного века рассказывалось на прошлых конференциях. За прошедшее время в размытом и переотложенном слое был собран разнообразный материал.

От эпохи бронзы до нас дошло лишь несколько фрагментов керамики, каменные тесла и зубило, относящиеся к древностям фатьяновско-балановского круга [2, л. 1, 3].

Железный век оставил нам большое число разнообразных находок. Керамика представлена фрагментами глиняных сосудов без орнамента [2, л. 1; 4, л. 6]. В глиняном тесте обнаружена большая примесь дресвы. Костяные наконечники стрел, служившие орудиями охоты на зверя и птицу, различных типов (рис. 1). Наконечник овальный с подтреугольным сечением, с ложбинкой на пере и лопаточкой на конце черешка (рис. 1: *3*); одношипный наконечник, имеющий овально-уплощенное сечение пера, черешок обломан (рис. 1: *4*); овальный с ромбическим сечением и ломаным черешком (рис. 1: *5*). Из других костяных поделок следует отметить фрагмент одностороннего многозубчатого гарпуна, который, возможно, был составной частью многоперой остроги. Кроме этого, найдены: фрагмент небольшой костяной трубочки, костяная проколка и костяная накладка, вероятно на рукоятку ножа. Остальные находки представлены биконическими пряслицами

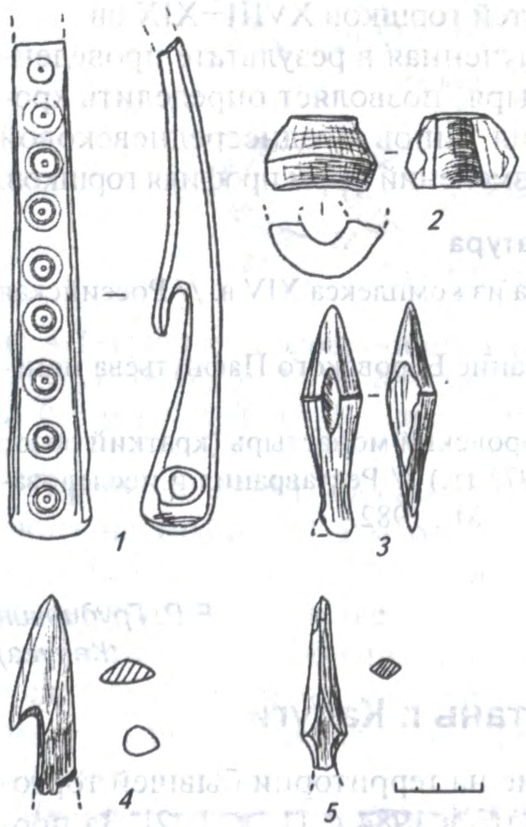

Рис. 1. Находки с торговой пристани

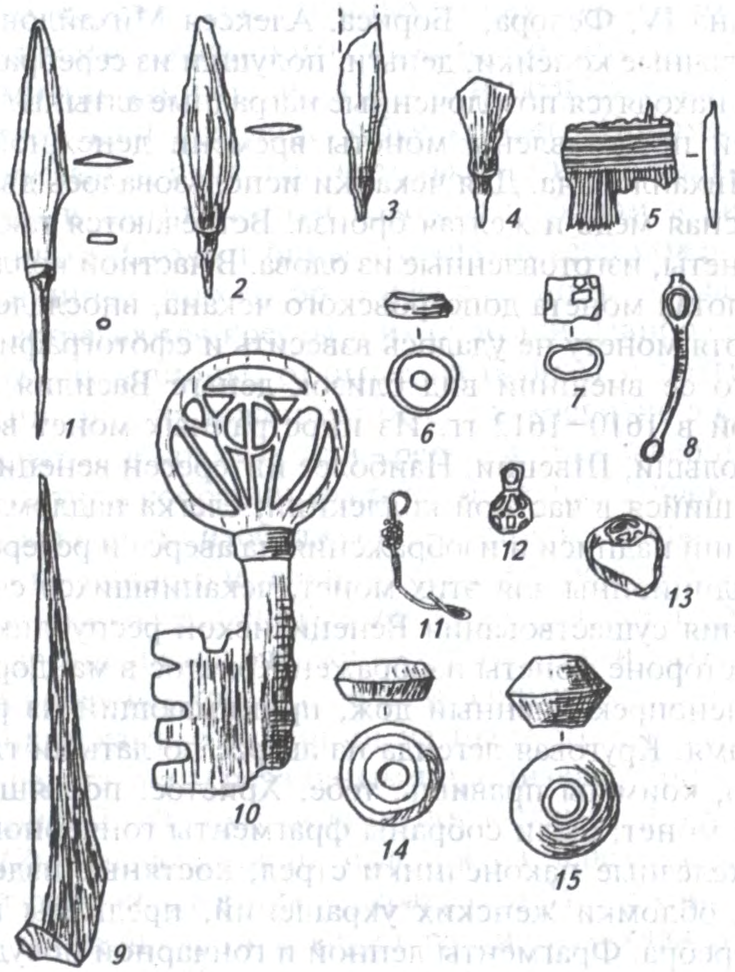

Рис. 2. Находки с торговой пристани

(рис. 1: *2*; 2: *14*, *15*). В целом материал типичен для дьяковской культуры. Находки характерны для среднего этапа развития дьяковской культуры. Он продолжался с III–II вв. до н.э. по II в. н.э.

Более многочисленным и разнообразным материалом представлено раннее и позднее средневековье. Особенно многочисленны находки монет. К сожалению, значительное их число разошлось по рукам коллекционеров. С частью из них удалось ознакомиться. Основная масса наиболее древних монет представлена мелкими разменными монетами XV в. — пулами. Калужским краеведом В.А. Ткаченко эти монеты были разобраны по центрам чеканки, весовым категориям и тщательно проанализированы. Пулы представлены значительными сериями трех центров монетной чеканки: Москвы, Твери, Новгорода [6, с. 36, 37]. Другие часто встречающиеся монеты представлены временем прав-

ления Ивана IV, Федора, Бориса, Алексея Михайловича. Среди них проволочные копейки, деньги, полушки из серебра. В частных собраниях находятся позолоченные наградные алтыны. Значительной серией представлены монеты времени денежной реформы Алексея Михайловича. Для чеканки использовалось два сорта металла: красная медь и желтая бронза. Встречаются также и фальшивые монеты, изготовленные из олова. В частной коллекции хранилась золотая монета допетровского чекана, впоследствии украденная. Хотя монету не удалось взвесить и сфотографировать, известно, что ее внешний вид близок деньге Василия Шуйского, чеканенной в 1610–1612 гг. Из иностранных монет встречаются монеты Польши, Швеции. Наиболее интересен венецианский дукат, хранящийся в частной коллекции, слегка надломленный, но сохранивший надписи и изображения на аверсе и реверсе. Изображения традиционны для этих монет, чеканившихся с XV в. и до прекращения существования Венецианской республики в 1797 г. На одной стороне монеты изображен Христос в мандорле, на другой — коленопреклоненный дож, принимающий из рук святого Марка знамя. Круговая легенда на аверсе по латыни гласит: «Это герцогство, коим ты правишь, тебе, Христос, посвящается».

Кроме монет, были собраны фрагменты гончарной и лепной посуды, железные наконечники стрел, костяные изделия, кресты, бусы, обломки женских украшений, предметы из бронзы, железа, серебра. Фрагменты лепной и гончарной посуды в основном без орнамента, и лишь на некоторых есть волнистый или прямолинейный узор. Наконечники стрел по форме и размерам разнообразны, но все черешковые и одноперые (см. рис. 2). По сечению лезвия стрелы овальные, ромбовидные, квадратные, круглые. Изделия из кости обычно плохой сохранности (рис. 2: *5*). У костяной проколки острый конец обломан, аккомодационной частью служило метаподобие (рис. 2: *9*). Костяное пряслице небольшого размера (рис. 2: *6*). Различные костяные пластины с орнаментом и без него были частями составного лука и накладками на различные предметы. Наиболее интересная находка — это часть накладки рукоятки ножа или рукоятки конской плетки. На ней сохранилось стилизованное изображение человеческого лица. Глаза выделены циркульным орнаментом, нос и губы — короткими врезками, выемка подбородка — также короткой врезкой. Подбородок — клиновидный по форме. Завершает изображение орнамент из нескольких врезанных линий. В центре идет ряд

циркульных нарезок, соединенных между собой тонкой линией, как бы воспроизводящий нить, на которой нанизаны бусы. Между верхними линиями орнамента есть небольшие зубчатые нарезки, вероятно, имитирующие зубья короны. Орнамент, идущий по краю накладки, является не только логическим завершением изделия, но и своеобразным головным убором в виде короны или кокошника. Столь пышный головной убор можно приписать только женщине, лицо которой изображено на накладке. Не менее часто встречаются кресты и их обломки. Наиболее ранние — это кресты-энколпионы, отлитые из бронзы и других сплавов. Изображения на них традиционные: это распятие в центре и избранные святые в круглых или крестовидных завершиях концов креста. В частном собрании хранится передняя створка энколпиона, в центре которой изображены Христос и хламида. Бусы изготавливались из синего и зеленого стекла и являлись частями различных женских украшений. Женские украшения представлены наиболее древними находками — фрагментами вятичских семилопастных височных колец, и более поздними — различными кольцами и подвесками с бусинами из цветного стекла. Бронзовые изделия представлены различными пронизками (рис. 2: *7*), копоушками (рис. 2: *8*), пуговицами-подвесками, иногда с эмалью (рис. 2: *12*), накладками на изделия из дерева, кости, железа, бронзовой формой для отливки украшений. Из железных изделий — довольно многочисленная серия различных ключей от дверей и сундуков (рис. 2: *10*). Другие предметы — это ножи, заготовки для бытовых предметов, гвозди, калачевидные кресла. Особую группу представляют перстни. Они изготовлены из меди, бронзы, олова, серебра и различных сплавов. На их щитках встречаются орнаментальные, зооморфные и антропоморфные изображения, как отлитые, так и гравированные. Птицы, петухи, павлины (рис. 2: *13*), нелюди. Животные — «лютый зверь». Антропоморфные — изображения гладиаторов. Комбинированные изображения, как правило, включают многофигурные композиции из орнамента, людей и животных. Это воин с драконом, Адам и Ева перед деревом добра и зла. Другие — с простым и сложным орнаментом.

Кроме того, найдены части литейных формочек, точильные бруски, пест из крупнозернистого песчаника, ядра для пращи из песчаника.

Находки более позднего времени представлены монетами от Петра и до советского времени, обломками четырех-, шести-,

восьмиконечных крестов, пуговицами, кольцами, перстнями и другими предметами быта. Интересны находки фальшивых монет XVIII–XIX вв. Одна из них — рубль Анны Иоановны 1731 г., изготовленный из серебристого сплава. От подлинной монеты отличается наличием рубчатого гурта, отсутствующего у подлинника, и разницей в весе: фальшивка легче на 3 г. В 1994 г. был найден клад фальшивых монет, впоследствии разошедшихся по коллекционерам. Клад состоял из рублей от Екатерины II 1764 г., ее же двадцатикопеечников 1767 г. и двадцатикопеечников Александра I 1811–1813 гг. Монеты отлиты из оловянистого сплава, на них сохранились наплывчики, оставшиеся после отливки и еще не обрубленные. На некоторых рублях есть следы легкого серебрения. Средний вес отливок около 18 г, что ниже веса полтинника на 6 г. Вес 20 коп. 1767 г. около 4,3 г, что на 0,48 г ниже подлинника. Вес заготовок 20 коп. 1811–1813 гг. 3,7 г, на 1,1 г ниже подлинника. Назначение фальшивых монет не совсем ясно. Как платежное средство они уже вряд ли использовались, так как могли быть легко отличимы от подлинных. Или их необходимо было покрывать слишком большим слоем серебра. Оформление монет точно совпадает с подлинным, и, видимо, делались они по оттискам с качественных оригиналов. На тех монетах, где сохранился слой серебра, он слишком тонок и не может скрыть подделки. Возможно, эти монеты использовались для каких-то женских украшений. Хотя в истории Калуги известен факт поимки фальшивомонетчиков из местных мастеров ювелирного дела [5, с. 18].

Предметы быта представлены гвоздями, дверными пробоями, ножами, фрагментами глиняных сосудов, частями детских глиняных игрушек, замками, топорами, пешнями и т.п.

Собранный и хранящийся в музейных и частных коллекциях материал дает нам представление о довольно интенсивной человеческой деятельности в зоне торговой пристани г. Калуги. Здесь велась торговля, возможно, происходило отправление каких-то культов, проходили боевые действия, работала переправа, впоследствии был построен мост. Кроме того, пристань была местом отдыха и прогулок горожан.

Литература

1. Грудинкин Б.В. Отчет об археологических разведках в 1984 г. в Калужской области // Архив ИА РАН, Р-1, д. 9473.

2. Грудинкин Б.В. Отчет об археологических разведках в Калужской и Тульской областях в 1988 г. // Архив ИА РАН, Р-1, д. 13236.

3. Грудинкин Б.В. Отчет об археологических разведках в Калужской и Тульской областях в 1994 г. // Архив ИА РАН, Р-1.

4. Грудинкин Б.В. Отчет об археологических раскопках и разведках в 1986 г. в Калужской области // Архив ИА РАН, Р-1, д. 11807.

5. Постникова-Лосева М.М. Серебряных дел мастера (Из истории серебряного дела в Калуге в XVII–XIX вв.). — Калуга, 1961.

6. Ткаченко В.А. Анализ состава медных русских монет конца XV–XVI вв. // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья: Тезисы докладов. — Калуга, 1987.

В.Н. Гурьянов, Е.А. Шинаков
(Брянск)

Курганная группа древнерусского времени у с. Гришина Слобода на р. Ветьме

В 1994 г. в связи со строительством автодороги Курганным отрядом Брянской древнерусской экспедиции были проведены охранные раскопки курганного могильника у с. Гришина Слобода Жуковского района. Курганная группа расположена к западу от западной окраины села, частично в небольшой роще, частично прямо на краю второй надпойменной террасы левого берега р. Ветьмы. Группа была обнаружена И.И. Артеменко в 1972 г. и насчитывала в то время 33 насыпи [1], однако в 80–90-е гг. часть курганов была уничтожена при засыпке карьера, строительстве ЛЭП и прокладке автодороги. В результате к моменту раскопок сохранилось восемнадцать насыпей. Могильник делится на две компактные, примерно равные части: юго-восточную, находящуюся в роще ближе к селу, и прибрежную — северо-западную. В юго-восточной части прослеживается рядное расположение курганов по линии восток—запад, в прибрежной части курганы расположены более кучно.

Были исследованы три кургана в юго-восточной части группы — 25, 26 и 27. Насыпи имеют полусферическую форму, диаметром около 7 м, высотой от 0,6 до 1 м, до одной трети всех насыпей (а в кургане 27 до половины) с южной стороны повреждены при строительстве автодороги, курганы и межкурганное пространство заросли деревьями. Ровики у курганов визуально не прослеживались. Рядное расположение курганов позволило исследовать их одним раскопом площадью 279 кв. м с оставлением общей для всех трех курганов бровки. Курганы насыпаны из

желтого песка, с глубины 0,4–0,5 м от их вершины песок прозоленный. Материк — выжженный, захоронения были проведены на его уровне. Материковые площадки в курганах имеют диаметр 6–7 м, они окружены ровиками со следами золы и угля в заполнении. Ширина ровиков в среднем превышает 1 м, к западу от кургана 25 ширина ровика более 3 м, к северной части неглубокого ровика кургана 27 примыкает еще один более глубокий ровик. Средняя же глубина ровиков составляет 0,43–0,65 м. Перемычки зафиксированы в кургане 25 с восточной стороны, шириной 120 см, в кургане 26 — с северной стороны, шириной 220 см, причем здесь перемычка, вероятно, была перекрыта каким-то наземным деревянным сооружением столбовой конструкции, остатками которого являются столбовые ямки и горизонтальные поперечные обгорелые плахи. В кургане 27 перемычку зафиксировать не удалось, что связано, возможно, с высокой степенью разрушенности данного кургана. В ровиках всех трех курганов никаких находок не обнаружено.

В насыпи кургана 27 найден фрагмент лепной керамики эпохи бронзы и половина каменного сверленого боевого топора. Возможно, что для насыпки кургана использовалась земля с расположенного к западу от могильника поселения эпохи бронзы, ныне практически уничтоженного. Интересно отметить, что курган 27 — один из наиболее удаленных от площадки поселения.

В курганах 25 и 26 вскрыты два женских погребения. В кургане 25 погребение совершено на зольно-угольной подсыпке толщиной 12–18 см, в кургане 26 — прямо на материке. Костяки в обоих случаях имеют западную ориентировку, в погребении кургана 26 руки вытянуты вдоль тела, в погребении кургана 25 правая рука лежит на костях таза. Сохранность костяков удовлетворительная, плохо сохранились ребра, не сохранились кости рук и ступни ног (за исключением правой ступни в погребении кургана 26). В ногах скелетов помещены горшки: раннекруговой с волнистым орнаментом — в кургане 25 (у правой ноги) и круговой с орнаментом «крутая волна» — в кургане 26 (у левой ноги). Никаких предметов в сосудах не обнаружено. В кургане 27 погребение уничтожено при строительстве автодороги. О его наличии свидетельствует находка небольшого фрагмента черепной кости и золотостеклянной бусины.

Инвентарь погребений достаточно богат и разнообразен.

В кургане 25 найдены пять браслетообразных височных колец с завязанными концами (три у левого виска и два у правого), обычное перстнеобразное височное кольцо справа и «кудрявое»

височное кольцо слева от черепа. Ближайшая находка колец этого достаточно редкого типа — в курганах кон. XI–XII вв. у с. Колчино на Верхней Болве (Калужская область [2]). На некоторых браслетообразных кольцах сохранились обрывки кожаных ремешков для их привешивания. В области шеи, на груди и даже в черепе погребенной собрано более полутораста цилиндрических, биконических, боченковидных и двучастных золото- и серебростеклянных бус разного размера и сохранности, в основном русского производства (с закраинами). Следует учесть, что значительное количество бус рассыпалось в процессе раскопки. В районе шеи — железная восьмеркообразная пряжка, у правой ключицы — небольшой нож с остатками деревянной рукояти, железо очень плохой сохранности. У правого плеча — крестопрорезной бубенчик и шумящая привеска, состоящая из костяного двухголового плоского конька (правая часть головы и нога обгорели), круглой ложечки, клыка и небольшого крестопрорезного бубенчика, прикрепленных цепочками к бронзовому кольцу, нашивавшемуся на одежду. Интересно отметить, что представлен устойчивый набор амулетов [3], лишь обычный в таких случаях бронзовый конек заменен костяным. На правом предплечье погребенной находился пластинчатый браслет с точечным пунсонным орнаментом (XI в. по слою Новгорода Великого [4]), у левой кости — два перстня: «усатый» с орнаментом «волчий зуб» (кон. X–XI вв.) [5] и решетчатый, «этнический признак племени вятичей» [6]. У бедренной кости левой ноги найдено боченковидное пряслице из бордового шифера. У браслета и в районе шеи сохранились обрывки шерстяной (?) ткани, у левой скулы — прядь волос.

Курган 26. У правого виска — три перстнеобразных височных кольца с несомкнутыми концами, на одно из которых первоначально, вероятно, была надета полая двусоставная бронзовая бусина. Височные кольца с подобными бусинами принадлежат племени *водь* и встречаются в славянских курганах северо-западной Руси [7]. На виске благодаря покрытию медными окислами (от очелья?) сохранился прямоугольный (3×4 см) фрагмент деревянной основы головного убора. На самом черепе, к югу от него и под ним встречено свыше двадцати целых и фрагментированных серебро- и золотостеклянных бус разных типов (с закраинами), а также красношиферная цилиндрическая бусина. У левой кисти два перстня: овально-щитковой, завязанный с волнистым орнаментом, и фигурно-срединный, плоский. Первый тип

перстней часто встречается вместе с «завязанными височными кольцами и браслетами», монетами сер. XI в. [8], что в совокупности с наличием сравнительно большого количества золото- и серебростеклянных бус может указывать на кривичскую принадлежность погребений [9], несмотря на общерусский характер височных колец. В области черепа найдено два небольших кусочка ткани.

В стороне от скелета на осколке кости обнаружен фрагмент пластинчатого с ребром браслета. Связь его с основным захоронением проблематична из-за датировки (XIII–XIV вв. по новгородской шкале [10]) и местонахождения в кургане. Возможно, он связан с детским впускным ямным захоронением в южном поле кургана, относящимся к более позднему периоду. Вторичное использование уже существовавших курганов для совершения новых погребений, часто детских, отмечено у смоленских кривичей неоднократно [11].

Все металлические украшения изготовлены, судя по степени и характеру окисления, из бронзы или плохого биллона. По сообщениям местных жителей, височные кольца, аналогичные найденным в кургане 25, были встречены в одной из разрушенных ЛЭП насыпей северо-западной части группы, что подтверждает (в основном) данные раскопок о кривичской принадлежности могильника. В целом обряд погребения, характерный для смоленских кривичей в период перехода от язычества к христианству [12], набор украшений и керамика позволяют датировать курганный могильник у с. Гришина Слобода XI в., вероятно его началом или серединой.

Следует отметить, что это не единственный кривичский курганный могильник на р. Ветьме и на левобережье Десны. В 20-е гг. был исследован кривичский курганный могильник у с. Курганье и Немеричи в верховьях Ветьмы [13], на левобережье Десны исследовали курганный могильник Чичеринка, где наблюдались во многом аналогичный обряд погребения и набор женских украшений [14]. Гришинослободские курганы являются самым крайним исследованным некрополем на юго-востоке кривичской территории. Некоторые «радимичские» (большое количество золотостеклянных бус в погребении кургана 25) и «вятичские» (решетчатый перстень) черты вполне объясняются местонахождением могильника в зоне кривичско-радимичского пограничья [15]. Возможно, именно р. Ветьма и служила восточной границей кривичского расселения на левобережье Десны.

Примечания

1. Артеменко И.И. Отчет о работе Среднеднепровской экспедиции ИА АН СССР // Архив ИА РАН, Р-1, № 4782.

2. Левашева В.П. Височные кольца // Тр. ГИМ. — М., 1967. — Вып. 43. — С. 35, 41.

3. Рябинин Е.А. Языческие амулеты-привески Древней Руси //Древности славян и Руси. — М., 1988. — С. 58.

4. Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.).— М., 1981. — С. 103, рис. 38.

5. Недошивина Н.Г. Перстни // Тр. ГИМ. — М., 1967. — Вып. 43. — С. 256–257.

6. Седова М.В. Указ. соч. — С. 130.

7. Левашева В.П. Указ. соч. — С. 19.

8. Недошивина Н.Г. Указ. соч. — С. 256.

9. Вывод А.В. Арциховского о принадлежности золото- и серебростеклянных бус кривичам не устарел до сих пор. См.: Арциховский А.В. Курганы вятичей. — М., 1930. — С. 32–33; Щапова Ю.Л. Стекло Киевской Руси. — М., 1972. — С. 84–85.

10. Седова М.В. Указ. соч. — С. 114.

11. Шмидт Е.А. Об особенностях сооружения курганов у кривичей Поднепровья в XI–XII вв. // Словъяно-руські старожитности Північного Лівобережня. — Чернігів, 1995. — С. 105.

12. Шмидт Е.А. Указ. соч. — С. 104–106; Он же. Некоторые особенности погребального обряда смоленских кривичей в период перехода от язычества к христианству // Древности славян и Руси. — М., 1988. — С. 92.

13. Деев С.С. Доисторическая жизнь Брянского края под охраной краеведов // Брянский край. — Брянск, 1926. — Вып. 1. — С. 28–50.

14. Прошкин О.Л., Хохлова Т.М. Круганный могильник у д. Чичеринка Рогнединского района Брянской области // Тезисы докладов межвузовской историко-краеведческой конференции. — Брянск, 1988. — С. 96–97.

15. Шинаков Е.А., Сарычева Т.Л. Кривичско-вятичско-радимичское пограничье // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья: Тезисы докладов 5-й ист.-археол. конференции. — Калуга, 1993. — С. 25–26.

В.Ю. Коваль
(Москва)

Восточная поливная керамика в древнем Серенске

Обломки привозной поливной керамики восточного происхождения были найдены при археологических раскопках Серенского городища и введены в научный оборот Т.Н. Никольской, опубликовавшей даже два из них в цветном изображении [1, рис. 88: *36*, *37*). Вместе с тем описание этих образцов в публикацию не

вошло, а другие в ней не были даже упомянуты. Поэтому обобщенная датировка всех обломков восточной поливной керамики (ВПК) из Серенска рубежом XII–XIII вв. и их атрибуция в качестве импорта из Ирана и Средней Азии, вскользь отмеченные Т.Н. Никольской [1, с. 285], оставались недоступными для проверки. Между тем, по авторитетному мнению Т.И. Макаровой, не подкрепленному, к сожалению, системой доказательств, вся эта керамика относится к послемонгольскому времени и принадлежит византийской традиции керамического производства [2, с. 30]. Диаметрально противоположные оценки ВПК из Серенска заставили предпринять новое изучение этой группы памятников материальной культуры, хранящихся в фондах Калужского государственного объединенного краеведческого музея (КГОКМ) и Государственного Исторического музея (ГИМ)[1].

Оказалось, что весь корпус ВПК из Серенска распадается на две неравные по объему группы:

1) Керамика из высококремнеземной массы белого цвета, называемой традиционно «кварц-фриттой», или «кашином», орнаментированная подглазурной росписью красками и покрытая бесцветной прозрачной щелочной поливой с крупным цеком. Керамику такого типа называют «полуфаянсами».

2) Красноглиняная керамика, покрытая белым ангобом и прозрачной свинцовой поливой (называемая «полумайоликой») с гравированным по ангобу подглазурным орнаментом (орнамент «графитто»).

Группа I (полуфаянсы)

Представлена тремя обломками от двух чаш, вероятно полусферических в сечении, относящихся к одному типу — керамике с бихромной (черно-синей) подглазурной росписью без рельефных элементов декора. Находки ее происходят только из детинца. Два обломка одной и той же чаши [образцы № 1, 2; рис. 1; *1*, *2*] уже публиковались Т.Н. Никольской [1, рис. 59: *3*; 88: *36*]. Декор внутренней поверхности чаши состоял из радиально расходившихся от центра дна темно-синих полос, деливших поле чаши на сектора, заполненные эпиграфическим орнаментом (арабские надписи), черной краской с разбросанными синими точками, чередовавшимися с секторами, где по белому

[1] Пользуясь случаем, мне хотелось бы выразить свою признательность О.Л. Прошкину, Т.М. Хохловой (КГОКМ) и Н.А. Асташевой (ГИМ) за предоставленную возможность использовать неопубликованный материал и помощь в работе с музейными коллекциями.

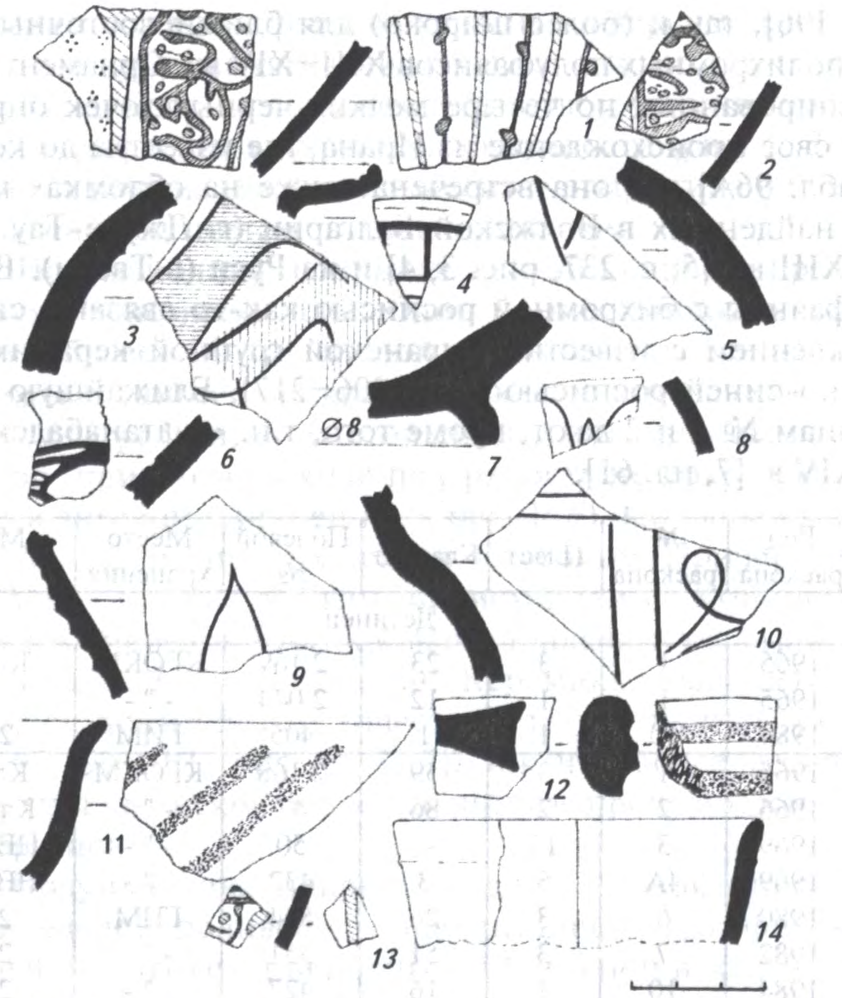

Рис. 1. Восточная поливная керамика из Серенска

полю были расположены мелкие черные точки, сгруппированные по 4 шт. в виде ромба. Внешняя поверхность чаши была расписана вертикальными синими и черными линиями, последние — с крупными овальными листочками, как бы нанизанными на стебель. Маленький обломок второй подобной чаши (образец № 3; рис. 1: *13*) отличался рисунком росписи, реконструкция которой затруднительна.

Технологические характеристики (тесто, полива), форма и орнаментация чаш характерны как для золотоордынских XIV в.

[3, с. 196], так и (более широко) для ближневосточных и иранских полихромных полуфаянсов XIII–XIV вв. Орнаментика в виде сгруппированных по четыре мелких черных точек определенно ведет свое происхождение из Ирана, где известна до кон. XIII в. [4, табл. 96A], но она встречена также на обломках кашинных чаш, найденных в Волжской Булгарии (г. Джуке-Тау, слой 2-й пол. XIII в.) [5, с. 237, рис. 3, 4] и на Руси (в Твери). Возможно, полуфаянсы с бихромной росписью как-то связаны своим происхождением с известной иранской группой керамики XIII в. с черно-синей росписью [6, с. 206–217]. Ближайшую аналогию образцам № 1 и 2 дают, кроме того, т.н. «султанабадские» изделия XIV в. [7, ил. 61].

№	Год раскопа	№ раскопа	Пласт	Квадрат	Полевой №	Место хранения	Музейный номер
Детинец							
1.	1965	1	3	23	2 169	КГОКМ	Кл 9204/13
2.	1965	1	1	12	2 044	- " -	- " -
3.	1984	10	1	1	405	ГИМ	2630/681
4.	1965	1	3	59	2 168	КГОКМ	Кл 9204/13
5.	1966	2	2	86	47	- " -	Кл 9330/346
6.	1969	3	15	—	50	- " -	НВ 39511/32
7.	1969	4А	5	3	432	- " -	НВ 39511/44
8.	1980	6	3	26	584	ГИМ	2644/139
9.	1982	7	3	51	551	- " -	2632/368
10.	1984	10	1	16	427	- " -	2632/679
11.	1984	10	1	9	412	- " -	2632/680
12.	1984	10	Яма	№ 25	554	- " -	2632/773
Окольный город							
13.	1982	1	2	13	142	КГОКМ	Кл 9330/494
14.	1982	1	3	12	167	ГИМ	2632/589
15.	1984	I-В	5	9	—	- " -	2630/1239
16.	1986	2	—	—	—	КГОКМ	КП 11387/4

Группа II (полумайолика)

Вторая группа ВПК из Серенска более многочисленна (13 находок) и происходит как с территории детинца, так и из раскопок в окольном городе. Все тринадцать образцов (№ 4–16) объединяются рядом общих признаков:

1) Все они имеют очень плотный твердый красноглиняный черепок, практически без каких-либо примесей, прошедший высокотемпературный горновой обжиг в окислительной среде.

2) Формовка сосудов производилась на гончарном круге быстрого вращения путем вытягивания из куска глины, т.е. на этапах РФК-5-7 по А.А. Бобринскому, свидетельством чему является технологическое рифление внутренней поверхности (рис. 1: *3*, *5*, *9*).

В пределах группы II можно выделить четыре типа полумайолик, отличающихся цветом поливы и декором.

Тип 1. Полумайолика, покрытая желтой поливой, представленная двумя обломками чаш. Один из них слишком мал для атрибуции (образец № 11), второй сформован из глины с примесью слюды и единичных красных включений (шамота?), орнаментирован «граффито» толстой линией и покрыт светло-желтой поливой, причем наружная поверхность не покрывалась ни поливой, ни ангобом (образец № 5; рис. 1: *6*). Подобная керамика была широко распространена в Северном Причерноморье в XIII–XIV вв., лучшие образцы происходили из Константинополя, но ближайшими к Руси районами производства были Крым [8, с. 133, рис. 83: *1*, *2*] и Тана-Азак. Керамика последнего центра отличалась пониженным качеством теста, поливы, рисунка [9, с. 95–97, 99–101, рис. 3, 5, 7], так что более вероятным представляется крымское или византийское происхождение найденных образцов.

Тип 2. Полумайолика, покрытая бледно-зеленой или светлой, желтовато-зеленой поливой с орнаментацией «граффито» толстой линией и подглазурной подцветкой зеленой и желто-коричневой красками, согласованной с рисунком, т.е. так называемая «полихромная красноглиняная керамика» (ПКК) [10, с. 3]. Один крупный обломок кувшина с подшарообразным туловом (образец № 4; рис. 1: *3*] был опубликован Т.Н. Никольской [1, рис. 88: *37*]. Черепок характеризуется наличием мелких пор. Кувшины аналогичной формы и декора производились в Херсоне в XIII в. [11, табл. XII, 51; XVIII, 67, 70]. Возможно, к этому же типу полумайолики относился и маленький обломок чаши или блюда с горизонтально отогнутым краем (образец № 13; рис. 1: *4*), встречающимся на крымской ПКК [8, рис. 73: *2*; 11, табл. XVI, 59; XXXI, 126]. Ангоб и бледно-зеленая полива были нанесены только на внутреннюю поверхность, со сплошной подглазурной подцветкой зеленой краской, не затронувшей при этом самый край венчика.

Скорее всего, к ПКК относилось еще четыре обломка кувшинов, обгоревших в сильном пожаре, с почерневшим черепо-

ком и вспузырившейся поливой. Из них только у одного фрагмента сохранился естественный бледно-зеленый цвет поливы (образец № 7; рис. 1: *5*), а у других полива приобрела черный, темно-синий или красный цвета (образцы № 8, 9, 12; рис. 1: *8*, *9*, *10*), однако орнаментация «граффито» отчетливо видна на внешней поверхности обломков, причем ее стиль находит многочисленные аналогии в ПКК XIII в. из Крыма и Причерноморья в целом [8, рис. 84–86; 11, табл. IX, 46–47; XII, XV, XVIII].

ПКК получила широкое распространение в Северном Причерноморье в XIII–XIV вв. [10, с. 3], в Херсоне преобладает в слоях XIII в. [12, с. 47], в Сугдее встречалась во 2-й пол. XIII и XIV вв. [13, с. 61].

Тип 3. Полумайолика, покрытая монохромной светло-зеленой поливой. Представлена находкой неорнаментированного края кувшина с раструбообразной горловиной (образец № 4; рис. 1: *14*). Соединение поливы с черепком слабое. Кувшины с монохромной зеленой поливой (и орнаментом «граффито») известны в Херсоне XIII–XIV вв. [11, табл. XVIII, 68, 69]. Их формы аналогичны ПКК.

Тип 4. Полумайолика с росписью белым ангобом под бледно-зеленой поливой: обломок ручки кувшина с каннелированной внутренней стороной и специфической росписью ангобом («резерве»), состоящей из сплошного покрытия основы ангобом с резервированием подтреугольной фигуры (образец № 16; рис. 1: *12*). Аналоги такому декору нам не известны, поэтому распространить на этот образец общепринятую для керамики с росписью ангобом датировку XIV–XV вв. представляется преждевременным. Возможно, к этому типу относился обломок дна чаши, сильно обгоревшей в пожаре (образец № 6; рис. 1: *7*), на внутренней поверхности которой сохранились следы росписи ангобом (?). Этот образец отличался от других наличием в тесте мелких карбонатных включений и пор, а также ангобным покрытием кольцевого поддона и поливой, нанесенной на всю внешнюю поверхность стенок чаши (цвет поливы неопределим).

К особому типу, видимо, следует относить обломок сильно ошлакированной в пожаре чаши, на внешней поверхности которой видны диагональные каннелюры (образец № 15; рис. 1: *11*). Миски с каннелюрами и желтой поливой известны в Крыму в XIV в. [14, с. 180].

Таким образом, все типы ВПК из Серенска могут быть датированы по аналогиям в пределах XIII–XIV вв. Стратиграфия находок не позволяет существенно уточнить их хронологию, однако она свидетельствует, что вся ВПК происходит только из верхнего переотложенного слоя Серенского городища (пласты 1–3 как в детинце, так и в окольном городе), датируемого послемонгольской эпохой, т.е. XIV–XVI вв. [1, с. 140]. Отдельные находки из более глубоко лежавших пластов не составляют исключения: так, образец № 6 (рис. 1: *7*) из пласта 15 происходил из «ЮВ сектора» раскопа 3, где вскрывался склон мыса. Фактически единственными находками ВПК из комплексов были образец № 12 (рис. 1: *10*) из ямы 25 в раскопе 10 1984 г. и образец № 1 (рис. 1: *1*) из заполнения сооружения 6 раскопа 1 1965 г. Однако описание комплексов раскопа 10 в отчете Т.Н. Никольской отсутствует, а сооружение 6 раскопа 1 не содержало датирующих находок, хотя явно не относилось к числу домонгольских, т.к. фиксировалось начиная с пласта 2 и не имело в своем заполнении стеклянных браслетов, повсеместно найденных на раскопе 1 [15, с. 19, чертеж участка 5].

Как видно, стратиграфические условия находок ВПК в Серенске согласуются с датировкой буквально всех типов ВПК по аналогиям (2-я пол. XIII–XIV вв.). Более того, эта датировка подтверждается тремя новгородскими находками полумайолик с желтой поливой и полихромной росписью, имеющими точную дату, определенную по данным дендрохронологии, — последняя четверть XIII — рубеж XIV вв. (пласты 17–18, строительные горизонты 10–11 Ильинского раскопа) [16, рис. 27, с. 94–96]. К сожалению, привлечь для сравнения другие находки ВПК с территории Руси невозможно, т.к. по соотношению типов и групп ВПК Серенск резко отличается от всех центров Северо-восточной и Северо-западной Руси, где основную массу ВПК составляют полуфаянсы, происходящие из золотоордынского Поволжья, а полумайолика представлена единичными фрагментами. При этом полуфаянсы с черно-синей росписью известны, кроме Серенска, только в Твери, а полумайолика «граффито» с желтой поливой — лишь в Твери, Новгороде и Переяславле-Рязанском. Полумайолика с полихромной подцветкой (ПКК), кроме упомянутой находки в Новгороде, была найдена еще в Старой Рязани [17, рис. 123], Пронске [18, рис. 146: *3*] и Киеве, причем только в Киеве она была отнесена

к домонгольской эпохе, исходя из весьма приблизительной датировки комплекса [19, с. 347–348], который, вероятно, мог датироваться и 2-й пол. XIII в.

Анализ приведенных здесь сведений позволяет сделать (предположительно) ряд выводов (гипотез):

1) Импорт ВПК в Серенск производился не из столичных центров золотоордынского Поволжья, а из северо-причерноморских городов, скорее всего из Крыма. Ввозиться могла как керамика крымского (херсонского?) производства, так и византийская — из Константинополя.

2) Вместе с полумайоликой византийского круга в Серенск попадали и полуфаянсы, возможно иранского производства. Такое соотношение типов импортной ВПК, скорее всего, могло сложиться во 2-й пол. XIII — нач. XIV вв., когда в золотоордынских центрах Поволжья еще не было налажено массовое производство полихромных полуфаянсов с рельефом, начисто отсутствующих в Серенске. К тому же именно этим временем датируются многие находки ВПК тех же типов, что и в Серенске, происходящие из других городов Руси.

3) Отсюда следует относительная синхронность бытования всей или почти всей ВПК в Серенске в пределах 2-й пол. XIII — 1-й пол. XIV вв.

4) ВПК на Руси в золотоордынскую эпоху составляла предмет роскоши, доступный только князьям и их ближайшему окружению, поэтому ее находят лишь в тех городах, которые были центрами земель, княжеств и уделов (Москва, Тверь, Новгород, Рязань, Владимир, Дмитров, Городец, Углич и т.д.), либо там, где присутствовали ордынские чиновники-баскаки (Ахматова слобода под Курском) [20, с. 40]. Отсюда неизбежно следует вывод, что во 2-й пол. XIII — 1-й пол. XIV вв. Серенск был местопребыванием, возможно кратковременным, либо княжеского стола, либо ордынского «посла» (баскака?). Вторая гипотеза кажется несколько более вероятной из-за находок в Серенске предметов монгольского вооружения и обломка круглого бронзового конического зеркала, являвшегося чисто женским аксессуаром. Может быть, именно с ликвидацией баскачества и был связан пожар в Серенске, в котором погибла большая часть ВПК.

Литература

1. Никольская Т.Н. Земля вятичей. — М., 1981.
2. Макарова Т.И. Поливная посуда // САИ. — 1967. — Вып. Е1-38.
3. Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М. Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. — М., 1989.
4. Lane A. Early islamic pottery. — London, 1958.
5. Хлебникова Т.А. К истории г. Жукотин (Джуке-Тау) домонгольской поры // СА. — 1975. — № 1.
6. Стародуб Т.Х. К вопросу о датировании и атрибутации керамики с сине-черной росписью // Искусство и археология Ирана. — М., 1976. — Т. II.
7. Искусство ислама. — Л., 1990.
8. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. — Л., 1979.
9. Романчук А.И., Перевозчиков В.И. Глазурованная керамика из Азова // Античная древность в Средние века. Византия и сопредельный мир. — Свердловск, 1990.
10. Мицишвили М.Н. Полихромная поливная керамика как источник установления культурных связей XII–XIV вв. // ППКЗ.
11. Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес. XII–XIV вв. // МИА. — 1950. — № 17.
12. Романчук А.И. Глазурованная керамика поздневизантийского Херсонеса // ППКЗ.
13. Баранов И.А. Поливная керамика Сугдеи XIII–XIV вв. // ППКЗ.
14. Сазанов А.В., Иващенко Ю.Ф. Исследования средневековой Кафы в 1991–1992 гг. // Боспорский сборник. — М., 1994. — Вып. 4.
15. Никольская Т.Н. Отчет о раскопках городища у д. Серенск Калужской области в 1965 г. // Архив МА РАН, Р-1, № 3132.
16. Колчин Б.А., Черных Н.Б. Ильинский раскоп: стратиграфия и хронология // Археологическое изучение Новгорода. — М., 1978.
17. Монгайт А.Л. Старая Рязань // МИА. — 1955. — № 49.
18. Монгайт А.Л. Рязанская земля. — М., 1961.
19. Каргер М.К. Древний Киев. — М; Л., 1958. — Т. I.
20. Енуков В.В. Славянский комплекс на р. Рать // Археология и история юго-востока Руси. — Курск, 1991.

Список сокращений

ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР (Москва).
ППКЗ — Материалы I симпозиума по проблеме «Полихромная поливная керамика Закавказья: истоки и пути распространения» (Тбилиси, 1985).
СА — Советская археология (Москва).
САИ — Свод археологических источников (Москва).

Г.В. Кропачев
(Киров)

Смоловский камень и святой колодец из г. Кирова Калужской области

Наименее изученным аспектом археолого-этнографических памятников являются культовые камни и связанные с ними культовые комплексы. Имеющиеся публикации на заданную тему посвящены, как правило, введению в научный оборот культовых камней и попыткам их классификации и систематизации. Основой классификации являются особенности камней: углубления, знаки, отсутствие обработки, существующая традиция их почитания [1]. Последний критерий относится к Смоловскому камню из г. Кирова Калужской области, который следует рассматривать в комплексе со святым колодцем, расположенным рядом.

Камень был обнаружен на западном побережье «верхнего» водохранилища, в местечке Смоловка (западная окраина г. Кирова), в овраге, в 150 м западнее асфальтовой дороги «Киров — Желтоухи», в 160 м южнее ветлечебницы и в 110 м южнее ул. Колхозная. Он представляет собой монолит гранита 2,8 × 3,07 м высотой 2,76 м округлой формы, передняя часть которого ровно

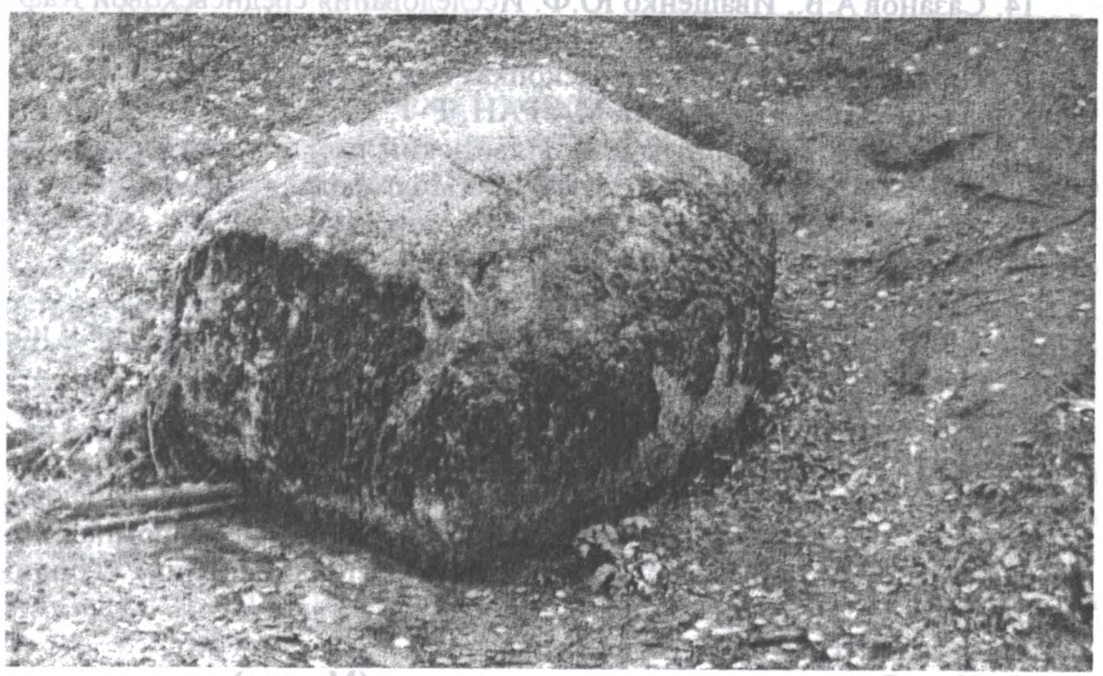

Рис. 1. Смоловский камень

срезана. Верхняя часть камня представляет собой площадку 2,3 × 1,32 м, скошенную в западную сторону, на краю которой хорошо просматривается бороздка (2,3 × 0,32 м, глубиной 0,04 м), продолжается другой бороздкой, повернутой в западную сторону (0,9 × 0,37 м, глубиной 0,1 м) и выходящей на ребро камня.

В 170 м западнее находится святой колодец. Последний представляет собой ключ, в центре которого расположено бетонное кольцо, а вокруг остатки кирпичной кладки. Ключ впадает в ручей, а затем в залив «верхнего» водохранилища.

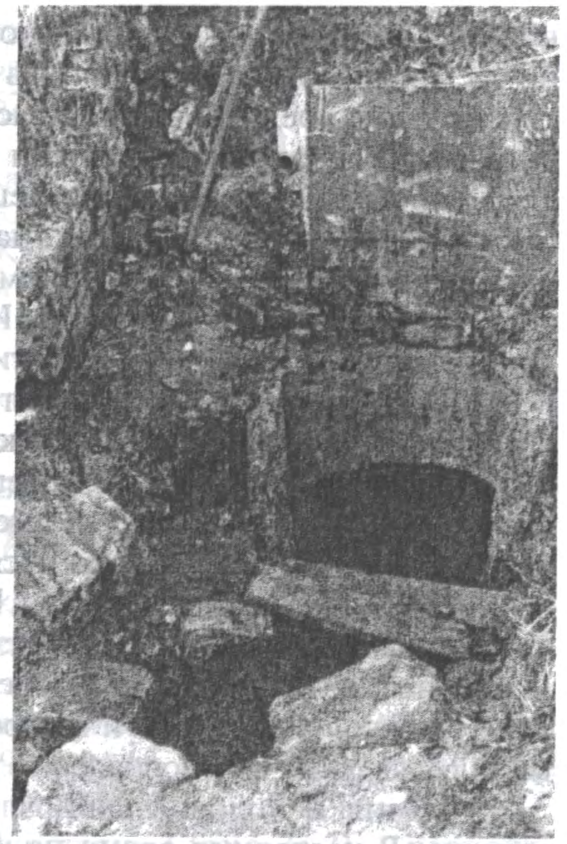

Рис. 2. Святой колодец у Смоловского камня

Памятник впервые был обследован Г.В. Кропачевым в 1994 г.

С камнем и колодцем кировчане до сих пор связывают различные легенды и предания, зафиксированные в ходе сбора этнографического материала о памятнике.

Все опрошенные (возраст 55–75 лет) считают, что Смоловский камень находится на месте или рядом с выходом из подземного хода, который начинается у современного чугунолитейного завода, проходит по берегу р. Песочни и оканчивается в Смоловке. В ходе сооружения «верхнего» водохранилища береговая территория р. Песочни оказалась под водой, затопив тем самым участок подземного хода.

Некоторые старожилы связывают с памятником чудотворные видения Божьей матери, образ которой проявлялся на Смоловском камне и еще на одном камне, который лежал рядом с источником (гранит плоской формы примерно 70 × 70 см, высотой 40–50 см). На этом камне помнят выемку в виде куриной лапки или папоротника, на которую ставили свечи, клали деньги, приносили продукты, т.е. использовали как жертвенник. В конце 50-х гг. XX в., во время гонений на церковь и религию, камень бесслед-

но исчез, его увезли, а святой колодец неоднократно безуспешно засыпали, но он вскоре вновь пробивался, что придавало ему еще большую религиозную окраску. Имеются сведения, что чудотворный образ Божьей матери наблюдали в святом колодце.

Смоловский камень и колодец, по мнению местных жителей, имеют целительную силу. Так, например, люди верят, что вещи, оставленные больным человеком у камня или источника, будут способствовать его исцелению. Известны случаи исцеления водой из святого колодца. Десятилетнему мальчику из Сибири в 1970-е гг. приснился сон, в котором старушка ему сказала, что в местечке Песочня есть святой колодец, в котором можно вылечить глаза. Мальчик, будучи слепым, вместе с родителями приехал к источнику и в течение месяца (до зари и вечером) умывался водой из колодца. Через месяц он стал видеть. Другая легенда связана с 28-летней девушкой из Ростовской области. Она страдала сильным воспалением век, из которых выпали все ресницы. Врачи не могли вылечить заболевание. В 1989 г. она приезжала к святому колодцу, утром и вечером умывалась водой из источника, в результате чего воспаление исчезло, а ресницы стали расти.

У камня и колодца собирались люди, устраивали гулянье, игрища. В настоящее время на камне и в колодце можно найти деньги. На Рождество православный священник освящает воду в святом колоде, за которой стоит длинная очередь кировчан.

В силу поклонения и паломничества к описанному памятнику, существования культовых легенд и преданий, имеющих место до настоящего времени, можно предположить, что Смоловский камень и святой колодец относятся к разряду культовых, а сохранившаяся на камне бороздка могла служить в ритуальных целях. Более полную информацию могут дать дальнейшие археологические и этнографические исследования памятника.

Культовые камни известны на территории Латвии [2], Белоруссии [3], на Псковщине [4], в Калужской области [5] и других регионах Восточной Европы.

Примечания

1. Шорин М.В. Вопросы классификации и датировки культовых камней (по материалам Новгородской области) // КСИА. — 1991. — № 205. — С. 77–83.

2. Цауне А.В. Культовые камни на территории Латвии // Археология и история Пскова и Псковской земли: Тезисы докладов. — Псков, 1983. — С. 53–54.

3. Дуниц Л.В., Левков Э.А. Валун как объект поклонения у белорусов // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1988. Тезисы докладов. — Псков, 1989. — С. 55–57.

4. Александров А.А. Культовые камни Псковской земли: язычество и христианство // Земля Псковская, древняя и современная: Тезисы докладов. — Псков, 1991. — С. 62–67.

5. Прошкин О.Л., Фролов А.С. Камень с чашевидными углублениями с Чертова городища под Козельском // РА. — 1995. — № 1. — С. 199–202.

В.В. Миненко
(Брянск)

Новые селища древнерусского времени в междуречье Десны и Болвы

До недавнего времени в междуречье Десны и Болвы в пределах Брянской области было известно лишь семь поселений древнерусского времени [1], шесть из которых — селища и одно — городище. Все они располагаются в непосредственной близости от р. Десны. В ходе разведок 1993–94 гг. было обнаружено еще четыре селища этого времени.

Самое северное из них — Шаровичи-1 (рис. 1: *1*) — расположено в 0,45 км к юго-западу от с. Шаровичи Рогнединского района. Занимает часть мыса левобережной террасы р. Снопоть (левый приток р. Десны). С севера ограничено ручьем. Высота над уровнем реки 6–10 м. Площадка поката с юго-запада на северо-восток. Размеры селища — 110 × 90 м. Мощность культурного слоя в обрезе берега до 0,5 м. Собран подъемный материал: фрагменты раннекруговой керамики кон. X в., обломки гончарных сосудов XII–XIII вв. (рис. 2: *3–4*). Судя по качеству теста и неравномерному обжигу, посуда, скорее всего, местного производства. Однако о развитии торговых связей с городскими ремесленными центрами свидетельствуют находки гладкого полупрозрачного светло-зеленого стеклянного браслета (XII–XIII вв.) (рис. 2: *2*) и бронзовой проволочной подковообразной спиралеконечной фибулы, датируемой X–XIII вв. [2] (рис. 2: *1*). Она изготовлена из круглой в сечении бронзовой проволоки (диаметр 3 мм), внутренний диаметр фибулы 4 см. Селище обследовалось в 1993 г. В.Н. Гурьяновым, В.В. Миненко и И.В. Сафроновым. Это первый древнерусский памятник на р. Снопоть в пределах Брянской области [3].

Рис. 1. Схема расположения селищ и курганных групп, упомянутых в тексте:
1 — селище Шаровичи;
2 — селище Жуковка, устье Ветьмы-5;
3 — селище Жуковка, Дом престарелых-2;
4 — курганный могильник при устье р. Ветьмы;
5 — курганный могильник Жуковка, устье Ветьмы-3;
6 — селище Жуковка, «Дубки-2»

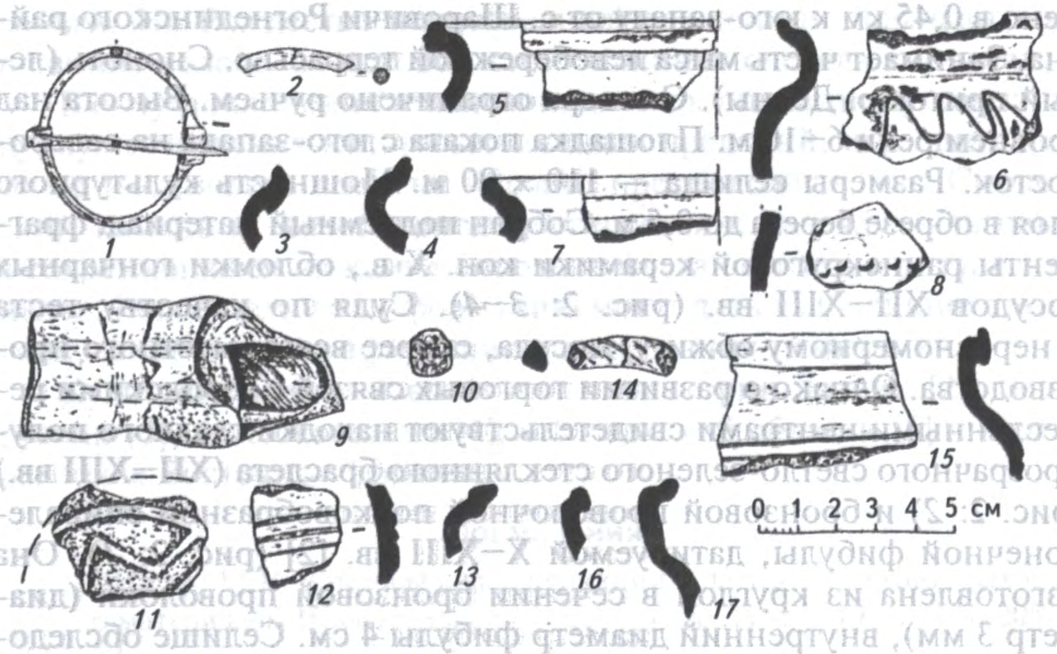

Рис. 2. Подъемный материал:
1 — фибула; *2, 14* — фрагменты стеклянных браслетов; *3, 4, 5, 6, 7, 13, 15, 16, 17* — венчики гончарной посуды XI–XIII вв.; *8, 12* — стенки гончарной посуды; *9* — обломок глиняного сопла; *10* — стеклянная бусина; *11* — фрагмент донца с клеймом

Два древнерусских селища обнаружены на левобережье р. Десны, недалеко от устья р. Ветьмы.

Селище Жуковка, устье Ветьмы-5 (рис. 1: *2*) расположено на слабо выраженном мысу надпойменной правобережной террасы р. Ветьмы. Высота над поймой 4–6 м. Площадка селища поросла кустарником и сосновым лесом, поэтому площадь селища определена по рельефным особенностям местности и имеет размеры 80 × 60 м. Культурный слой сильно поврежден окопами военного времени. Собраны обломки гончарной посуды XI–XIII вв. с линейным, волнистым и ногтевым орнаментом (рис. 2: *5–8*).

Поселение Жуковка, Дом престарелых-2 (рис. 1: *3*) занимает часть первой надпойменной террасы левого берега р. Ветьмы (в 0,2 км к ССЗ от Дома престарелых). Высота над поймой реки — 3–5 м. Площадка поселения интенсивно распахивается и размывается талыми водами. На пашне более темными пятнами выделяются остатки жилищ или сооружений в северной части поселения. Площадь определена по распространению подъемного материала и составляет около 4,8 га. Поселение многослойное. Основной период его функционирования падает на эпоху мезолита, неолита и бронзы (о чем свидетельствуют массовые находки керамики с ямочным, ромбоямочным орнаментом, отсутствующим штампом, обломки и целые орудия труда, а также предметы вооружения из черного, серого и желтого кремня). Незначительное количество гончарной посуды XI–XIII вв., а также массовые находки железных шлаков, обломок глиняного сопла (рис. 2: *9*, *12*, *13*) могут свидетельствовать в пользу того, что в древнерусскую эпоху здесь добывали болотную руду и, возможно, кратковременно располагался железоделательный центр. В подъемном материале также представлены светло-зеленая стеклянная бусина и фрагмент гончарного донца с клеймом (рис. 2: *10*, *11*).

В 1958 г. Ф.М. Заверняевым обследовался курганный могильник Жуковка (рис. 1: *4*), находившийся на северной окраине райцентра Жуковка при устье р. Ветьмы, на левом берегу Десны. Могильник насчитывает двенадцать небольших лепешкообразных курганов. Судя по фрагментам керамики, изготовленной на гончарном круге в средневековое время, обнаруженной в обнажении берега, могильник может быть отнесен к XI–XIII вв. [4]. (Позже этот могильник был ошибочно соотнесен с курганным могильником «Устье Ветьмы-3» (рис. 1: *5*), обследованным А.А. Артеменко в 1972 г., который располагается в пойме левого берега р. Ветьмы, в 1,5 км к северо-западу от г. Жуковка, у железнодорожного моста,

и насчитывал в 1972 г. только девять насыпей [5]). Если подтвердится наличие курганной группы, обследованной Ф.М. Заверняевым в 1958 г. (а возможно и обнаружение синхронного ей селища, расположенного неподалеку), то мы имеем дело с комплексом поселений: селище — курганный могильник, о чем свидетельствует их довольно компактное расположение (1,1–1,4 км друг от друга).

В 3,2 км ниже по течению р. Десны (от устья р. Ветьмы) обнаружен и обследован еще один памятник древнерусского периода.

Селище Жуковка, «Дубки-2» (рис. 1: *б*) расположено на мысу боровой террасы левого берега р. Десны, между двумя небольшими оврагами, в урочище Дубки. Высота над уровнем реки 3–3,5 м. Площадка селища задернована и поросла лесом. Мощность культурного слоя в обрезе берега реки 0,2–0,3 м. Собраны обломки лепной керамики раннего железного века и гончарной посуды XII–XIII вв., железный кованый гвоздь и обломки фиолетового витого стеклянного браслета (сильно оплавлен и патинизирован) (рис. 2: *14, 17*). Площадь селища определена по рельефным особенностям местности и составляет 0,32 га (80 × 40 м).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в XII–XIII вв. происходит активное заселение заболоченных участков Жуковских долинно-зандровых лесов междуречья Десны и Болвы. Небольшие размеры селищ свидетельствуют о том, что при отсутствии значительных участков плодородных земель, пригодных для земледелия, население занималось какими-либо другими видами хозяйственной деятельности (охота, рыболовство, добыча руды и выплавка металла и т.д.).

Более точно решить вопрос о занятиях данных поселений возможно, лишь опираясь на данные раскопок. Исследования небольших древнерусских поселений междуречья Десны и Болвы позволят уточнить их хронологию, планировку и дадут новые материалы по хозяйству древнерусского села XII–XIII вв.

Примечания

1. Археологическая карта России: Брянская область / Автор-сост. А.В. Кашкин. — М., 1993.

2. Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода. — М., 1991. — С. 59.

3. Гурьянов В.Н. Разведки в Брянской области // Археологические открытия 1993 г. — 1994. — С. 59.

4. Заверняев Ф.М. Отчет об археологических исследованиях Брянского областного краеведческого музея // Архив ИА, Р-1, № 1731. — С. 23.

5. Археологическая карта России: Брянская область / Автор-сост. А.В. Кашкин. — М., 1993. — С. 88.

Г.П. Поляков
(Брянск)

Сребреник князя Владимира из Верхнего Подесенья

Корпус первых монет Древней Руси — сребреников великого князя Киевского Владимира Святославича — насчитывает около 180 экземпляров [1]. Подавляющее большинство из них зафиксировано в составе кладов. При раскопках погребений найдено всего лишь тринадцать сребреников Владимира: семь экземпляров — 1-го типа, пять — 2-го типа и один — 3-го типа [2]. Поэтому каждая новая находка представляет значительный научный интерес.

Осенью 1993 г. в Брянский краеведческий музей поступил сребреник князя Владимира. Монета была обнаружена при следующих обстоятельствах. В ходе археологического обследования окрестностей д. Вщиж Жуковского района Брянской области (летописный г. Вщиж) у местного жителя был обнаружен фрагмент горшка кон. X в. (рис. 1). При опросе выяснилось, что глиняный сосуд, изготовленный на гончарном круге, был найден школьниками в ходе самостоятельных «раскопок» одного из курганов древнерусского могильника у пос. Борча. Школьники рассказали о том, что вместе с данным фрагментом сосуда в погребении была обнаружена какая-то монета. Монета оказалась сребреником князя Владимира 3-го типа (рис. 2) и датируется, как и тип

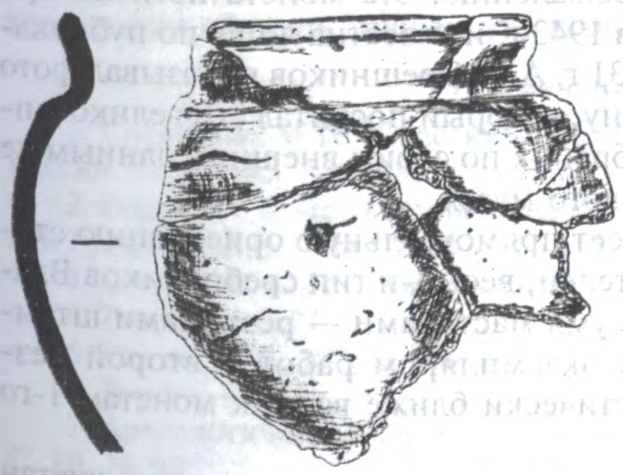

Рис. 1. Фрагмент горшка кон. X в.

Рис. 2. Сребреник князя Владимира

в целом, нач. XI в. [3], т.е. до 1015 г. — года смерти Владимира Святославича. Впрочем, сребреник мог оказаться в кургане и в более позднее время, т.к. все три клада, содержащие сребреники 3-го типа Владимира, были зарыты в 1-й пол. XI в. [4].

Монета не потерта, ее вес — 2,68 г, диаметр — 2,8 см, обрезан. На лицевой стороне князь изображен в фас сидящим на престоле с высокой, расширяющейся кверху спинкой, в плаще с круглой фибулой на груди у ворота. Складки плаща напоминают руки, сложенные на груди, а крест на длинном древке изображен наклонно и кажется прислоненным к фигуре князя с упором на правое плечо. В верхней части лицевой стороны монеты находится нечитаемая легенда, линейный и точечный ободки.

Оборотная сторона содержит изображение княжеского знака Владимира в виде трезубца. Стержень трезубца по форме напоминает наконечник стрелы. Легенда, начинающаяся левее основания трезубца, круговая, читается изнутри монеты: «АСЕЕГОСРL...», т.е. «А СЕ ЕГО СРЕБРО». По краю идут линейный и точечный ободки.

Сребреник изготовлен из красной меди со следами серебра (тонкое серебряное покрытие) и принадлежит к наименее распространенному варианту сребреников 3-го типа. Близкую аналогию среди опубликованных сребреников представляет монета, найденная при раскопках могильника у с. Лепляво Полтавской губернии (на левом берегу Днепра, напротив Канева), производившихся Полтавским земским естественно-историческим музеем в 1913–1914 гг. [5]. К сожалению, эта монета погибла при пожаре Полтавского музея в 1943 г. и известна лишь по публикации прориси. Впрочем, в 1931 г. А.В. Орешников показывал фото этого сребреника А.А. Ильину, который посчитал его великолепным экземпляром. Наш сребреник по своим внешним данным не уступает монете из Полтавского музея.

Сребреник из Борчи имеет прямоугольную ориентацию сторон. По мнению исследователей, весь 3-й тип сребреников Владимира изготовлен всего двумя мастерами — резчиками штемпелей, причем над нашим экземпляром работал второй резчик, резьба которого стилистически ближе всего к монетам 1-го типа [6].

Курганный могильник, в составе которого находился курган с погребением и интересующим нас сребреником, расположен

в 0,1 км к ЮЮЗ от пос. Борча, в 1,5 км к ССЗ от д. Горловка, в лесу. Могильник обследовал А.В. Кашкин в 1984 г. [7]. Он расположен на склоне структурной террасы правого берега р. Десны и протянулся на 550 м с ССЗ на ЮЮВ. В его составе насчитывается 142 насыпи диаметром от 4 до 8 м, высотой от 0,3 до 2,6 м. Двадцать курганов повреждены кладоискателями. В 0,1 км к ССВ от могильника на второй надпойменной террасе правого берега р. Десны расположено двухслойное поселение. Культурный слой толщиной до 3 м прослежен на площади 110 × 60 м. Обнаружены фрагменты керамики эпохи бронзы и роменской культуры, причем роменский материал преобладает.

Курган со сребреником находится в средней части могильника. Сохранилась небольшая часть насыпи. Судя по ней, курган был невелик: его высота не превышает 1–1,2 м, диаметр — 5 м. Большая часть насыпи вместе с погребением снесена кладоискателями. Со слов раскопщиков, погребение находилось в насыпи на горизонте. Монета была найдена на груди, а фрагменты горшка — у черепа погребенного. Костяк и череп вместе с находками были извлечены из погребения и впоследствии утрачены. В полевой сезон 1995 г. остаток насыпи планируется исследовать.

На территории современной Брянской области ближайшей и единственной находкой древнерусских сребреников является находка тринадцать сребреников князей Владимира и Святополка, произведенная кладоискателями в двух курганных группах у с. Митьковка Климовского района [8]. Сребреников князя Владимира найдено восемь, три — типа 1, пять — типа 2. Таким образом, находка из Борчи — это девятая находка сребреника князя Владимира на территории области, причем это первый сребреник — 3-го типа.

Примечания

1. Сотникова М.П., Спасский И.Г. Тысячелетие древнейших монет России. — Л., 1983. — С. 180.
2. Равдина Т.В. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси: Каталог. — М., 1988. — С. 145.
3. Сотникова М.П., Спасский И.Г. Указ. соч. — С. 76.
4. Там же. — С. 77.
5. Там же. — С. 162, № 120-1.
6. Там же. — С. 75.
7. Археологическая карта России: Брянская область. — М., 1993. — С. 80, № 99.
8. Мец Н.Д. Сребреники из Митьковки // СА. — 1960. — № 1. — С. 205.

В.В. Сидоров
(Москва)

Первые вятичи на Средней Оке

Считается общепризнанным, что Подмосковье было заселено с одной стороны вятичами, с другой — кривичами, то есть с верховий Оки, Дона и Днепра, возможно, не прямо, а через Верхнюю Волгу и Валдай, где славянские древности выявляются с VIII–IX вв. Эта гипотеза основана на увязке А.А. Спицыным типа семилопастных височных колец [1], характерных для бассейна р. Москвы в кон. XII — нач. XIII вв., с вятичскими прототипами, а браслетовидных колец (очень широко распространенный тип) — с кривичскими [2]. Других доказательств этноплеменной структуры населения Подмосковья нет. Т.В. Равдина, однако, показала, что в случае с семилопастными височными кольцами правильнее говорить об экономических связях с определенным центром — Москвой, чем о племенной, этнической общности [3]. Письменных свидетельств существования племенной структуры славянского общества в период колонизации Подмосковья, который приходится в основном на XII в., нет.

Многочисленные курганы имеют достоверные датировки не ранее сер. XI в. Единичны лепные сосуды. Курган в Уборах, который истолковывается как фиксация первого появления славян в Подмосковье, остается единственным и не очень ясным свидетельством обряда, совпадающего с описанием в «Повести временных лет» [3]. С ним не удается связать никаких бытовых комплексов. Двенадцать курганов с трупосожжениями не очень ясно датируются тоже кон. X–XI вв. [4].

В поречье Оки известны селища с грубой лепной керамикой, относимые к поздней стадии железного века, но не отделяемые от дьяковской культуры. Это сосуды с гофрированным венчиком, нередко с ногтевыми оттисками по краю, изредка со шнуровым орнаментом, характерным для роменско-боршевской культуры. Их форма — горшки с крутыми плечиками, коротким прямым венчиком, дно которых нередко значительно утолщено. В качестве примеси используется грубая дресва, изредка органика, поверхность замыта, зерна дресвы выступают рельефно, расчес поверхности не характерен. Небольшая часть сосудов с примесью песка в тесте и без орнамента имеет заглаженные, почти лощеные поверхности.

Такая керамика встречена нами на некоторых селищах района г. Каширы (Колтово-2, Корыстово-5, Малеево-2) на правом и левом берегах Оки (Лужники-1, Прилуки, Зиброво). Выше, у с. Лужки открыта цепочка селищ с такой керамикой. Некоторые из них подверглись раскопкам и шурфовке (Лужки А, Б, В, Г, Сушка). Несмотря на то, что на селищах Лужки А и Корыстово-5 раскопаны частично жилища, материала для датировки и культурной интерпретации их оставалось недостаточно. Они по-прежнему включались в состав позднедьяковской культуры, хотя присутствие роменских элементов здесь отмечалось.

В 1989 г. здесь был открыт могильник с трупосожжениями и раскопано два погребения. В 1993 г. было исследовано еще четырнадцать погребений (четыре частично). Памятник назван Лужки Е.

Могильник — поле трупосожжений на высоком песчаном берегу Оки — отделен от поселения неглубоким ложком. Он протянулся по берегу примерно на 80 м при ширине не более 10 м. Между поселением и полем сожжений на левом мысу ложка находился более древний могильник с трупоположениями и с использованием каменных кладок, частью перекрытый слоем селища Лужки Д (исследован Б. Янишевским, Р. Нигматуллиным).

Обряд, исследованный в могильнике Лужки Е, насчитывает четыре варианта, существенно различающихся.

В первую очередь следует отметить сожжения на настиле. Два из них раскопаны полностью, видимо, еще два уходят в стенки раскопа. Больше на могильнике не остается места для подобного погребения. Сначала выкапывались на месте сожжения ямы и в некоторые устанавливались столбы. Под погребением 2 ямы не были засыпаны, под погребением 3 — засыпаны полностью. Затем по периметру в один ряд выкладывались плитки известняка, над ними сооружался квадратный настил со стороной около 2,5 м. На нем укладывался покойник, в погребении 2 — у северной стенки. Видимо, настил был достаточно высоко над землей: прокал песка не отмечается. На настиле было какое-то сооружение. При погребенном и рядом устанавливались сосуды; в погребении 2 — на настиле миниатюрный баночный и крупный роменский, со шнуровым орнаментом, вне настила разбросан еще один, без орнамента, с замытой поверхностью. Все находки, остатки обугленного сооружения сохранились непотревоженными, что можно объяснить засыпанием сожжения довольно толстым слоем песка, законсервировавшего погребение. Действительно, здесь отмечается пласт светло-бурого песка без нахо-

док, сохранившаяся мощность до 18 см. Возможно, над сожжением была низкая курганная насыпь, в дальнейшем нивелированная.

На настиле погребения 2 среди костей были найдены компактно расположенные простое бронзовое кольцо, миниатюрное пластинчатое кресало балтийского типа и три зонных бусины зеленого стекла. В отвале из раскопок погребения 3 найдены половинка крупного шаровидного бубенчика и слиток стеклянных бус с бронзовой спиральной лентой.

Второй тип обряда, наиболее массовый, — сожжение на столбах. В углистых пятнах с отдельными головешками прослежено от одного до трех столбов, вкопанных до глубины 30 см, следов настилов не обнаружено. Горелые кости, измельченная керамика, оплавленные бусы рассеяны на площади 3–6 кв. м. Встречаются компактные скопления костей — около 1 кв. м, но чаще рассеянные. Вариант обряда дает компактное скопление черепков одного сосуда, тут же рассеяны оплавленные бусы. Обычно такие погребения сопровождались ямами диаметром 0,5–0,7 м и такой же глубины, выкопанными до сожжения.

Бусы встречаются как единично, так и целыми наборами до 7 шт. с несколькими одинаковыми, в погребении 13 найден бисер. Иные типы инвентаря единичны: бронзовые грибовидные подвески, остатки медной чаши. Есть безынвентарные.

Третий тип обряда не дает следов ям, но зато сосуды сохраняются полностью. Они были вкопаны в очень неглубокие ямки, и в них сложен прах: внизу — углистый песок, затем горелые кости, сверху — оплавленные бусы. Часть бус — вне сосуда (погребения 10, 11).

Оригинально погребение 8. Для него была выкопана квадратная яма со стороной 1,8 м, в центре на дне — камень. После того, как яма частично заполнилась, было совершено сожжение, видимо, над ямой. Развал сосуда компактный, у края ямы, но в заполнении есть черепки другого сосуда. На краю ямы обнаружено скопление горелых костей без следов сожжения на месте: прах был перенесен со стороны, вещами и бусами не сопровождался. После кремации яма с остатками сожжения засыпана песком.

Какую-то роль в обряде играют ровики аршинной ширины (около 70 см), широтного направления. Длина их различна. В ровик оплыли остатки погребений 12, 13, 9. Над ровиком оказались урны с прахом. Интересно, что точно над погребениями встречены два фрагмента одной белоглиняной крышки гончарного котла, явно импортного.

Характер материала позволяет с уверенностью датировать этот памятник рубежом IX–X вв. (рис. 1). Бусы, подвески, крышка котла — импорты, им легко находят аналогии. Со славянским населением связываются два из четырех вариантов погребальной обрядности: рассеянные сожжения на настилах, использование выкладок из камней — характерная черта балтских погребений, но особенно массово они присутствуют у ятвягов [5]. Видимо, и к вятичам на Оке они попадают от балтов. Именно с балтским населением можно связывать соседний могильник — Лужки Д.

Таким образом, на небольшом отрезке долины Оки на протяжении 3 км встречено скопление небольших селищ и могиль-

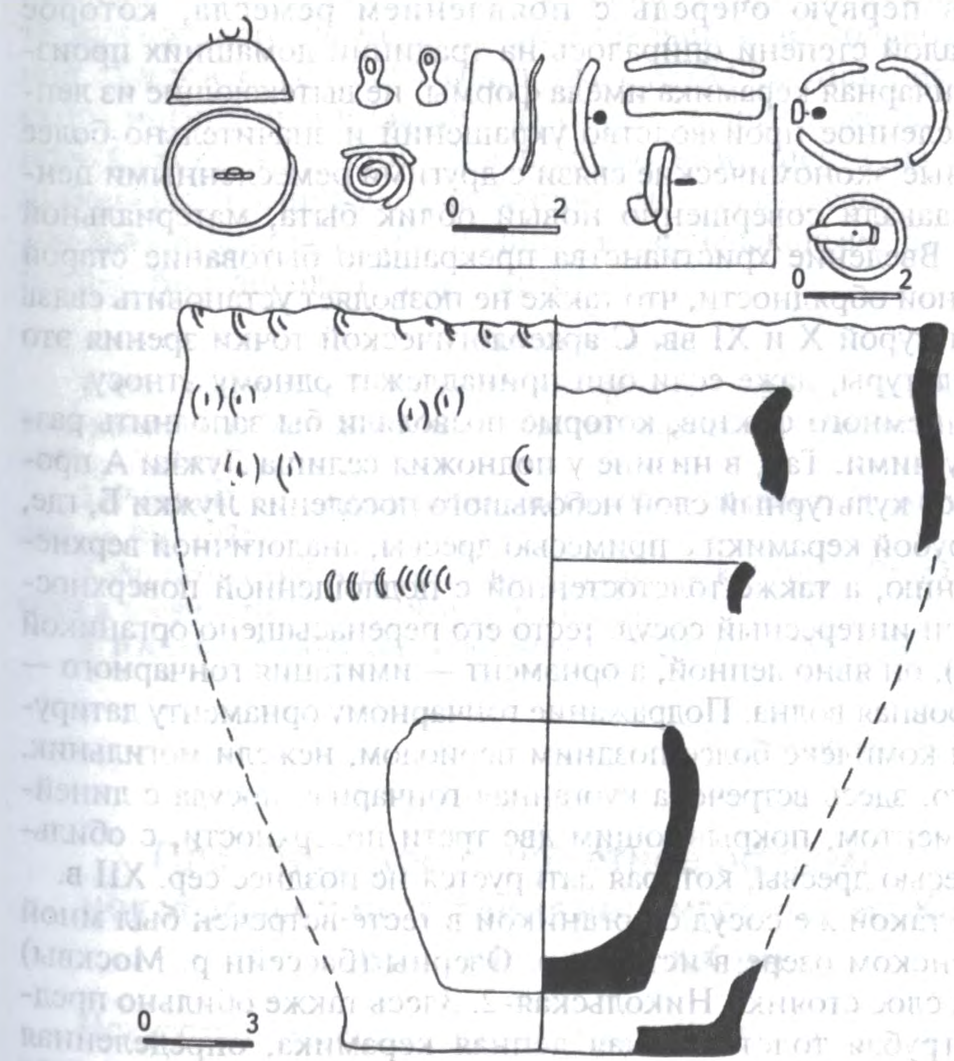

Рис. 1. Инвентарь из погребений грунтового могильника Лужки

ник, которые могут быть датированы IX — нач. X вв. и связываться с миграцией сюда славян, пришедших в занятый ранее балтами район. Вторая группа таких селищ намечается на 15 км ниже по Оке — при устье Лопасни (Прилуки, Зиброво). Здесь раскопок не проводилось. Третья группа наметилась при устьях рр. Мутенки и Каширки на обоих берегах (Лужники-1, Колтовская группа). Видимо, на этом этапе славянская колонизация касается только долины Оки.

Проследить прямую трансформацию культуры этих селищ в хорошо известную культуру раннесредневековых русских селищ и курганов в Подмосковье нелегко. Вскоре после колонизации произошло разностороннее изменение быта, традиций, утвари. Это связано в первую очередь с появлением ремесла, которое в очень малой степени опиралось на традиции домашних производств. Гончарная керамика имела формы, не вытекающие из лепной. Ремесленное производство украшений и значительно более интенсивные экономические связи с другими ремесленными центрами создавали совершенно новый облик быта, материальной культуры. Введение христианства прекращало бытование старой погребальной обрядности, что также не позволяет установить связь между культурой X и XI вв. С археологической точки зрения это разные культуры, даже если они принадлежат одному этносу.

Очень немного фактов, которые позволяли бы заполнить разрыв между ними. Так, в низине у подножия селища Лужки А прослеживается культурный слой небольшого поселения Лужки Б, где, помимо грубой керамики с примесью дресвы, аналогичной верхнему поселению, а также толстостенной с подлощенной поверхностью, найден интересный сосуд: тесто его перенасыщено органикой (навозом?), он явно лепной, а орнамент — имитация гончарного — грубая неровная волна. Подражание гончарному орнаменту датирует данный комплекс более поздним периодом, нежели могильник. Кроме того, здесь встречена курганная гончарная посуда с линейным орнаментом, покрывающим две трети поверхности, с обильной примесью дресвы, которая датируется не позднее сер. XII в.

Точно такой же сосуд с органикой в тесте встречен был мной на Тростенском озере в истоках р. Озерны (бассейн р. Москвы) в позднем слое стоянки Никольская-2. Здесь также обильно представлена грубая толстостенная лепная керамика, определенная как позднедьяковская. Вещевой материал селища на стоянке представлен железными ножами, простой бронзовой сюльгамой

с припаянными дротовыми усиками. В связи с выделением комплекса могильника Лужки Е, лепную керамику этого памятника придется рассматривать как связанную со славянской колонизацией. Подобная грубая керамика встречена нами на селище Тростенское С. Узко датирующих вещей здесь не встречено (ромбический черешковый дротик, пружинные ножницы). По-видимому, распространение вятичей вверх по р. Москве — это уже следующий этап, не ранее кон. X в., а скорее и уже в нач. XI в.

Селища и городища с лепной керамикой, относимые А.В. Юшко к IX–XI вв. территориально, в основном совпадают с распространением курганов с трупосожжениями, будучи связанными с долиной р. Москвы. Видимо, это следующий шаг в колонизации славянами Подмосковья, нижняя датировка которого в свете Лужковского комплекса представляется несколько удревленной. Достовернее их связывать уже с X–XI вв. Материал Лужковского могильника и связанных с ним селищ позволяет наметить перспективу выделения славянского компонента из известных дьяковских комплексов, частично уменьшая разрыв между эпохой дьяковской культуры и ранним средневековьем. Видимо, этот период был довольно коротким.

Примечания

1. Спицын А.А. Расселение древнерусских племен, по археологическим данным // Журнал Министерства народного просвещения. — М., 1899. — Т. VIII.

2. Равдина Т.В. Хронология «вятичских» древностей: Автореф. канд. дис. — М., 1975.

3. Арциховский А.В. Большой Беседский курган // Славяне и их соседи в древности. — М., 1970. — С. 102–105.

4. Юшко А.А. Московская земля IX–XIV вв. — М., 1991.

Л.И. Федорова, В.А. Ткаченко
(Калуга)

Пластическое и сюжетное оформление некоторых типов глиняных игрушек из Калуги кон. XVI — нач. XX вв.

Искусство глиняной игрушки в г. Калуге и пригородах прослеживается как непрерывная художественная образно-сюжетная и технологическая традиция с кон. XVI в. по настоящее время.

Игрушки вылеплены вручную из комочков различных местных глин с преобладанием светлых, серо-белых, кремовых, а иногда и красно-коричневых тонов после обжига. На некоторых из них имеются сохранившиеся следы росписи в виде параллельных полосок, солярных знаков, решеток, точек. Изготовление игрушек являлось побочным промыслом местных мастеров гончарных ремесел, и прежде всего горшечников. Поэтому игрушки изготовлялись из того же глиняного теста, что и основная продукция.

Постоянство технологической традиции создания полого пространства в игрушках определило и постоянство внешних форм как звуковых, так и безмолвных игрушек. В звуковых свистящих игрушках внутренний объем гудушника определяет и пластику внешних форм. В местной игрушке на протяжении рассматриваемого периода бытовали три основные технологические разновидности: «пельмень» — наиболее распространенная и устойчивая форма, не толстых удлиненных очертаний, изготовлявшаяся на пальцах рук, что подтверждается отпечатком указательного женского пальца в гудушнике кон. XVI в.; гудушник «пузырь» почти круглой, иногда слегка вытянутой, формы; «дутыш» — переходный между «пельменем» и «пузырем» тип. «Пузырь» и «дутыш» тоже изготовлялись на пальцах рук, но каждый по своей технологии. Примером свистка-сопелки «дутыша» может служить свистулька XVII в., представленная на рис. 1: *1*. Свисток с двумя игровыми отверстиями изображает курочку. Его особенность в том, что канал подачи воздуха проколот сквозь головку. Подобного типа свистульки известны в описании древностей XII–XIII вв. и не известны в XX в. Черепок бело-серого цвета с блестками. Формы мягкие округлые, предельно обобщенные. Хвостик выполнен простым прищипом и пригнут вверх.

Примерами местного традиционного сюжета могут служить свистки — «коники» (рис. 1: *2*), выполненные на основе гудушника «пельмень» и широко датируемые 2-й пол. XVI — 1-й пол. XVIII вв. В воспоминаниях старожилов пригородного с. Ромоданово описываются «коники» нач. 20-х гг. нашего столетия, близкие по пластическому оформлению к рассматриваемому типу. Сопелка-«коник» стоит на четырех коротких ножках, которые не утяжеляют основной объем. Изящно вытянутая круто изогнутая шея, с едва намеченной прищипами гривой заканчивается довольно крупной головой с наколотыми глазами. Динамика движения обо-

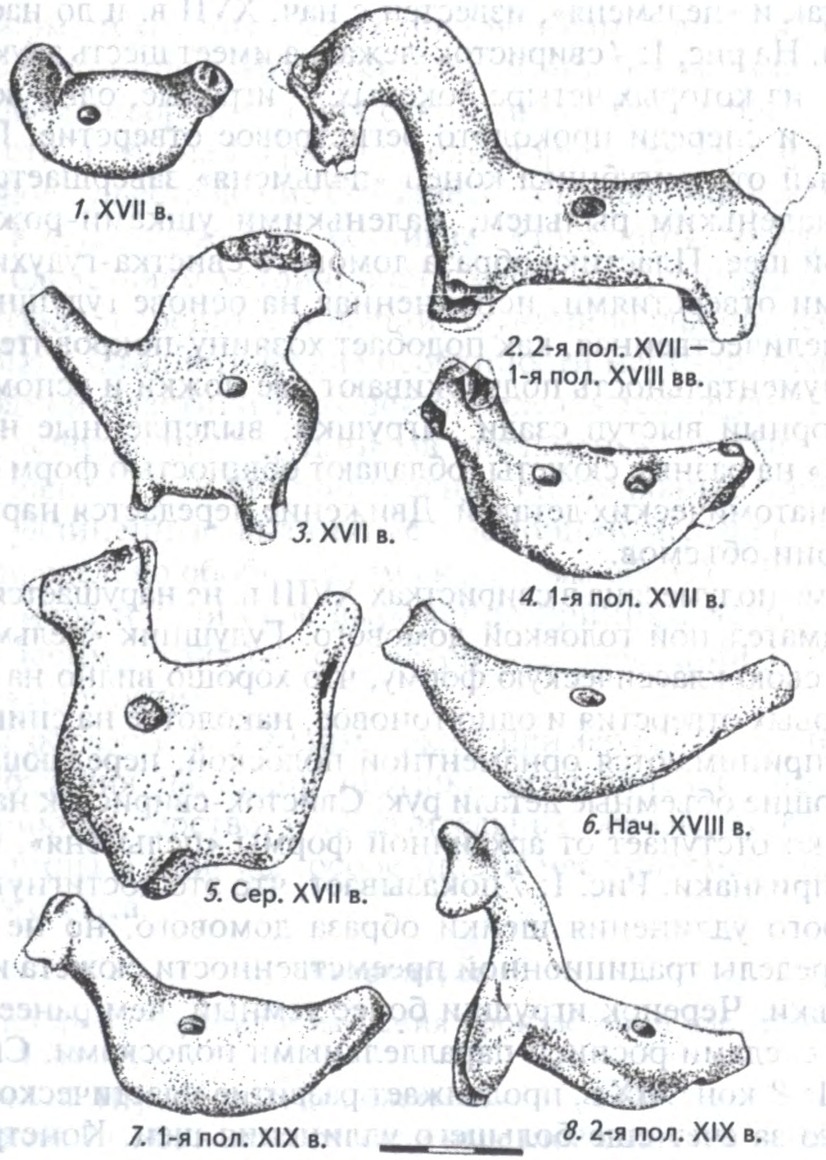

Рис. 1. Пластическое и сюжетное оформление некоторых типов игрушек

значена еле приметными наклоном головы и нарушением симметрии пропорций. Игровых отверстий два.

Та же свистулька «коник», выполненная на основе гудушника «пузыря», пластически резко отлична от «коника» (рис. 1: *2*). Датируется этот «коник» XVII в. Его изображение на рис. 1: *3* передает скорее образ и коня, и птицы, аналоги которому известны на руси с XI в. и отображают движение солнца днем и ночью, его круглосуточное покровительство. Наличие только двух игровых отверстий относит данный свисток к типу «сопелок».

Образ домового в свистках, изготовленных на основе как «пузыря», так и «пельменя», известен с нач. XVII в. и до настоящего времени. На рис. 1: *4* свириcток-лежачка имеет шесть звуковых отверстий, из которых четыре боковых — игровые, одно верхнее — тоновое, и спереди проколото регистровое отверстие. Противоположный от пригубника конец «пельменя» завершается головкой с маленьким рыльцем, маленькими ушками-рожками на короткой шее. Пластика образа домового свистка-гудухи с двумя игровыми отверстиями, исполненная на основе гудушника «пузыря», величественная, как подобает хозяину-покровителю дома. Эту монументальность подчеркивают две ножки и вспомогательный опорный выступ сзади. Игрушки, вылепленные на основе «пузыря» на разные сюжеты, обладают общностью форм без уточнения анатомических деталей. Движение передается нарушением симметрии объемов.

Форма полумесяца в свиристках XVIII в. не нарушается маленькой внимательной головкой домового. Гудушник «пельмень» сохраняет свою классическую форму, что хорошо видно на рис. 1: *6.* Два игровых отверстия и одно тоновое, наколотое на спинке свистка, воспринимаются орнаментной полоской, передающей несуществующие объемные детали рук. Свисток-свириcток нач. XIX в. несколько отступает от архаичной формы «пельменя», сохраняя все его признаки. Рис. 1: *7* показывает, что это достигнуто за счет некоторого удлинения шейки образа домового, но не выводит его за пределы традиционной преемственности сюжета и пластики головки. Черепок игрушки более темный, чем ранее описанные, со следами росписи параллельными полосками. Свириcток на рис. 1: *8* кон. XIX в. продолжает развитие пластического образа домового за счет еще большего удлинения шеи. Конструктивно он усовершенствован прилепленными к «пельменю» двумя ножками, не позволяющими свистку опрокинуться на твердой поверхности, но по-прежнему удобному для удержания в руке, как и свистки-лежачки. Два игровых отверстия по бокам ближе к спинке служат для наигрыша простейших мелодий.

Игрушки с сюжетом домового XX столетия повторяют тот же узнаваемый внешний облик, что и исполненные ранее. Только часто домовой является дополнением к более развитым сюжетам игрушек.

Игрушки из Калуги и пригородов XVII–XIX вв. отличает заметное своеобразие пластических образов, сохраняющих на

протяжении нескольких столетий основы традиционных архаических форм, технологических приемов изготовления, художественных принципов. Игрушки рассчитаны на круговой обзор, где с каждым поворотом в них открываются новые пластические особенности, глубина и красота фольклорного содержания. Долговременное существование без заметных изменений рассмотренных для Калуги сюжетов: «коника», «домового», «курочки» — является следствием устойчивости местных традиций, обрядовых действий, народных поверий, функциональной необходимости в быту. Стилистические особенности местной традиционной народной пластики игрушек определяются неизменностью приемов исполнения гудушников «пельмень», «дутыш» и «пузырь» на пальцах рук без применения специальных приспособлений, а удлиненные вытянутые пропорции игрушек придают легкость предельно обобщенным сюжетным образам. В игрушках в полной мере нашли свое выражение принцип народного искусства «несимметричная симметрия» в сочетании с принципом «иллюзорности».

Таким образом, мы видим яркий пример, как вместе с традицией создания народной игрушки передаются от поколения к поколению мастерство, изобразительные образы, художественные принципы и приемы, особенности местного материального и духовного быта.

Литература

1. Из истории собрания и изучения произведений народного искусства. — Л., 1991.

2. Лайн Г.Л. Игрушечных дел мастера. — М., 1994.

3. Маслова Г.С. Орнамент русской народной вышивки. — М., 1978.

4. Проблемы народного искусства. — М., 1982.

5. Седов В.В. Восточные славяне в VI–VIII вв. — М., 1982.

6. Федорова Л.И. Звуковые и безмолвные игрушки города Калуги // Доклад на научно-практическую конференцию «Родная сторона» в г. Калуге и научной конференции «Заиграй, моя игрушка» в г. Туле. 1994 г.

7. Федорова Л.И., Ткаченко В.А. Калуга — один из центров традиционной игрушки края // Доклад на Вторых Песоченских чтениях в г. Кирове Калужской области. 1994 г.

8. Федорова Л.И., Ткаченко В.А. Калужские глиняные игрушки XVI–XIX веков // Песоченский историко-археологический сборник. — Киров, 1993.

9. Шацков В.С. Очерки истории мировой игрушки. — М., 1990.

В.П. Челяпов
(Рязань)

Многослойное поселение Лебяжий Бор-6 в Рязанском Примокшанье

В 1994 г. экспедицией Научно-производственного центра по охране и использованию памятников истории и культуры проведены охранные раскопки поселения Лебяжий Бор-6, расположенного на песчаном останце первой надпойменной террасы правого берега р. Мокши в 0,8 км к югу от пос. Лебяжий Бор Ермишинского района Рязанской области [8]. Памятник был открыт в 1975 г. Н.Л. Дресслер [2]. В 1989 г. на поселении провел работы А.Н. Сорокин.

У подножия останца находится старичное оз. Марище. Памятник возвышается над уровнем воды на 3–5 м. Стоянка вытянута вдоль берега озера на протяжении 260 м. В восточной части памятника, почти полностью уничтоженной песчаным карьером, сохранился небольшой участок поселения с остатками культурного слоя, достигающего мощности 1 м. Сделана врезка в слой площадью 20 кв. м. На разрушенной территории памятника собрано большое количество керамики и кремневых орудий.

В результате раскопок частично вскрыто полуземляночное жилище волосовской культуры. Найдены фрагменты керамики с прямым, приостренным, слабо отогнутым и Г-образным венчиками. Форма сосудов горшковидная с уплощенным и округлым днищами. Орнамент разнообразен: зубчатые штампы, ямочные вдавления, елочка со стеблем и т.п. Керамика толстостенная, в тесте большая примесь органики, выгоревшей во время обжига, от чего черепки пористые. В полу жилища расчищено шестьдесят ямок различного размера и назначения, углубленных в материк. В одной из ямок стоял волосовский сосуд с округлым дном. Кремневый инвентарь представлен скребками, проверткаами, скобелями, наконечниками стрел, ножами.

Кроме того, на поселении найдена ямочно-гребенчатая керамика, фрагменты сосудов поздняковской и примокшанской культур. Поздняковская керамика одновременна материалу из могильника Лебяжий Бор (3-я четверть 2-го тыс. до н.э.), расположенного к северу от поселения. Встречены обломки горшковидных и баночных сосудов. Орнамент выполнен нарезкой, зубчатым

штампом, встречаются оттиски веревки, характерен орнамент из ямочных вдавлений и «жечужин».

В последние годы на территории Средней Оки открыто значительное число памятников, содержащих керамику примокшанской культуры, оказавшей значительное влияние на формирование поздняковских древностей [9]. В этом смысле интересна небольшая коллекция керамики примокшанского типа (1-я пол. 2-го тыс. до н.э.), украшенная ромбами, выполненными зубчатым штампом, и имеющая сложнопрофилированный венчик. По срезу венчика и его внутренней поверхности нанесен орнамент. В коллекции находится обломок небольшой чаши, украшенный ромбовидными вдавлениями.

В результате работ на поселении получена значительная коллекция керамики имеркского типа. Венчики сосудов отогнуты наружу и имеют с внутренней стороны в месте сгиба характерный наплыв. Тесто хорошо промешано. Прослежены включения песка и органики. Орнамент состоит из горизонтальных рядов наклонно прочерченных линий, образующих «паркетный» орнамент и елочку со стеблем. На некоторых фрагментах венчик украшен с внутренней стороны. Встречены обломки приостренного днища. Некоторые сосуды украшены наколами в технике «отступающей ласточки», на ряде фрагментов присутствуют оттиски палочки, обмотанной веревочкой (рис. 1).

Время существования памятника имеркского типа определяется как эпоха энеолита. Данные бытовали во 2-й пол. 3-го — 1-й пол. 2-го тыс. до н.э. и были синхронны волосовским древностям [6]. Результаты раскопок поселения Лебяжий Бор-6 не противоречат такой датировке.

Памятники, отнесенные к имеркской культуре, до последнего времени были обнаружены на территории Мордовии (Волгапино, Имерка-V, VI, Новый Усад-IV, Машкино-VI, X и др.) [1] и в Пензенской области (Скачки) [7]. В результате разведочных работ последних лет подобная керамика встречена и на памятниках Рязанского Примокшанья (Сорга-I, Шаморга-IX, Мыс Доброй Надежды). Таким образом, в территорию распространения имеркской культуры следует включить и нижнее течение р. Мокши и ее левого притока — р. Цны.

Литература

1. Выборнов А.А., Третьяков В.П. Поселение Имерка-VI // КСИА. — 1986. — Вып. 185.

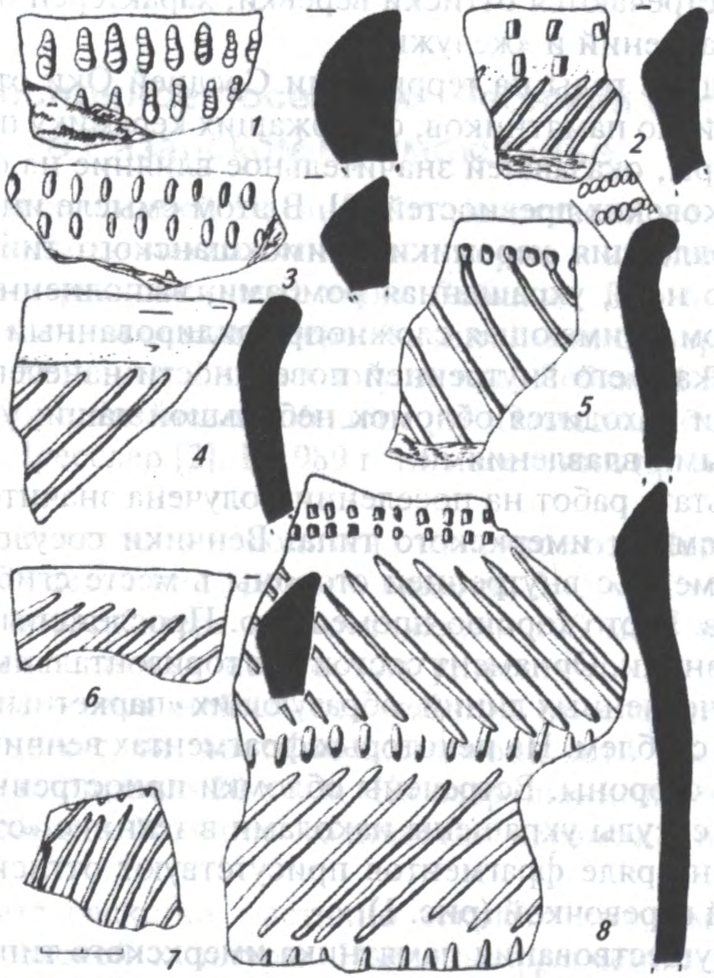

Рис. 1. Фрагменты керамики имерского типа с поселения Лебяжий Бор в Рязанском Примокшанье

2. Дресслер Н.Л., Михайлова Л.А. Разведки на р. Оке // АО-1975. — М., 1976. — С. 63, 64.

3. Сорокин А.Н. Отчет об исследованиях в зонах строительства автодорог и раскопках стоянки Шильцев Завод-5 в Рязанской области в 1989 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 13786.

4. Ставицкий В.В. Новые раскопки поселения Новый Усад // Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье. — Пенза, 1992.

5. Ставицкий В.В. Поселение Скачки на Верхней Мокше // Древние поселения Примокшанья: Труды МНИИЯЛ ИЭ. — Саранск, 1992. — Вып. 104.

6. Третьяков В.П. Неолитические племена лесной зоны Восточной Европы. — Л., 1990. — С. 148, 149.

7. Третьяков В.П. Поселение Имерка-5 — памятник эпохи энеолита в Примокшанье // СА. — 1987. — № 1.

8. Челяпов В.П. Отчет об охранных раскопках в окрестностях пос. Лебяжий Бор Ермишинского района Рязанской области в 1994 г. // Архив ИА.

9. Челяпов В.П. Роль примокшанских племен в формировании поздняковской культуры // Проблемы взаимодействия населения лесной и лесостепной зон Восточно-Европейского региона в эпоху бронзы и в раннем железном веке: ТД конференции. — Тула, 1993. — С. 76–78.

А.А. Чубур
(Курчатов)

Перспективы поисков верхнего палеолита в бассейне Верхней Оки и в Окско-Деснинском междуречье

В бассейне Верхней Оки известно пока мизерное число верхнепалеолитических местонахождений, но из этого не следует, что регион был слабо заселен. С помощью апробируемой методики выявления «палеолитических районов» можно прогнозировать успешные поиски памятников в ряде районов.

Практически все верхнепалеолитические памятники центра Русской равнины связаны с территориями, где плотность местонахождений остатков мамонта выше среднего значения, составляющего, по нашим данным, для находок вне культурных слоев около $2{,}5 \times 10^{-3}$ находки на квадратный километр. Основной «коридор», насыщенный остатками мамонта в центре Русской равнины, тянется с юго-запада-запада на северо-восток и захватывает Верхнее Поочье своей северной частью. Достаточно высока плотность местонахождений между 35°30' и 36°30' восточной долготы в пределах 52°30'–55° северной широты. Таким образом, на первом этапе выделяется обширная территория, на которой наиболее вероятно обнаружение верхнепалеолитических памятников.

Установлено, что стратегия расселения восточно-европейских «охотников на мамонта» была ориентирована на использование естественных скоплений остатков мамонта — мамонтовых «кладбищ», которые, в свою очередь, возникали в местах, где речные долины пересекают тектонические швы или локальные неотектонические поднятия с большой амплитудой. В таких местах складывались оптимальные условия для накопления мамонтовых туш, сносившихся с поймы половодьями [1, 2]. Соответствующие участки легко читаются по продольным профилям рек и морфо-

руктур региона. Наиболее перспективными представляются следующие территории:

— По р. Оке в пределах Орловской, Калужской и Тульской областей: 1. Устье р. Крома — северная окраина г. Орла (Нарышкинско-Шаблыкинская и Орловская морфоструктуры и локальные поднятия на их основе) (здесь и далее данные о морфоструктуре приводятся по Г.И. Раскотову [3] и Р.В. Кабановой [4]). 2. Окрестности г. Белева (Плавская морфоструктура), здесь уже выявлено палеолитическое местонахождение Мелтино [5]. 3. Окрестности г. Чекалина, вплоть до устья р. Жиздры (группа локальных поднятий). 4. Окрестности г. Калуги (входное устье Калужско-Алексинского каньона). 5. Участок между гг. Алексиным и Тарусой (выходное устье Калужско-Алексинского каньона и Обнинская положительная морфоструктура).

— По р. Нугрь (Орловская область) — участок долины между с. Борилово и устьем (Дудоровское поднятие и группа локальных поднятий). В районе сс. Курасово и Пальчиково в пределах этого участка также отмечены следы верхнего палеолита [6, 7].

— По р. Жиздре (Калужская область) — окрестности г. Козельска (Козельская положительная морфоструктура), где, по свидетельствам А.Д. Четыркина, вместе с костями мамонта, найденными близ д. Степино, встречены палеолитические каменные изделия [8].

Палеолитический человек неоднократно проникал в бассейн Оки. Самые первые экспансии, видимо, связаны еще с эпохой мустье. Об этом свидетельствуют находки в урочище Золотариха близ Белева [9]. Не исключено, что в Поочье происходило формирование костенкинско-спицынских традиций, так как их носители пришли в бассейн Дона вместе с сомкнутыми темнохвойными лесами, надвигавшимися с севера [10]. Эта гипотеза, однако, пока не подтверждена археологическим материалом, поэтому говорить о населении Поочья в период ранней поры верхнего палеолита преждевременно.

Экспансия носителей виллендорфско-костенковских традиций в Окский бассейн осуществлялась из бассейна Дона в период конца раннеосташковского похолодания — начала гмелинского интерстадиала, что подтверждают материалы Зарайской стоянки [11]. Судьба этого населения в более позднее время на настоящем этапе исследования неясна. При этом не вызывают сомнений сведения о том, что в период максимума похолодания

произошел всеобщий отток населения к югу не менее чем на 250—300 км. Таким образом, «виллендорфцы» должны были спуститься как минимум до 52—53° северной широты, что совпадает с верховьями Оки. В этом контексте следует обратить внимание на проводимые А.Н. Сорокиным сопоставления финально-палеолитических памятников рессетинской культуры и верхнепалеолитических, относящихся к виллендорфско-костенковскому кругу. Стоянки типа Рессета связаны именно с Верхним Поочьем [12].

Новое проникновение человека в бассейн Оки произошло уже в эпоху постмаксимума и осуществлялось через бассейн Верхней Десны, что подтверждается сходством материалов поздних памятников Верхнего Подесенья (Тимоновские стоянки, Керачиж и др.) и окских памятников Заозерье-I, Шатрищи-I [13, 14]. Пути расселения точно установить пока невозможно, однако следует учитывать наличие «сквозных», или проходных, долин между Деснинским и Верхнеокским бассейнами: р. Нерусса — р. Ицка, р. Навля — рр. Цон и Орлик, р. Снежеть — р. Нугрь и, наконец, р. Болва — р. Жиздра. Учитывая то, что население, судя по всему, мигрировало вслед за стадами мамонта, который был основой как собирательской, так и охотничьей экономики, можно полагать, что пути миграции были связаны с территориями, наиболее насыщенными в настоящее время остатками мамонта. Такие территории, естественно, должны отражать и основные пути миграций мамонтовых стад. В этом плане самым вероятным представляется вариант миграции человека из Брянского палеолитического района на Верхней Десне по долине р. Снежеть и далее по р. Нугрь. Не исключен, хотя и менее вероятен, путь из Трубчевского палеолитического района, пока слабо разведанного, по рр. Навля, Дон, Орлик. Что же касается миграций по путям р. Болва — р. Жиздра и р. Нерусса — р. Ицка, можно сказать, что они крайне маловероятны. Обширные низины, в основном заболоченные, на юго-востоке Брянской и на юге Калужской областей вряд ли были заселены.

Таким образом, определяется район Верхнего Поочья, где наиболее вероятно нахождение палеолитических памятников эпохи постмаксимума, культурные слои которых могут залегать в отложениях первой надпоймы и в алтыновских лессах, венчающих делювиальную толщу на надпойменных террасах и на водораздельном плато.

Говоря о расселении палеолитического человека в Деснинско-Окском междуречье, нельзя не обратить внимание и на воз-

можные пути миграций и расселения собственно на Верхней Десне. В первую очередь это касается Елисеевичской группы стоянок на юго-западной окраине Брянского неотектонического поднятия.

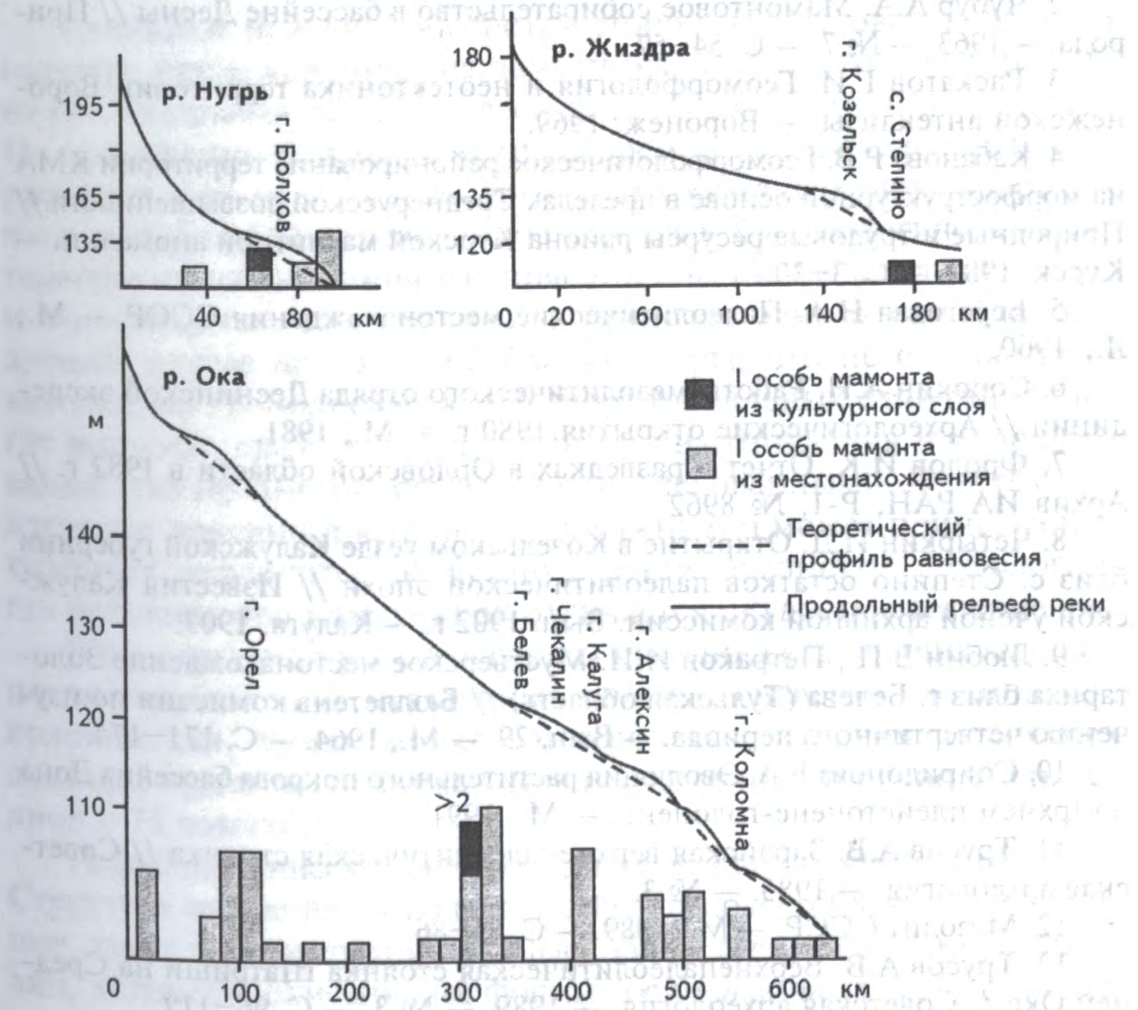
Выше стоянок по течению р. Судость долина узка и непротяженна и не могла сама по себе служить источником для образования мамонтового «кладбища» в районе Елисеевичей. Г.И. Горецкий упоминает в своей монографии о том, что в плейстоцене Судость была правым рукавом Десны, соединяясь с ее долиной через долину р. Госома [15]. Не исключено, что проходная долина функционировала еще до наступления максимума похолодания, по крайней мере во время половодий. В такие моменты Десна, Верхняя Судость и Госома превращались в единую речную систему, что могло способствовать накоплению остатков мамонта на выходе из суженного участка долины у сс. Савлуково, Макаричи, Елисеевичи и на входе в этот участок — район сс. Хотылево и Кабаличи. Между данными районами находки остатков мамонта не отмечены. Наши разведки 1993–1994 гг. показали, что участок палеодолины между с. Жирятино и с. Глинищево ввиду постоянных положительных тектонических движений сильно переуглублен, Судость и Госома большей частью уничтожили собственные четвертичные террасы. Не отмечены в этих пределах и длинные древние ассиметричные балки, хотя эрозионное расчленение правобережья проходной долины значительно.

Время окончательного разделения Госомы и Судости в верховья можно установить лишь приблизительно, но оно не может быть моложе максимума похолодания осташковского оледенения, так как р. Госома имела уже совершенно самостоятельную первую надпойменную террасу с абсолютными отметками поверхности и подошвы, снижающимися к устью реки.

Таким образом, р. Судость в верхнем течении могла служить путем миграций человека прежде всего в раннеосташковское и гмелинское время. В период постмаксимума «реконкиста» верхнедеснянского бассейна происходила, скорее всего, уже по долине самой Десны. Следы этого движения следует искать в районе г. Трубчевска, где имеются характерные изломы продольного профиля Десны и многочисленные находки фауны [16].

Пока близ Трубчевска известны два палеолитических местонахождения. Первое — Шакин Ров на окраине города, в районе бывшего с. Передние Городцы, исследованного К.М. Поликарповичем и В.П. Левенком в 1937 г. [17]. Разведочными шурфами была

вскрыта общая площадь 29 кв. м, но культурный слой «ин ситу» так и не обнаружен. Здесь встречены кости мамонта, быка, северного оленя, шерстистого носорога и, возможно, волка, а также несколько десятков кремней, в том числе восемнадцать обработанных, среди которых не менее четырех со вторичной обработкой: три ретушированных пластины длиной 5–7 см и скребло на отщепе. Кроме того, В.П. Левенком найдено в осыпи изделие из бивня мамонта — овал размером 5,1 × 1,4 см толщиной 0,5 см, с одной стороны плоский, с другой выпуклый [18]. По столь маловыразительному материалу трудно судить о «культурной принадлежности» памятника. Наши наблюдения во время разведок 1990 г. показали, что культурные остатки залегали скорее всего в делювиальном чехле второй надпойменной террасы Десны и, судя

Распределение остатков мамонта в бассейне Верхней Оки

по всему, исчерпаны при расширении старого карьера. При этом не исключено обнаружение на высоких мысах новых памятников.

Второе местонахождение — Хотьяновка. На северном борту древней балки сотрудник Трубчевского краеведческого музея В.А. Падин обнаружил патинизированный расщепленный кремень, в том числе ножевидные пластинки укороченных пропорций и небольшой округлой формы скребочек, сходный с тимоновскими. Неподалеку в 1929 г. Е.И. Беляевой было раскопано небольшое мамонтовое «кладбище». Местонахождение представляется весьма перспективным.

Примечания

1. Чубур А.А. Система «человек — мамонт» в бассейне Десны. Культурная адаптация в верхнем палеолите. — Курск, 1993.

2. Чубур А.А. Мамонтовое собирательство в бассейне Десны // Природа. — 1963. — № 7. — С. 54–57.

3. Раскатов Г.И. Геоморфология и неотектоника территории Воронежской антеклизы. — Воронеж, 1969.

4. Кабанова Р.В. Геоморфологическое районирование территории КМА на морфоструктурной основе в пределах Среднерусской возвышенности // Природные и трудовые ресурсы района Курской магнитной аномалии. — Курск, 1987. — С. 3–30.

5. Береговая Н.А. Палеолитические местонахождения СССР. — М.; Л., 1960.

6. Сорокин А.Н. Работы мезолитического отряда Деснинской экспедиции // Археологические открытия 1980 г. — М., 1981.

7. Фролов И.К. Отчет о разведках в Орловской области в 1982 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 8962.

8. Четыркин И.Д. Открытие в Козельском уезде Калужской губернии близ с. Степино остатков палеолитической эпохи // Известия Калужской ученой архивной комиссии. Вып. 1902 г. — Калуга, 1903.

9. Любин В.П., Петраков И.И. Мустьерское местонахождение Золотариха близ г. Белева (Тульская область) // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. — Вып. 29. — М., 1964. — С. 171–174.

10. Спиридонова Е.А. Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене-голоцене. — М., 1991.

11. Трусов А.В. Зарайская верхнепалеолитическая стоянка // Советская археология. — 1985. — № 3.

12. Мезолит СССР. — М., 1989. — С. 85–86.

13. Трусов А.В. Верхнепалеолитическая стоянка Шатрищи на Средней Оке // Советская археология. — 1989. — № 3. — С. 96–112.

14. Фролов А.С. Стоянка Заозерье-I на Москве-реке // Краткие сообщения Института археологии. — Вып. 189. — М., 1987.

15. Горецкий Г.И. Аллювиальная летопись великого Пра-Днепра. — М., 1979.

16. Чубур А.А. Указ. соч.

17. Поликарпович К.М. Палеолит Верхнего Поднепровья. — Минск, 1968.

18. Отчет К.М. Поликарповича об исследовании правого берега р. Десны между гг. Брянском и Трубчевском в 1937 г. // Архив СПИИМК, ф. 2, 1937, № 224.

О.А. Шарова
(Москва)

Две традиции изготовления пряслиц Верхнего Поднепровья и прилегающих территорий в 1-м тыс. н.э.

Глиняные пряслица являются второй по массовости группой находок после керамики на памятниках железного века и раннего средневековья лесной и лесостепной зон Восточной Европы. На протяжении большого периода времени на значительных территориях и во многих археологических культурах они обнаруживают между собой определенное сходство. В археологической литературе описания глиняных пряслиц обычно не детализированы и производятся, как правило, в пределах одного памятника, в лучшем случае археологической культуры, что не способствует выявлению хронологических и территориальных отличий. Многие вопросы, связанные с традициями изготовления и использования этих предметов, остаются неисследованными. Вместе с тем изучение пряслиц представляется важным и может принести интересные результаты, особенно в раннеславянской археологии, где большинство памятников отличается скудостью материалов.

В предлагаемой работе изучены пряслица следующих культур: позднезарубенецкие культурные группы, киевская, мощинская, колочинская, тушемлинско-банцеровская, культура псковских длинных курганов, пражская. Для исследования собрано 573 пряслица с 75 памятников.

Разработан список признаков для их описания в системе dBase III. Структура описания включает в себя несколько блоков информации, таких как паспортные данные, общие сведения, размеры пряслиц, детальное описание их формы (основная часть базы данных), материал, из которого изготовлены предметы, характер поверхности, наличие орнамента. Наиболее важны для исследования деталь-

ное описание формы и размеры пряслиц. Проведена статистическая обработка данных с использованием программ Datascope и Statgraphics.

Первым шагом систематизации является разделение по материалу (глиняные — 518, из стенок сосудов — 49, из камня — 6). Пряслица, изготовленные из стенок сосудов, четко локализируются в юго-восточной части рассматриваемой территории (Посеймье, верховья Северского Донца, Псла и Ворсклы). Каменные для изучаемого периода не характерны, они происходят с различных памятников в территориальном и культурно-хронологическом отношении.

Для характеристики глиняных пряслиц наиболее общим признаком является симметричность относительно горизонтали, проходящей через середину высоты пряслица. По этому признаку пряслица делятся на симметричные (485 экз.) и несимметричные (33 экз.). Несимметричные характерны для культур раннего железного века, встречаются также на памятниках с перемешанными слоями. Экземпляры, достоверно связанные с комплексами раннего средневековья, очень редки. Локализируются главным образом также в юго-восточном регионе.

Дальнейшая систематизация симметричных относительно горизонтали пряслиц состоит из двух разделов: группировка по форме и размерам и их сопоставление.

На основе описания формы половины сечения пряслица рассматривалось, во-первых, оформление ребра и прилегающих боковых граней, во-вторых, оформление основания. При сопоставлении групп признаков выявилась целая гамма разнообразных вариантов по форме, которая в конечном итоге разделилась на два больших массива: пряслица четких и нечетких форм.

Под пряслицами четких форм понимаются предметы с заостренным ребром (т.е. перегибом между боковыми гранями) и таким же заостренным перегибом между каждым из двух оснований и соответствующей боковой гранью. Иными словами, в сечении все перегибы имеют вид точек (рис. 1: *1, 2, 4, 6, 15, 16*). Боковые грани, а также основания могут быть прямыми (рис. 1: *5, 6*) или вогнутыми (рис. 1: *4*).

Пряслица нечетких форм имеют закругленные перегибы между боковыми гранями, а также между основаниями и боковыми гранями. Последние могут быть прямыми, реже — выпуклыми. В сечении каждый перегиб имеет вид дуги (рис. 1: *9, 11, 18, 20*).

Особую группу (примыкающую к нечетким формам) составляют пряслица с отсутствием боковых граней и ребра (единая

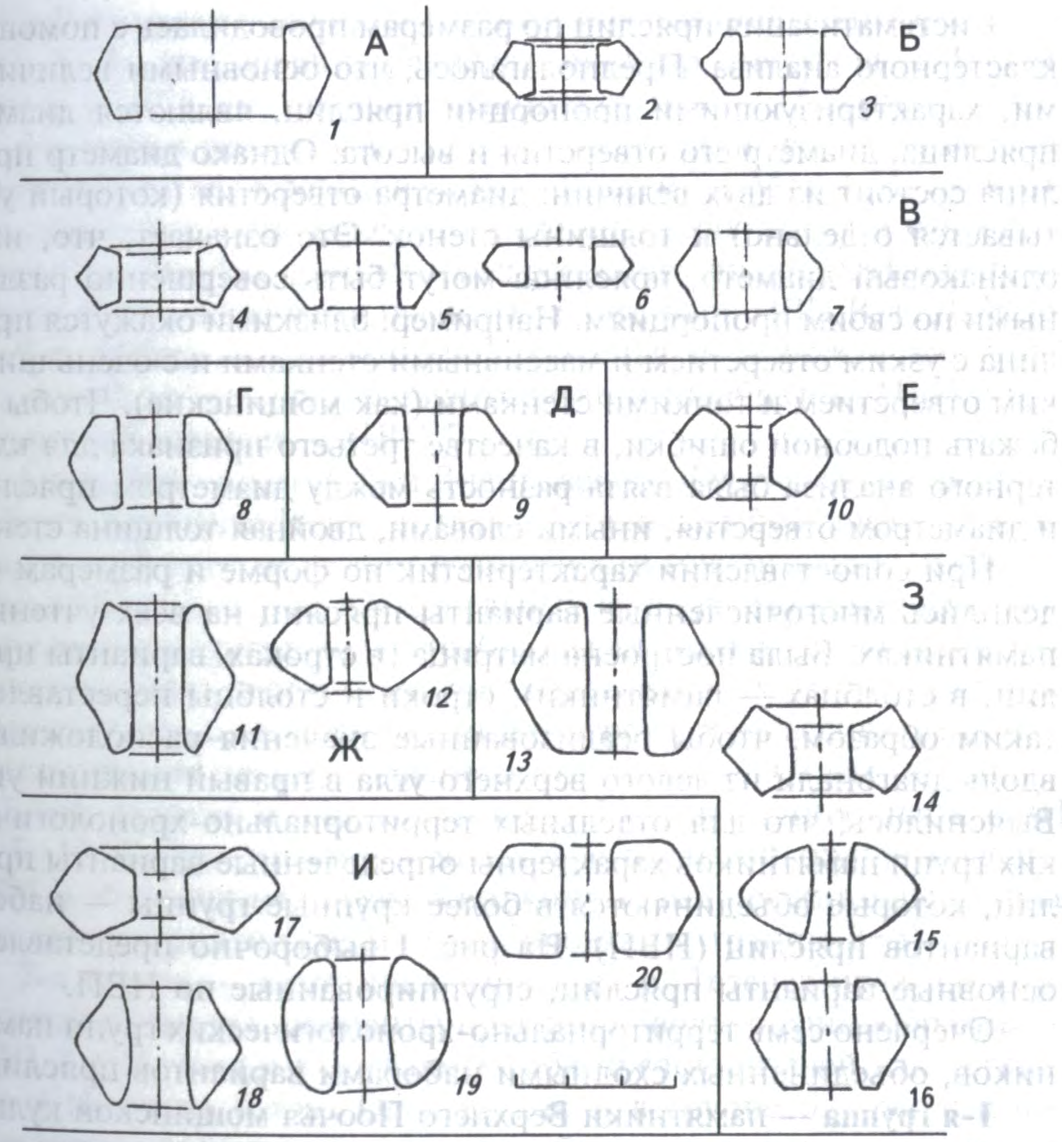

Рис. 1. Основные варианты пряслиц из наборов НВП А–И:
1 — Николо-Ленивец; *2, 4* — Городище; *3, 5, 7* — Лавриков Лес; *6* — Тайманово; *8, 16* — Юрьевская Горка; *9* — Рябовка-III; *10* — Красное-IV; *11* — Картамышево; *12* — Литвиновичи-III; *13* — Слобода Глушица; *14* — Гочево-I; *15* — Шумск; *17* — Букреевка-II; *18* — Корчак-VII; *19* — Шишино-V; *20* — Корчак-I.

боковая грань) и (или) с отсутствием основания. Применяя изложенную систему описания формы пряслиц, «наименее четкой» формой следует считать шаровидную, у которой отсутствуют какие-либо перегибы и уплощенные участки (рис. 1: *19*).

Форма канала отверстия относится в большей мере к признакам технологии, чем к деталям формы, не дает разнообразных вариантов, поэтому не характеризуется подробно.

Систематизация пряслиц по размерам проводилась с помощью кластерного анализа. Предполагалось, что основными величинами, характеризующими пропорции пряслиц, являются диаметр пряслица, диаметр его отверстия и высота. Однако диаметр пряслица состоит из двух величин: диаметра отверстия (который учитывается отдельно) и толщины стенок. Это означает, что, имея одинаковый диаметр, пряслица могут быть совершенно различными по своим пропорциям. Например, близкими окажутся пряслица с узким отверстием и массивными стенками и с очень широким отверстием и тонкими стенками (как мощинские). Чтобы избежать подобной ошибки, в качестве третьего признака для кластерного анализа была взята разность между диаметром пряслица и диаметром отверстия, иными словами, двойная толщина стенки.

При сопоставлении характеристик по форме и размерам выделились многочисленные варианты пряслиц на всех учтенных памятниках. Была построена матрица (в строках варианты пряслиц, в столбцах — памятники), строки и столбцы переставлены таким образом, чтобы реализованные значения расположились вдоль диагонали из левого верхнего угла в правый нижний угол. Выяснилось, что для отдельных территориально-хронологических групп памятников характерны определенные варианты пряслиц, которые объединяются в более крупные группы — наборы вариантов пряслиц (НВП). На рис. 1 выборочно представлены основные варианты пряслиц, сгруппированные по НВП.

Очерчено семь территориально-хронологических групп памятников, объединенных сходными наборами вариантов пряслиц:

1-я группа — памятники Верхнего Поочья мощинской культуры. Для них характерны пряслица четких форм с очень широким отверстием, с преобладанием диаметра над высотой (средние размеры: диаметр отверстия — 23,3 мм, высота — 16,5 мм, двойная толщина стенки — 16,0 мм), составляющие НВП А (рис. 1: *1*).

2-я группа — памятники Верхнего Поднепровья и Подесенья киевской культуры. Характерны пряслица четких форм, а также незначительное количество экземпляров с валикообразным ребром (рис. 1: *3*, *7*).

3-я группа — памятники Псковщины, севера Белоруссии и запада Смоленщины (культуры: тушемлинско-банцеровская и псковских длинных курганов). Пряслица этой группы аналогичны предыдущим по форме и размерам, однако заметно преобладает НВП В; только здесь встречаются экземпляры четких форм

с углубленными боковыми гранями и основанием одновременно (рис. 1: *4*), при средних размерах: диаметр отверстия — 11,5 м, высота — 17,5 мм, двойная толщина стенки — 15,8 мм.

4-я группа представлена двумя поселениями на северо-востоке охваченного в исследовании региона (бассейн р. Мсты). Их культурная принадлежность четко не определена; вероятно, они относятся к культуре длинных курганов или к особой группировке. Набор пряслиц по форме и размерам очень разнообразный: НВП В, Г, Д, Ж, З.

5-я группа — памятники Подесенья и Посожья киевской и колочинской культур. Варианты тоже разнообразны: НВП В и З, в меньшей степени — НВП Г и Д.

6-я группа — памятники Днепровского Левобережья и Верхнего Дона. Стратиграфическая нерасчлененность большинства материалов этой группы не дает возможности говорить здесь о специфике набора пряслиц для отдельных культур. Наборы вариантов пряслиц исключительно многообразны. Однако подавляющее большинство составляют экземпляры нечетких форм, с закругленным оформлением, с достаточно узким отверстием и массивными стенками (средние размеры: диаметр отверстия — 9,9 мм, высота — 18,8 мм, двойная толщина стенки — 20,7 мм). Относятся к НВП В, Е–И. Незначительное присутствие в данной группе пряслиц НВП В обусловлено скорее всего контактами проживавшего здесь населения с родственными группировками (группы 2–5).

7-я группа — памятники верховьев р. Тетерев пражско-корчакской культуры. Варианты пряслиц довольно единообразны — НВП З и И, хотя и включают в себя представителей как четких, так и нечетких форм. Однако, как и в группе 6, преобладают пряслица с закругленными перегибами, достаточно массивные, с небольшим отверстием. Кроме того, в этой группе памятников наибольший удельный вес составляют пряслица без ребра, т.е. округлобокие. Средние размеры: диаметр отверстия — 8,7 мм, высота — 23,2 мм, двойная толщина стенки — 25,7 мм. Имеются более миниатюрные экземпляры, но их количество невелико.

Выделенные семь групп памятников имеют в большей степени территориальную и культурную определенность. Датировать те или иные варианты пряслиц можно лишь широко в рамках той или иной культуры, поскольку незначительное количество узко датированных пряслиц не позволяет пока получить эталонные серии для сравнения.

Перечисленные семь групп памятников по наборам вариантов пряслиц связаны между собой, составляя общность или не-

прерывность, в которой почти нет непреодолимых границ. На полюсах этой непрерывности находятся: с одной стороны — группы 1–3, с другой — группа 7, не имеющие одинаковых вариантов пряслиц. «Середину» занимают группы 4–6, связанные одинаковыми вариантами как с теми, так и с другими (4-я и 5-я приблизительно в равной степени, 6-я в большей мере тяготеет к 7-й). Такая ситуация свидетельствует о тесных контактах и родстве населения, оставившего изучаемые памятники. В конкретных формах этих контактов еще предстоит разбираться. Необходимо отметить, что выявляются взаимосвязи культурных групп, до сих пор недостаточно изученные по другим источникам, например, длинные курганы — Тушемля — часть памятников киевской культуры. С другой стороны, памятники одной культуры (в частности, киевской) по наборам пряслиц оказываются весьма непохожими.

Представленное многообразие вариантов пряслиц сводится к двум большим группам. Для первой (НВП А, Б, В) характерны пряслица с четко заостренными формами, вогнутыми гранями; часто присутствует лощение. Эти пряслица низкие, с большим отверстием, с достаточно тонкими стенками (встречаются сравнительно высокие экземпляры, но их стенки, как правило, миниатюрны). Пряслица второй группы (НВП Г-И) имеют нечеткие, закругленные детали оформления, менее тщательно обработанные поверхности. Они более массивные, высокие, с узким отверстием. Как было сказано выше, четких границ между группами нет. Так, среди пряслиц второй группы встречаются экземпляры с четкими формами и достаточно низкие, но, тем не менее, их стенки всегда остаются массивными, а диаметр отверстия меньше, чем у сходных по пропорциям пряслиц первой группы (см., например, рис. 1: *4* и рис. 1: *15*).

Эти формальные стилистические различия, очевидно, связаны с функциональными различиями (способами применения пряслиц в прядении). Можно предполагать перераспределение ролей между пряслицем и веретеном. В первом случае пряслица связываются с более толстыми веретенами, утолщенными в какой-то части. Во втором — с более тонкими и легкими веретенами. Пряслица Верхнего Поочья мощинской культуры представляют крайний вариант развития первой традиции; для них характерны исключительно широкие отверстия.

Есть все основания полагать, что выделяются две традиции изготовления глиняных биконических пряслиц. Их географическая распространенность прослежена по карте (рис. 2). Наиболее

Рис. 2. Карта распространения пряслиц двух традиций:
Памятники: *а* — с пряслицами первой традиции (НВП А–В);
б — с пряслицами второй традиции (НВП Г–И);
в — с пряслицами обеих традиций;
1 — Рысна Сааре-II; *2* — Лезги; *3* — Борохново; *4* — Ржева Пустая; *5* — Турушино; *6* — Свинухи; *7* — Боровичи; *8* — Юрьевская Горка; *9* — Субовщина; *10* — Бельчицы; *11* — Ермошино-I; *12* — Узмень; *13* — Фролы; *14* — Подосинки; *15* — Никасицы; *16* — Заозерье; *17* — Мощины; *18* — Николо-Ленивец; *19* — Тайманово; *20* — Абидня; *21* — Слобода Глушица; *22* — Мокрядино; *23* — Еловцы; *24* — Ревячка; *25* — Городище; *26* — Некасецк; *27* — Дедиловичи; *28* — Гудок; *29* — Лавриков Лес; *30* — Форостовичи; *31* — Мена-V; *33* — Феськовка; *34* — Касилово-II; *35* — Литвиновичи-III; *36* — Красное-IV; *37* — Пересыпка; *38* — Чаплищи; *39* — Букреевка-II; *40* — Гочево-I; *41* — Гочево-III; *42* — Рябовка-III; *43* — Терновка-II; *44* — Хохлово-II; *45* — Шишино-V; *46* — Головино; *47* — Болдыревка; *48* — Черная Поляна; *49* — Неклюдово; *50* — Приосколькое-II; *51* — Колосково-IV; *52* — Каширка-II; *53* — Замятино-X; *54* — Чертовицкое; *55* — Подгорное; *56* — Буки; *57* — Шумск; *58* — Корчак-I; *59* — Корчак-VII; *60* — Корчак-IX; *61* — Корчак-VIII; *62* — Тетеревка-I; *63* — Гульск-I; *64* — Гульск-II; *65* — Подриже; *66* — Староселье; *67* — Родной Край-III; *68* — Целиков Бугор; *69* — Смяч; *70* — Картамышево; *71* — Попово Лежачи-IV; *72* — Заярье

ранние памятники первой традиции — это некоторые варианты позднезарубенецких древностей I–II вв., а именно типа Почепа в Подесенье (Заверняев Ф.М. Почепское селище // МИА. 1969. № 160. С. 105, 109) и, вероятно, типа Гриней, рассеянные в Верхнем и Среднем Поднепровье. Истоки их неясны. Позднее традиция распространяется на обширной территории в Подесенье, Посожье, междуречье Десны и Днепра, в Верхнем Поочье, на Псковщине, в Белорусском Поднепровье. Она свойственна памятникам киевской, мощинской, отчасти колочинской культур, памятникам типа Заозерья, Тушемли-Банцеровщины, культуры длинных курганов. К последней четверти 1-го тыс. н.э. эта традиция, очевидно, исчезает.

Вторая традиция восходит к культурам раннего железного века. Аналогии массивным высоким пряслицам с узким отверстием можно найти в материалах классической зарубенецкой культуры, скифских древностях лесостепи и других культурах. В римское время вторая традиция наиболее характерна для лесостепной зоны Поднепровья. Две традиции взаимодействуют между собой и встречаются иногда на одних и тех же памятниках, например, в киевской культуре. Вторая традиция, очевидно, возникает раньше, чем первая, она более устойчива и постепенно распространяется на большой территории лесной зоны Восточной Европы, продолжаясь на памятниках кон. 1-го тыс. н.э. и в эпоху Древней Руси.

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

А.А. Бауэр
(Киров)

Калужское отделение Московского археологического института и его роль в подготовке краеведческо-музейных кадров в губернии в 1-й четверти XX в.

На рубеже XIX–XX вв. Калуга превратилась в видный провинциальный археологический центр. В Калужской и соседней с ней губерниях проводили раскопки видные археологи Н.И. Булычев, И.Д. Четыркин, Ю.Г. Гендуне. И.Д. Четыркин, будучи председателем Калужской ученой архивной комиссии (КУАК), очень много сделал для проведения систематических археологических раскопок в губернии, пропаганды археологических материалов на страницах «Известий КУАК» и в организованном ею Историческом музее [1]. Кроме КУАК, изучением исторического прошлого занимались еще несколько краеведческих организаций. Все эти факторы и способствовали возникновению в Калуге своего высшего учебного заведения исторического профиля.

В январе-феврале 1911 г. на совместных заседаниях КУАК, Калужского церковного историко-археологического общества (КЦИАО) и Калужского общества изучения природы местного края (КОИПМК) было решено создать Калужское отделение Московского археологического института [2]. На заседании 2 февраля с яркой двухчасовой речью выступил директор МАИ, известный историк искусства и археограф Александр Иванович Успенский. Он подробно остановился на состоянии русской археологической науки и задачах создаваемого отделения института в Калуге.

Торжественное открытие Калужского отделения Московского археологического института (МАИ) состоялось в здании Дворянского собрания 12 марта (28 февраля по ст. ст.). На акте вновь выступили директор института, представители калужской общественности [3].

Весной того же года состоялся набор слушателей на первый курс нового института. Приемом ведал помощник директора института по Калужскому отделению, директор реального училища и одновременно председатель КОИПМК Ф.М. Шахмагонов. Было принято около 40 человек, в основном калужские служащие, представители местной интеллигенции, а также священнослужители.

Регулярные занятия начались с 20 августа 1911 г. в аудиториях частного училища Шахмагонова. Весь курс обучения был рассчитан на два года, студенты слушали курсы как общеобразовательных исторических дисциплин, так и циклы лекций по вспомогательным дисциплинам на двух отделениях — археологии и археографии. Следует отметить, что название института не совсем точно соответствовало структуре этого учебного заведения, преподаванию собственно археологии уделялось незначительное внимание. Собственно археологическими были следующие дисциплины: первобытная археология (профессор В.А. Городцов), христианская археология (М.М. Успенский), история первобытной культуры (А.В. Борисенков), история археологических открытий (В.К. Мальмберг). Зато большое количество лекций читалось студентам по основным и вспомогательным историческим дисциплинам. К преподаванию в институте были привлечены известные ученые — крупные специалисты в избранных ими областях исторической науки.

Студенты института слушали с кафедры Калужского отделения блестящие лекции видных историков. Курс русской истории читали профессора Н.Н. Фирсов и В.Н. Ширяев, историю русской архитектуры — В.К. Клейн, историю русской литературы академик А.И. Соболевский. Историю русского языка и славянорусскую палеографию преподавал профессор Р.Ф. Брандт, греческую и латинскую палеографию — профессор С.И. Соболевский. С лекциями по вспомогательным дисциплинам (метрология, хронология, геральдика, генеалогия, сфрагистика, дипломатика, архивоведение и т.д.) выступали Н.Н. Ардашев, Л.М. Савелов, В.К. Трутовский, И.Ф. Колесников, И.И. Успенский, Ю.В. Арсеньев и др. Большинство названных ученых занимали видное место в российской исторической литературе нач. XX в. [4].

Кроме указанных предметов, слушатели института изучали также ряд других: историю искусства разных эпох и народов, этнографию, геологию, антропологию, историю русского театра и скульптуры. В процессе обучения изучалось 45 специальных дисциплин. В зависимости от специализации в учебных программах был сделан акцент на углубленное изучение тех или иных предметов.

С возникновением в Калуге своего вуза в общественную жизнь города было внесено заметное оживление. Профессора института выступали в Калуге с публичными лекциями. Так, в марте 1911 г. А.И. Успенский прочитал для населения лекцию «Черти в русском искусстве», тема лекции в декабре того же года ординарного профессора Харьковского университета А.Л. Погодина — «Славяне и кельты». Лекции по истории Древнего Египта читал в Калуге ученый с мировым именем Ф.В. Баллод [5].

В 1913 г. Калужское отделение МАИ провело первый выпуск своих слушателей. Среди закончивших институт были В.Н. Халаев, В.И. Извеков, Б.Н. Тихомиров, С.П. Махаев, Н.П. Ильин и др. Многие из них внесли заметный вклад в изучение исторического прошлого Калужского края, в просвещение местного населения. В будущем большинство выпускников составили ядро местных научных обществ КОИД, КОК, работали в музейных учреждениях Калуги и губернии в 20–30-е гг.

Отделение МАИ в Калуге уже сделало пять выпусков, когда произошла Октябрьская революция. В связи с начавшейся в 1918 г. реформой советской высшей школы произошли изменения и в калужском вузе. В студенческие аудитории пришли выходцы из бывших неимущих классов, институт вырос, количество студентов увеличилось до 80 человек [6].

Однако трудности первых лет советского строя болезненно отразились на качестве подготовки слушателей. Многие крупные ученые — профессора и преподаватели института — перестали читать лекции в Калуге. Отделение было вынуждено обходиться местными научными силами. Профессорами отделения МАИ стали С.В. Безсонов, Н.И. Булычев, Д.И. Малинин, С.А. Петровский. Лекции стали читать также калужане Д.Н. Закс, Е.Ф. Лермонтова, В.В. Ассонов, Ф.М. Шахмагонов, А.В. Борисенков, А.Г. Мюнстер, В.Н. Ярошевский и др. [7].

Несмотря на трудности, в работе института имелись и достижения. В трудных условиях гражданской войны было открыто третье отделение — изящных искусств. Институт стал уделять внима-

ние разработке истории Калужского края, его художественных памятников и археологии. Так, на открытых заседаниях комиссии по заведованию отделением МАИ выпускник Московского университета, археолог и архивист А.В. Борисенков прочитал несколько докладов — о Кудеяровом городище, Городке при с. Спас-на-Угре. В 1920/21 учебном году публичные лекции в Калуге по истории нашего края прочитали профессора института А.И. Успенский, С.А. Петровский, Ф.М. Шахмагонов.

Преподаватели Калужского отделения МАИ в послереволюционное время читали курсы лекций в головном институте в Москве, а также в отделениях в Смоленске, Оренбурге, Витебске, Ярославле. Наряду с постоянной лекционной работой преподаватели и научные сотрудники института принимали живейшее участие в архивном, музейном и библиотечном строительстве в Калужской губернии. Совместно с КОИПМК и КОИД они собирали усадебные, монастырские, церковные библиотеки, коллекции художественных произведений, частные и ведомственные архивы. В результате этой работы в значительной мере были пополнены фонды Калужских Художественного и Исторического музеев, спасено большое количество документальных и вещевых материалов по истории края. Эта бескорыстная подвижническая деятельность работников института по спасению культурных сокровищ Калужского края вызывает сегодня заслуженное уважение и признательность потомков.

Отделение МАИ в Калуге существовало до 1922 г., когда сам институт и все его отделения в провинции были закрыты: научная и учебная база МАИ была присоединена к 1-му МГУ в качестве археологического отделения факультета общественных наук [8].

Примечания

1. Бауэр А.А. Археологическое изучение Калужской губернии краеведческими обществами // Пятая краеведческая конференция Калужской области: Тез. докл. — Обнинск, 1990. — С. 142–145; Археологическая карта России: Калужская область / Сост. Ю.А. Краснов. — М., 1992. — С. 8.
2. Государственный архив Калужской области (ГАКО), фР-319, оп. 1, д. 1, л. 5-5 об.; Калужский курьер. — 1911. — № 24, 28, 29.
3. Там же, ф. 85, оп. 1, д. 1, л. 2 об.
4. Там же, л. 5.
5. Там же, л. 22, д. 3, л. 8.
6. Там же, фР-9, оп. 1, д. 12а, л. 1 об.
7. Там же, д. 10, л. 9 об.; д. 18, л. 63; ф. 85, оп. 1, д. 3, л. 43.
8. Летопись Московского университета. 1755–1879. — М., 1979. — С. 191.

А.А. Бауэр
(Киров)

Калужское общество изучения природы местного края

В октябре 1910 г. собрались на свое очередное собрание члены общества изучения природы местного края. Одним из его решений было избрание К.Э. Циолковского почетным членом общества «ввиду его научных заслуг» [1]. Так общество калужских единомышленников гениального самоучки почтило своего земляка. Со своим почетным членом общество поддерживало постоянные творческие связи, и есть свидетельства, что сам Константин Эдуардович дорожил оценкой своего труда со стороны общества.

Калужское общество изучения природы местного края (КОИПМК) являлось одним из немногих научных обществ энтузиастов-натуралистов в дореволюционной России, которое, не получая никаких субсидий от государства, проводило самостоятельную исследовательскую работу. Открытие КОИПМК состоялось 24 июля (6 августа по н. ст.) 1910 г., и в течение почти полутора десятилетий, до 1922 г., оно было центром всей научной и пропагандистской работы в сфере изучения природы Калужской губернии. Устав этой организации так формулировал цель научного сообщества: «Общество имеет своей целью изучение природы Калужской губернии, устройство музея естественно-исторических и прикладных знаний, содействие распространению знаний, входящих в круг ведения общества» [2].

В рядах КОИПМК объединились все наиболее видные научные силы края, имевшие отношение к изучению природы. Членами КОИПМК являлись М.С. Закович, В.П. Устрялов, А.И. Пульхеров, В.В. Ассонов, Н.Л. Дмитриев, Д.П. Богданов, Б.М. Априамов, М.М. Местергази, А.Л. Бенинг и др., всего свыше 90 человек. Научная работа общества в основном проходила в двух направлениях: самостоятельная исследовательская работа членов КОИПМК и научные экспедиции, организованные обществом на его средства. По результатам исследовательской деятельности члены КОИПМК выступали с докладами на общих собраниях, на которые собиралось много слушателей. Так, только за первый период работы КОИПМК были заслушаны следующие доклады: В.В. Ассонов рассказал о современных поисках воды, а также

о геологическом прошлом Калужской губернии, Н.Л. Дмитриев — о делении ядра в растительной клетке, В.В. Архистратигов — о беспроволочном телеграфе, А.И. Пульхеров — о шамординском мраморе, Б.М. Априамов — о сернистых бактериях [3].

Наряду с докладами членов общества на общих собраниях КОИПМК практиковались также публичные лекции для населения, с которыми выступали известные русские ученые. Так, в декабре 1910 г. приват-доцент Московского университета А.И. Колмогоров выступил с публичной лекцией о происхождении человека, в феврале 1911 г. университетский ученый Л.М. Кречетович прочитал лекцию о наследственности. Эту активную пропаганду последних достижений в науках о земле и человеке следует считать одной из крупных заслуг КОИПМК. Деятельность общества становится заметным явлением в культурной жизни Калуги и губернии в последние предреволюционные годы.

Многие факты свидетельствуют о том, что КОИПМК не было провинциальным «клубом чудаков», варившихся в собственном соку. Общество проводило свою работу достаточно широко и по многим направлениям: наряду с привлечением к выполнению своих уставных задач большого числа местных исследователей, оно поддерживало долголетние творческие связи с известными деятелями русской науки. Наиболее тесные отношения — и это хорошо просматривается из архивов общества — существовали у КОИПМК с Московским университетом, шесть профессоров которого КОИПМК удостоило избрания в свои почетные члены: это Д.Н. Анучин, К.А. Тимирязев, М.А. Мензбир, Н.Ю. Зограф, Н.Н. Боголюбов, П.А. Минаков. За исследование флоры губернии звание почетных членов было присвоено П.П. Саницкому и Д.И. Литвинову [4].

Особо необходимо остановиться на вопросе: КОИПМК и К.Э. Циолковский. Выше уже говорилось о том, как нуждался великий ученый в поддержке близких ему по духу исследовательской работы людей. КОИПМК на протяжении всего периода существования стремилось привлечь внимание как научной общественности, так и широкой публики к той научной работе, которой занимался К.Э. Циолковский. С этой целью на одном из заседаний общества 16 февраля 1911 г. с докладом о разработке К.Э. Циолковским проекта металлического управляемого аэростата выступил член КОИПМК П.П. Канинг [5]. Объединение калужских натуралистов устраивало и публичные лекции своего

почетного члена: в 1914 и 1916 гг. Константин Эдуардович дважды выступал перед общественностью города с докладами о воздухоплавании [6]. Совет КОИПМК рассылал брошюры с работами К.Э. Циолковского в различные научные общества и университеты России.

Когда КОИПМК предприняло издание своих «Известий», то в двух выпусках было предоставлено место научным трудам К.Э. Циолковского. Во второй книге «Известий», которая была отпечатана весной 1916 г., но вышла в свет лишь в сентябре 1918-го, была помещена работа ученого «Второе начало термодинамики». В третьей книге «Известий» — опубликован труд «Кинетическая теория света. Плотность эфира и его свойства». В 1920 г. КОИПМК предприняло издание фантастической повести К.Э. Циолковского «Вне Земли».

Только в советское время ученый из Калуги добился признания со стороны государства его научных заслуг. Немалую роль в этом сыграло КОИПМК, которое на своем заседании 20 июня 1921 г. возбудило ходатайство перед народным комиссаром по просвещению о назначении ученому академического пайка, пенсии и единовременного пособия, «ввиду крайней нужды, претерпеваемой почетным членом общества К.Э. Циолковским, как со стороны продовольствия, так и со стороны незаконного стеснения занимаемой им квартиры, мешающих его возможности работать» [7]. В августе 1921 г. Наркомпрос одобрил это ходатайство и вошел с ним в советское правительство. 9 ноября того же года Малый Совнарком постановил назначить К.Э. Циолковскому пожизненную пенсию.

Всего же КОИПМК издало три книги своего периодического органа, их общий объем немногим превышает 400 страниц. Однако опубликованные в них материалы, наряду со свидетельством интенсивной научной работы членов КОИПМК, представляют значительный интерес и для нашего времени. Исследованию полезных ископаемых и почв Калужской губернии посвящены работы Д.П. Богданова и Б.М. Априанова, знаменитый калужский натуралист П.П. Саницкий опубликовал в «Известиях» статью об орнитологии края, флоре губернии посвятил свой материал Н.Л. Дмитриев, животный мир на земле и в воде описывали статьи А.Л. Бенинга, А.И. Седова, А.П. Чернышова. В связи с новыми направлениями в деятельности КОИПМК, выразившимися в переходе к изучению и явлений общественной жизни и быта мест-

ного населения, появляются работы Н.Л. Дмитриева, А.И. Ефремова, исследовавшие этнографию и диалектологию края [8].

Интересным моментом в деятельности КОИПМК и в целом в культурной жизни Калуги предреволюционных лет было открытие здесь отделения Московского археологического института (подробнее см. предыдущую статью данного сборника). Такой чести Калуга оказалась удостоенной потому, что здесь была необычно высоко развита научная археологическая работа, проводимая как членами Ученой архивной комиссии, так и столичными учеными.

КОИПМК сыграло большую роль в создании местного естественно-исторического музея, открывшегося в Калуге 15 мая 1914 г. и получившего имя калужского купца А.А. Рыжечкина, на средства которого он и был, собственно, устроен. Уже в советское время, в 1919 г., КОИПМК, наряду с Обществом истории и древностей, стало инициатором организации в Калуге губернского краеведческого музея, где должны были быть представлены как отделы природы, так и отделы истории и этнографии края. Вопрос об открытии в Калуге такого музея обсуждался при участии представителя калужских краеведов на Всероссийской коллегии по охране памятников искусства и старины 24–25 июля 1919 г. [9].

Однако вопрос об объединении всех музеев Калуги в один губернский не был решен еще несколько лет. В 1922 г. Исторический музей переехал в новое здание — бывший дом Кологривовых, где ныне размещается Государственный объединенный краеведческий музей. Только через три года, в 1925 г., произошло слияние всех местных музеев в один Калужский областной государственный музей с тремя отделениями: историческим, художественным и естественно-историческим [10].

В советское время деятельность калужских краеведов наполнилась новым содержанием, КОИПМК стало ближе к жизни местного населения, были обновлены и формы научно-пропагандистской деятельности. В связи с тем, что с 28 сентября 1919 г. научная организация стала называться Обществом изучения природы и местного края, расширилась сфера ее деятельности, что нашло отражение в новом уставе. КОИПМК стало заниматься изучением производительных сил, географии, этнографии и отчасти истории края. Были образованы этнографическая во главе с Д.И. Малининым и картографическая комиссии под председательством А.Д. Юдина. На общих собраниях в течение 1919–1920 гг.

были заслушаны доклады А.А. Никольского о местных говорах, а также М.А. Швецова и Н.И. Аникина о промыслах и кустарной промышленности Калужской губернии [11].

Деятельность КОИПМК (его не нужно путать с Калужским обществом изучения местного края, образовавшимся в июне 1929 г. в результате слияния всех краеведческих организаций губернии [12]) в основном протекала в последние предреволюционные годы и первые годы советской власти. И если мы ныне неплохо знаем историю и природу Калужской области, то в этом есть большая доля труда членов КОИПМК — энтузиастов изучения родного края.

Примечания

1. Государственный архив Калужской области (ГАКО), фР-319, оп. 1, д. 1.
2. Известия КОИПМК. Кн. 3. — Калуга, 1919. — С. 211.
3. ГАКО, фР-319, оп. 1, д. 1.
4. Там же.
5. Вообще, П.П. Канинг, будучи другом великого ученого, являлся самым ревностным пропагандистом его научных идей. Где он только не выступал по этому поводу: и на собраниях КОИПМК, и на публичных лекциях, и в периодической печати (См.: Канинг П. Воздушный океан и воздушный корабль К.Э. Циолковского // Голос Калуги. — 1916, 17 дек.).
6. Калужский курьер. — 1914, 1 апр.
7. ГАКО, ф.Р-319, оп. 1, д. 1, л. 52.
8. Известия КОИПМК. Кн. 1–3. — Калуга, 1912–1919.
9. Там же, ф. 1693, оп. 1, д. 2; ф. 319, оп. 1, д. 1.
10. См.: Краткий путеводитель по историческому отделу Калужского государственного музея. — Калуга, 1929. — С. 3.
11. ГАКО, ф. 3109, оп. 1, д. 1.
12. Там же, ф. 320, оп. 1, д. 2.

А.А. Бауэр
(Киров)

Периодическая печать Калужского земства (кон. XIX в. — 1918 г.)

Периодические издания Калужского земства являются одним из надежных источников как по истории самих земских учреждений — губернской и земской управ, их отделений, так и по истории общинного и частного землевладения, различным типам крестьянских промыслов, народного образования, здравоохранения и т.д.

Подавляющее большинство изданий (9 из 10) представляют собой продолжающиеся выпуски оценочно-статистического, санитарного и ветеринарного отделений Калужской губернской земской управы (КГЗУ), а также агрономического совещания, комиссий и экономического совета при указанной управе, которые дают характеристику состояния губернии в целом. Всего лишь одно издание имело уездный уровень («Обзор деятельности Боровского уездного земства»), и, соответственно, оно характеризует лишь уездное земство.

Ниже дается краткое библиографическое описание указанных изданий[1].

«Статистический обзор Калужской губернии» за 1896–1903 гг. Продолжающееся издание статистического отделения КГЗУ, выходило в Калуге в 1896–1904 гг. Всего вышло 9 выпусков (в 1901 г. вышли выпуски 1–2). Редакторы — А.В. Пешехонов (1896–1897), М.А. Брещинский (1899), Б.В. Авилов (1900; вып. 1, 1901), В.М. Кашкаров (1902–1903).

Заглавие за 1902–1903 гг. — «Статистический обзор Калужской губернии в сельскохозяйственном отношении».

В составлении текста участвовали: А.А. Гурьев, Н.И. Новиков (1896); А.И. Петровский, С.П. Середа, К.М. Остров (1897); Н.И. Громов, Е.А. Дидов, В.В. Авилов (1900); А.А. Племянников, И.Ф. Дубровинский (1896; вып. 1, 1901); М.П. Никитин, В.В. Дурасов, М.С. Кнутов, С.Д. Кролевец (1900–1901); А.Н. Григорьев (1902–1903).

Каждый выпуск содержал статистический материал, всесторонне характеризующий состояние сельского хозяйства, кустарного производства в губернии. Весь материал делился на отделы с раздельной пагинацией. В начале каждого отдела помещался авторский статистический очерк, после него — статистические таблицы.

Работы калужских статистиков, являвшиеся составной частью общерусской земской статистики, удовлетворяют всем трем основным требованиям, предъявляемым к статистическому материалу. Это полнота, достоверность и точность, однородность статистических сведений.

[1] В состав периодических и продолжающихся изданий правомерно включить и журналы и протоколы заседаний губернского и уездных земских собраний, Отчеты и Доклады земских управ, однако неполная их сохранность, запутанность в нумерации и пагинациях не позволяют на сегодняшний день дать их более-менее полный обзор. Полагаю, что это дело недалекого будущего, когда изучению подвергнется весь массив изданной земством литературы.

По содержанию «Статистический обзор» состоял из следующих основных отделов:

I. Состояние сельского хозяйства: метеорологические условия, время сельскохозяйственных работ, посевные площади и пропорции посевов, урожаи зерновых и конопли, урожаи огородных и садовых растений, цены на сельскохозяйственную продукцию, сельскохозяйственная аренда, цены на рабочие руки, цены на скот и продукты скотоводства, урожаи трав и сена, состав земледельческих культур.

II. Состояние промыслов: состояние местных промыслов, распределение по профессиям, доходы от промыслов, классификация кредитов в волостях по роду промыслов для кустарей, ремесленников, мелких торговцев; различные производительные и непроизводительные промыслы крестьянского населения, отхожие промыслы местного населения, цены на продукты кустарного производства, география промыслов, количество кустарей по различным специальностям.

III. Крестьянский бюджет, налоги: продовольственный и денежный бюджет крестьянских хозяйств, арендные цены, цены на рабочие руки, годовой расход пищевых продуктов в крестьянских и помещичьих семьях, расход кормовых продуктов в крестьянских хозяйствах, крестьянские платежи и недоимки, земские сборы с сельскохозяйственного населения, кредит деньгами и хлебом, потребление продуктов и вина населением.

IV. Состояние народного образования: число училищ и школ, число учащихся и их состав, размеры школ, возраст и пол учащихся, средства содержания училищ и школ, расходы земства на народное образование, внешкольные образовательные учреждения и статистика грамотности.

Почти в каждом выпуске «Статистического обзора» публиковались списки корреспондентов, доставлявших сведения из уездов (учителя, священнослужители, врачи).

«Статистическое описание Калужской губернии». Продолжающееся издание, выходило в Калуге в 1897–1915 гг., издатель — статистическо-оценочное отделение КГЗУ. Всего вышло 7 томов, в 14 выпусках.

Редакторы — А.В. Пешехонов (т. 1, 3), И. Торопыгин (т. 2), В.М. Кашкаров (т. 4, 5), М.Н. Григорьев (т. 6, 7). В составлении

описаний участвовали: Н.И. Новиков, И.Ф. Дубровинский, С.П. Середа, П.Н. Быков, А.А. Гурьев, Н.Х. Фосс, В.В. Авилов, А.Д. Разумовский, С.Ф. Копейкин, И.Ф. Гильберт, Ф.В. Богуцкий и др.

Описаны уезды: Козельский (т. 1, вып. 1–2); Лихвинский (т. 2, вып. 1–2); Перемышльский (т. 3, вып. 1); Калужский (т. 4, вып. 1); Малоярославецкий (т. 5, вып. 1–3); Мещовский (т. 6, вып. 1–2); Жиздринский (т. 7, вып. 1–3). Каждый выпуск состоял из двух частей: основных статистических таблиц и тестовой разработки статистических материалов в целях выяснения доходности земель и лесов.

Программа таблиц: надельные крестьянские земли общинного пользования (по районам, волостям); групповые таблицы по почвам и размерам посевных площадей; частновладельческие крестьянские хозяйства.

Текст был разбит по следующим разделам: общие условия хозяйства, состав крестьянского хозяйства, крестьянское землевладение и землепользование, сельскохозяйственное производство и обмен, сельскохозяйственные промыслы, численность и состав крестьянского населения, его грамотность и т.п.

«Сельскохозяйственная текучая статистика» (по Калужской губернии). Продолжающееся издание, выходило в Калуге в 1904–1913 гг. Издатель — оценочно-статистическое отделение КГЗУ. Всего вышло 11 выпусков (в 1904 г. — вып. 1–2).

Редакторы — В.М. Кашкаров (1904–1905), С.Ф. Копейкин (1906), М.Н. Григорьев (1907–1913). В составлении таблиц участвовали также: П.С. Ватолина, А.А. Птицын, С.Н. Кудрявцева, М.Х. Рыбакова, З.Г. Богуцкая, А.П. Браварец, П.С. Григорьев, С.Я. Долецкий.

Издание представляло собой сборник статистических таблиц по следующей программе: площади, время посева, прогноз урожая яровых и озимых хлебов, арендная плата за одну десятину земли по уездам (отдельно дворянская и крестьянская земли), цены на сельскохозяйственные продукты, на скот, плата батракам в различных условиях, отхожие промыслы населения, расходы кормовых продуктов в крестьянском хозяйстве, продажные и покупные цены на топливо, местные производительные промыслы и т.д.

Статистический материал был расположен по уездам. В каждом выпуске печатались списки корреспондентов, доставивших сведения по сельскохозяйственной и промысловой статистике из уездов.

«Труды оценочно-статистического отделения Калужской губернской земской управы». Продолжающееся издание, выходило в Калуге в 1904–1908 гг. Всего вышло 4 тома. Редакторы: В.М. Кашкаров (т. 2), М.Н. Григорьев (т. 3).

В издании были помещены крупные работы (монографии) Н.Н. Боголюбова и К.И. Лисицына по геологии Калужской губернии (т. 1, 2, 4), А.Ф. Флерова и Б.А. Федченко по геоботанике и флоре края (т. 2, 3). Содержание четвертого тома составили две работы губернского санитарного врача И.И. Молессона: «Краткий очерк рождаемости и смертности православного населения Калужской губернии за 1901–1903 гг.» и «Краткий очерк отхожих промыслов Калужской губернии в 1903 г. в санитарном отношении».

«Материалы к оценке городов Калужской губернии». Продолжающееся издание, выходило в Калуге в 1906-1910 гг. Издатель — оценочно-статистическое отделение КГЗУ. Всего вышло 5 выпусков. Редакторы: В.М. Кашкаров (вып. 1), М.Н. Григорьев (вып. 2–5). Составители: А.Н. Григорьев (вып. 1), С.Ф. Копейкин (вып. 2, 4), А.Д. Разумовский (вып. 3, 5).

В данном издании были опубликованы материалы к оценке гг. Малоярославца, Козельска, Жиздры, Медыни.

Каждый выпуск состоял из текста и нескольких таблиц по следующим разделам: распределение города на районы, состав городских имуществ, средние размеры жилых строений, доходность торгово-промышленных заведений и т.п.

«Калужский санитарный обзор». Ежемесячное периодическое издание, выходило в Калуге в 1907–1918 гг. Издатель — санитарный отдел КГЗУ. Тираж 300–500 экземпляров.

Количество вышедших номеров:

1904 г. — № 1–4 (сентябрь-декабрь);

1908–1917 гг. — по 12 номеров в год;

1918 г. — № 1 (январь), 5/8 (май-август).

Заглавие в 1907 г. — «Санитарный обзор Калужской губернии».

Тематика разделов «Калужского санитарного обзора»: эпидемиологический листок по месяцам, движение больных в губернской больнице, аптечное дело, больничное и амбулаторное дело, деятельность санитарных отделов уездных земских управ, заразные болезни, эпидемии и борьба с ними, земская медицина,

оспопрививание, санитарное попечительство о бедных, пьянство и борьба с ним, санатории и курорты, фельдшеры и фельдшерские школы, чтения и беседы по гигиене, школьные вопросы, ясли и приюты, юбилеи и чествования, водоснабжение и благоустройство городов и др.

В каждом годовом томе печатался список земских врачей Калужской губернии за год. Часто публиковались постановления губернских и уездных земских собраний по земской медицине и санитарным вопросам.

Постоянной рубрикой были «Библиографические заметки», где печатались сообщения о новейшей литературе и журналах в области медицины, санитарии и гигиены.

Большинство помещаемых «Калужским санитарным обзором» материалов представляло собой сводки цифровых данных, их предваряли краткие статистические очерки, часто без подписи. В некоторых номерах в 1916–1917 гг. публиковались журналы и постановления губернских и Всероссийских совещаний врачей, санитарных организаций, освещалась деятельность губернских и уездных комитетов помощи раненым. В 1917 г. (№ 11/12) были опубликованы статистические материалы по естественному движению населения (рождаемость/смертность) в Калужской губернии за апрель-май того же года.

Интересным в краеведческом отношении является материал о Калужской губернской больнице в связи с ее 100-летним юбилеем (1909. № 11), а также статья Ф.А. Недоходовского «К характеристике сельского нищенства в Калужской губернии» (1910. № 10).

За десять лет издания в «Калужском санитарном обзоре» было опубликовано не менее 50 некрологов на умерших земских врачей, фельдшеров и других санитарно-медицинских работников губернии.

Авторы журнала: Н.В. Барышников, С.М. Бегичев, А.Н. Боголюбов, П.Д. Борщов, Ю.А. Вусович, Д.И. Востров, В.Н. Гедроиц, Ф.Ф. Глаголев, С.Я. Годельштейн, Н.А. Кумыкин, Л.М. Коротаев, В.К. Маркевич, Н.П. Малыгин, О.А. Махова, И.И. Молессон, А.Н. Мурзин, Н.П. Никольский, А.Ф. Нейман, А.М. Огарева, М.С. Пучковский, П.П. Паренаго, Е.В. Померанцева, А.П. Прокофьев, В.Я. Радкевич, М.Я. Розенблáтт, М.В. Свечников, А.М. Семенов, А.П. Смирнов, М.И. Транквиллевский, А.И. Шокуров и др.

Годовые указатели содержания печатались ежегодно в конце каждого тома и иногда выходили отдельными оттисками.

Журналы агрономических совещаний и экономического совета при КГЗУ. Продолжающееся издание, выходило в Калуге в 1909–1918 гг. Всего вышло 10 ненумерованных выпусков (1909, 1912, 1917, 1918 гг. — по 1 выпуску; 1910 г. — 2 выпуска; 1911 г. — 4 выпуска).

Заглавие — «Журналы Калужского губернского агрономического совещания, комиссий и агрономической коллегии».

Публиковались журналы и протоколы заседаний агрономического совещания и экономического совета, функционировавших в системе губернского земства. Рассматривались вопросы состояния и развития сельскохозяйственной кооперации, кустарных и отхожих промыслов.

«Калужский ветеринарный бюллетень». Ежемесячный журнал, издавался Ветеренарным отделением КГЗУ в Калуге в 1910–1917 гг. Всего вышло 96 выпусков. Тираж 200 экземпляров.

Заглавие в 1910 г. — «Бюллетень о ветеринарно-санитарном состоянии Калужской губернии».

Материал печатался в основном официальный, статистический, информационный, изредка авторский, располагался по рубрикам: общая характеристика ветеринарно-санитарного состояния Калужской губернии за месяц, ведомость о повально-заразных болезнях домашних животных, ведомость о лечебной деятельности ветеринарного персонала за год, сведения о заразных болезнях в соседних губерниях, местная хроника, разные известия, объявления, сообщения ветеринарных врачей, циркуляры Ветеринарного управления МВД, постановления ветеринарных совещаний, Калужские губернские собрания по ветеринарной части.

Авторы: Н.М. Никольский, А.Н. Невский, В.А. Незым, А.Л. Отто, М.И. Симонов, А.И. Спасский, А.К. Энглези, Л.И. Эплер, Ф.А. Ястржембский и др.

Годовые указатели содержания печатались в последнем номере года (1911–1912).

«Труды Калужской агрономической лаборатории». Продолжающееся издание, выходило в Калуге в 1914–1930 гг. Издатель до 1918 г. — КГЗУ. Тираж 100–200 экземпляров. Всего вышло 10 выпусков.

Заглавие вып. 1–6 — «Труды агрономической лаборатории и контрольной семенной станции за 1911/1913–1926 гг.».

Составители: Б.М. Априамов (вып. 1–2), В.Н. Панфилов (вып. 3–10).

«Обзор деятельности Боровского уездного земства». Продолжающееся издание, выходило в Боровске в 1912–1914 гг. Издатель — Боровская уездная земская управа. Всего вышло 8 выпусков. Типография А.В. Муратовой.

Были опубликованы аналитические и статистические материалы о деятельности земства Боровского уезда по следующим темам:

— вып. 1–3 (1912 г.) — агрономические мероприятия;
— вып. 4, 6 (1913 г.) — народное образование;
— вып. 5 (1913 г.) — народное здравоохранение;
— вып. 7, 8 (1914 г.) — деятельность агрономов и агрономические мероприятия.

В.А. Бессонов
(Калуга)

Георгиевские знамена ингерманландских полков в коллекции Калужского областного краеведческого музея

Среди предметов, хранящихся в фондах Калужского областного краеведческого музея, привлекает к себе внимание коллекция знамен, составленная из регалий различных воинских подразделений, в числе которых — знамена, принадлежавшие полкам 1-й бригады 3-й пехотной дивизии: 9-му пехотному Ингерманландскому императора Петра Великого и 10-му пехотному Новоингерманландскому.

Согласно записям в учетной документации музея, знамена ингерманландцев поступили в музей в 1920-х гг.: шесть из Троицкого Кафедрального собора и столько же — из церкви Михаила Архангела [1]. Из хранящихся сейчас в Калужском областном краеведческом музее двенадцати знамен Ингерманландских полков пять являются Георгиевскими. Два из них принадлежали батальонам 9-го пехотного Ингерманландского полка, а три находились в строю 10-го пехотного Новоингерманландского.

Высочайше пожалованные Георгиевские знамена во всех трех батальонах Старо- и Новоингерманландских полков имели одинаковый вид.

Полотно знамени ткалось из шелка особым способом — так, что по сторонам рисунок был совершенно одинаков. По форме знамена были квадратные, с длиной стороны в 128,9 см (1 аршин 13 вершков). Для крепления к древку с левой стороны оставляли специальный придаток той же ткани шириной в 22 см (5 вершков).

На полотнище, занимая все пространство, располагался белый крест по форме креста ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия. В середине креста помещался оранжевый круг, обрамленный по окружности лавровым венком, концы которого сверху соприкасались с императорской короной. Венок и корона выполнялись из книжного золота с отделкою масляными красками. В центре оранжевого круга масляными же красками рисовался государственный герб утвержденного образца.

Углы знамени, располагавшиеся между лучами креста, делились диагональю полотна на две равные части, из которых прилегающие к вертикальной оси были черного цвета, а к горизонтальной — белого. Между собой, по диагонали, и от лучей креста углы отделялись полосками оранжевого цвета, исходящими из центрального круга.

В углах помещались кружки особого цвета, в зависимости от рода войск и места в дивизии, которые по окружности были закрыты лавровыми венками с коронами, обращенными к центральному кругу. Угловые венки и короны отделывались в соответствии с центральным венком и короной. В центре малых кружков помещался золотой вензель государя императора, по установленному образцу.

Поле под императорским вензелем Александра II в Староингерманландском полку было красного цвета, в Новоингерманландском — светло-синего. На концах креста, по периметру, располагалась пожалованная за военные отличия надпись, исполненная золотом. В знаменах Староингерманландского полка она гласила: «За переход через Балканы у Трояна в декабре 1887 г.», а в знаменах Новоингерманландского полка — «За переход через Балканы у Тетевеня и Трояна в декабре 1877 г.».

Полотно знамени крепилось специальным способом к древку с помощью знаменных стальных гвоздей с вызолоченными бронзовыми шляпками. Само древко покрывалось масляной краской и было в Староингерманландском полку желтого цвета, а в Новоингерманландском — черного. Общая длина древка с украшениями составляла 284,48 см (4 аршина).

Подток, из вызолоченной бронзы, имел вид усеченного конуса. Навершие на Георгиевских знаменах было в форме копья, в середине которого в лавровом венке помещался эмалевый крест

ордена Святого Георгия 3-й степени. Само навершие и венок были из вызолоченной бронзы.

Под навершием завязывалась и прибивалась тремя знаменными гвоздями георгиевская лента, к которой крепилась пара серебряных кистей.

Ниже полотна знамени древко охватывала вызолоченная бронзовая скоба, на которой помещались указания: какой части принадлежит знамя, как часть называлась при сформировании и, если знамя было пожаловано за боевые отличия, какая надпись украшает полотно.

На дошедших до нас двух Георгиевских знаменах, принадлежавших Староингерманландскому полку, имеются скобы со следующими надписями: «(Вензель Петра I) 1703 г. Пехотный Меншикова Ингерманландский полк, 1878 г. За переход через Балканы у Трояна в декабре 1877 г., 1891 г. — 9-й пехотный Староингерманландский генерал-фельдмаршала князя Михаила Голицына полк» [2]; на втором знамени надпись аналогична, но вместо «1891 г.» записано: «1883 г. — 9-й пехотный Староингерманландский полк» [3].

Первое знамя имеет сильно разорванный край полотнища, часть которого утрачена. Само полотнище загрязнено. На втором знамени надорван правый нижний край и утрачена часть древка. Краски на полотнищах обоих знамен осыпались и выцвели.

На скобах всех Георгиевских знамен Новоингерманландского полка надписи идентичны: «(Вензель Екатерины II) 1790 г. Новоингерманландский полк, 1878 г. За переход через Балканы у Тетевеня и Трояна в декабре 1877 г., 1883 г. — 10-й пехотный Новоингерманландский полк» — и далее указан номер батальона, которому принадлежало знамя.

Сохранность знамен Новоингерманландского полка различна. У знамени 1-го батальона порван внешний край полотна, осыпалась краска и утрачен Георгиевский крест с навершия. Знамя 2-го батальона сохранилось лучше других, потеряв за прошедшее время лишь часть краски с полотнища. В 3-м батальоне знамя выцвело и оказалось сильно загрязнено, часть древка и крест Георгия с навершия утрачены, георгиевские ленты надорваны [4].

Таким образом, Калужский областной краеведческий музей располагает в своей коллекции полным комплектом Георгиевских знамен Новоингерманландского полка и двумя Георгиевскими знаменами Староингерманландского, принадлежность которых к конкретным батальонам установить трудно.

9-й пехотный Ингерманландский полк начал свою службу в России с 1703 г., когда указом от 19 июля Петр I повелел собрать 1 000 «самых добрых и взрачных людей» в полк губернатора Лифляндии, Карелии и Ингерманландии Меньшикова и дать тем людям жалование против гвардейских солдат [5]. Вновь сформированный полк получил название «пехотный Меншикова Ингерманландский» и, хотя он относился к армейской пехоте, пользовался всеми преимуществами гвардии, до 1728 г. имел постоянную стоянку в Санкт-Петербурге [6].

С июня 1704 г. полк включился в Северную войну и принял участие во многих делах и сражениях, в том числе при Лесной, Полтаве, Гангуте. В 1711 г. ингерманландцы были в числе войск, направленных в неудачно закончившийся Прутский поход.

10-й пехотный Новоингерманландский полк имел старшинство с 20 августа 1790 г., но фактически его история начинается с 1783 г., когда в Белоруссии и г. Харькове были учреждены восемь полевых батальонов. В 1784 г. из 1-го и 3-го Белорусских и 2-го и 3-го Харьковских батальонов в г. Херсоне начал формироваться пехотный полк, получивший по Высочайшему указу от 14 января 1785 г. название «Херсонский». Этот полк принимал участие в Русско-Турецкой войне 1787–1791 гг. Но 1 августа 1790 г. последовало распоряжение князя Потемкина, и Херсонский полк был переименован в Ингерманландский, старшинство которого принято считать с 20 августа 1790 г., когда окончательно завершилось переформирование [7].

Таким образом, в Российской армии оказалось два одноименных полка. Поэтому в том же 1790 г. сформированный еще при Петре Ингерманландский полк получил название «Староингерманландский...», а спустя два года, в апреле 1792 г., молодой Ингерманландский полк был переименован в Новоингерманландский [8].

25 марта 1864 г. к полковым названиям были прибавлены номера, и с тех пор полки именовались «9-й пехотный Староингерманландский» и «10-й пехотный Новоингерманландский» [9].

Староингерманландский полк участвовал в Русско-Турецкой войне 1787–1791 гг. В 1792 г. Новоингерманландский полк был в Польском походе. Староингерманландцы сражались с французами в войнах 1799, 1805 и 1806–07 гг. Новоингерманландский полк участвовал в войне 1805 г. Ингерманландские полки в разное время и в различных частях сражались с турецкой армией в войну 1806–1812 гг.

В достопамятный 1812 г. Новоингерманландский полк оказался в 12-й пехотной дивизии 7-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта Раевского. Полк прошел всю войну и принял участие в боях под Салтановкой и Красным, в Смоленском, Бородинском и Малоярославецком сражениях.

Староингерманландский полк в 1812 г. участвовал в боевых действиях на южном направлении.

Оба полка, пройдя по полям сражений Заграничного похода 1813–1814 гг., оказались, в конце концов, под Парижем, в штурме которого довелось участвовать Староингерманландскому полку. А Новоингерманландский полк, после «ста дней» Наполеона, войдя в состав корпуса графа Воронцова, находился во Франции с 1815 по 1818 гг.

По высочайше утвержденному 18 октября 1819 г. новому расписанию ингерманландские полки оказались в разных бригадах 14-й пехотной дивизии. 20 мая 1820 г. последовало переименование 14-й дивизии в 3-ю, причем Староингерманландский и Новоингерманландский полки составили ее 1-ю бригаду [10].

Вместе полки участвовали в Польской войне 1830–1831 гг. и в подавлении Польского восстания 1863 г. Ингерманландцы дрались с турками в войну 1877–1878 гг., с японцами в 1904–1905 гг. и, наконец, приняли участие в Первой мировой войне.

Последняя точка в истории ингерманландских полков была поставлена в Калуге, где полки имели постоянные квартиры с осени 1892 г. Именно здесь в марте-апреле 1918 г. происходило расформирование 1-й бригады 3-й пехотной дивизии [11].

Георгиевские знамена из коллекции музея — единственные, полученные за всю историю полков, — ингерманландцы заслужили в ходе Русско-Турецкой войны 1877–1878 гг.

Накануне войны с Турцией 1-я бригада 3-й пехотной дивизии, в составе 9-го пехотного Староингерманландского и 10-го пехотного Новоингерманландского полков, была расквартирована в Нижнем Новгороде, где в начале апреля 1877 г. было получено высочайшее повеление о мобилизации дивизии. Согласно расписанию Главного штаба, 3-я пехотная дивизия назначалась в Киевский военный округ, на место ушедших оттуда в действующую армию войск. Но поражение 8 июля частей 9-го армейского корпуса под Плевной и нехватка войск для содержания растянувшейся к Балканам операционной линии побудили командование двинуть на театр войны уже мобилизованные части, в том числе и 3-ю пехотную дивизию.

30 августа Староингерманландский полк принял участие в плачевно окончившейся Третьей Плевне, будучи в резерве 9-го армейского корпуса, 5-я дивизия которого и румынские войска были назначены для атаки Гривицкого редута. В ходе штурма 1-й батальон староингерманландцев был выдвинут к Гривице, причем 1-я стрелковая рота приняла непосредственное участие в бою. 2-й батальон прикрывал во время сражения высоту, на которой находился император и главнокомандующий. В ходе дела полк потерял 10 нижних чинов (1 убит, 9 ранено).

После неудачного штурма Плевны, 9 сентября был образован Ловче-Сельвинский отряд, в который вошел и Староингерманландский полк. Отряд, под общим командованием начальника 3-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Карцева, был создан для защиты опорных населенных пунктов и осуществления связи между Западным отрядом и войсками Радецкого.

В октябре 1-я и 2-я стрелковые и 5-я линейная роты приняли участие в экспедиции на с. Тетевень, в которое вступили 20 октября после произошедшего накануне боя. При штурме турецких укреплений 2-я стрелковая рота потеряла троих нижних чинов (1 убит, 2 ранены).

Новоингерманландский полк, простояв до октября в Тырново, 17 числа оставил его и выступил к Ловче, в состав Ловче-Сельвинского отряда.

29 октября гарнизон Ловчи покинул 2-й батальон Новоингерманландского полка, который был выслан на смену батальона 12-го пехотного Великолуцкого полка в Тетевень. 11 ноября части, расположенные в Тетевене, были атакованы сильным турецким отрядом. Но благодаря умелым действиям командира батальона майора Кобордо и мужеству солдат отстояли село, на оборону которого по фронту требовалось не менее полка с батареей. Новоингерманландцы в этом деле потеряли 4 человека (3 убиты, 1 ранен).

18 ноября командир новоингерманландцев, граф Комаровский, получил записку начальника штаба Западного отряда с предложением поддержать демонстрацией на Тетевенском перевале наступление генерал-майора Курнакова на Златицу. В тот же вечер семь рот Новоингерманландского полка (1–5-я, 8-я линейные и 2-я стрелковая роты) покинули Тетевень и двинулись на перевал, который 20 ноября был взят фактически без боя. Перейдя Балканы, новоингерманландцы сделали нападение на

Златицу, оттянув на себя часть турецких сил. 21 ноября бой под Златицей повторился. Потери новоингерманландцев 20 и 21 ноября составили 10 человек ранеными (прапорщик и 9 нижних чинов).

Вечером 21 ноября Комаровский отвел свой отряд на перевал, который оставил после единоборства с природой 26 ноября, приказав отойти.

2 декабря турки перешли в наступление на части Златицкого отряда генерал-майора Брока. С этого дня шесть рот Новоингерманландского полка (1—4-я, 6-я линейные и 2-я стрелковая роты), приведенные в Этрополь Комаровским, вступили в состав войск Брока, заняв с 3 декабря оборонительные позиции на Златицком Балкане.

Приказом от 20 декабря Ловче-Сельвинский отряд был расформирован и части, его составлявшие, вошли в Троянский отряд, командиром которого был назначен Карцев. Отряду предстояло перейти Балканы через наиболее труднопроходимый Троянский перевал.

В числе прочих войск, назначенных в отряд Карцева, были все пятнадцать рот Староингерманландского полка и восемь рот Новоингерманландского (3-й батальон с 3-й стрелковой ротой, 5-я, 7-я линейные и 1-я стрелковая роты).

Вечером 23 декабря силами 10-го стрелкового батальона была предпринята неудачная попытка внезапно овладеть Троянским перевалом, показавшая, что турецкая позиция сильно укреплена и для атаки с фронта сил отряда недостаточно. Было решено совершить обход правого фланга противника, для чего 25 декабря произвели разведку, подтвердившую возможность охвата турецких войск.

26 декабря состоялся штурм Троянского перевала. 1-й батальон Староингерманландского полка, а также 1-я и 3-я стрелковые роты Новоингерманландского приняли участие в обходном движении левой колонны и штурме флангового укрепления противника. В процессе наступления к ним присоединился и 3-й батальон староингерманландцев. Оставшийся 2-й батальон совершил невероятную атаку турецкого передового укрепления, устроенного на скале, господствующей над всем перевалом и носящей имя Орлиное Гнездо. Сбив с перевала врага, русские войска заняли д. Корнари и вышли в долину р. Гиобса, расстроив тем самым сообщение турецких войск между Шипкой и Златицей.

В ходе боя в Староингерманландском полку были убиты штабс-капитан и 8 нижних чинов, раненых оказалось 20 человек (прапорщик и 19 нижних чинов). Новоингерманландцы потеряли 5 нижних чинов (2 убиты, 3 ранены).

Тяжелая стоянка частей Новоингерманландского полка под командой Комаровского на Златицком перевале, ознаменованная более борьбой с природой, чем с турецкими войсками, закончилась 21 декабря, когда в ходе удачного наступления отряда генерал-адъютанта Гурко турки оставили позиции на перевале и Златицу.

2 января 1878 г. отряд Карцева начал преследование турецких войск, сначала взаимодействуя, а с 4 января войдя в состав войск Гурко.

Известие о заключенном 19 января 1878 г. перемирии, полученное 22 числа, застало Староингерманландский полк в Родосто, а новоингерманландцев — у железнодорожной станции Кулелы-Бургас.

Для ингерманландцев война осталась позади, но еще девять долгих месяцев полки несли тяжелую и полную лишений службу на оккупированной территории. Лишь 19 октября первые эшелоны ингерманландцев, погруженные на пароходы в г. Бургасе, отправились в Севастополь, откуда по железной дороге были доставлены в Нижний Новгород. 14 ноября 1878 г. последний эшелон Новоингерманландского полка прибыл в город, и 1-я бригада снова оказалась на месте своего постоянного расквартирования.

В ходе Русско-Турецкой войны в Староингерманландском полку заслужили награды 32 офицера, причем два офицера были отмечены дважды, два чиновника и священник. Три фельдфебеля получили Знаки отличия Военного ордена 3-й степени и 172 человека — 4-й степени. Командир Староингерманландского полка, полковник граф Татищев был произведен, за боевые отличия, в генерал-майоры.

В Новоингерманландском полку удостоились наград 46 офицеров (четверо — дважды) и чиновник. В полк было пожаловано 178 Знаков отличия Военного ордена 4-й степени. Генерал-майорский чин получил командир полка, полковник граф Комаровский [12].

В начале мая 1878 г. в полки 1-й бригады, стоявшей тогда в г. Родосто, пришло известие о пожаловании, по Высочайшему приказу от 17 апреля 1878 г., ингерманландцам Георгиевских знамен, которые вместе с наградными грамотами были доставлены в Нижний Новгород в ноябре 1880 г. В высочайших грамотах, подпи-

санных Александром II 17 июля 1878 г. в Царском Селе, говорилось: «В ознаменование особенного Монаршего благоволения Нашего, за оказанные подвиги мужества и храбрости 1, 2 и 3 батальонами ... в Турецкую войну 1877 и 1878 годов, Всемилостивейше жалуем батальонам сим Георгиевские знамена, с надписью...: староингерманландцам — "За переход через Балканы у Трояна в декабре 1877 года", а Новоингерманландскому полку — "За переход через Балканы у Тетевеня и Трояна в декабре 1877 года"» [13].

25 ноября 1880 г. в Нижегородском военном собрании состоялась церемония прибивки Георгиевских знамен Новоингерманландского полка, которые были внесены в его ряды на следующий день, после торжественного освящения. Староингерманландский полк совершил церемонию прибивки и освящения 5 и 6 декабря 1880 г.

Ингерманландцы получили знамена, изготовленные в соответствии с высочайше утвержденной 25 февраля 1880 г. «Инструкцией для руководства при изготовлении знаков отличия, жалуемых войскам за военные подвиги» [14]. Знамена образца 1880 г. по своей форме и системе были сходны с образцом 1876 г.

2 июня 1883 г. по высочайшему повелению число знамен в полках было сокращено до одного, которое должно было находиться в 1-м батальоне. Остальные знамена оставлялись при полках в качестве регалий [15].

20 августа 1890 г. 10-й пехотный Новоингерманландский полк праздновал свой 100-летний юбилей, в ознаменование которого было высочайше пожаловано полковое знамя образца 1883 г. [16]. А староингерманландцы приняли новое знамя, образца 1900 г., в день 200-летней годовщины полка — 9 июля 1903 г. [17]. Вследствие этого все Георгиевские знамена, полученные в 1880 г. за переход через Балканы, превратились в полковые регалии.

Хранящиеся в собрании Калужского областного краеведческого музея подлинные Георгиевские знамена ингерманландских полков относятся к числу уникальных военно-исторических памятников, напоминающих о славном прошлом двух старейших частей императорской армии, оставивших заметный след в истории Калуги и России в целом.

Примечания

1. Калужский областной краеведческий музей (далее — КОКМ), фонды, КЛ 4767, 4768, 4770, 4771, 4772, 4902, 4908, 4922, 4923, 4926, 4927, 4929.

2. КОКМ, фонды, КЛ 4767.

3. Там же, КЛ 4768.

4. Там же, 1-й батальон — КЛ 4770, 2-й батальон — КЛ 4908, 3-й батальон — КЛ 4771.

5. Голиков И.И. Деяния Петра Великого. — М., 1788. — Т. 2. — С. 122; Он же. Дополнения к деяниям Петра Великого. — М., 1791. — Т. 6. — С. 209.

6. Попов В.И. История 9-го пехотного Ингерманландского императора Петра I полка. — Калуга, 1903. — С. 2.

7. Пирожников А.И. История 10-го пехотного Новоингерманландского полка. — Тула, 1913. — С. 3–4.

8. Там же. — С. 44; Энциклопедия военных и морских наук. — СПб., 1895. — Т. 7. — С. 289.

9. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск. — Л., 1946. — Т. 31. — С. 123.

10. Там же. — СПб., 1900. — Т. 10. — С. 56, 59–60.

11. Российский государственный военно-исторический архив, ф. 2623, д. 348; ф. 2624, д. 310.

12. При описании участия полков в войне использовались: Попов В.И. Указ. соч.; Пирожников А.И. Указ. соч.; Он же. Памятка Новоингерманландца. — Тула, 1909; Он же. Краткая история 10-го пехотного Новоингерманландского полка. — Калуга, 1894; Керсновский А.А. История Русской армии. — М., 1993. — Т. 2.

13. Попов В.И. Указ. соч. — С. 285; Пирожников А.И. История 10-го пехотного Новоингерманландского полка. — С. 374–375.

14. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск. — Л., 1948. — Т. 34. — С. 144.

15. Иллюстрированное описание перемен в обмундировании и снаряжении Императорской Российской армии. — СПб., 1889. — Вып. 3. — С. 39.

16. Там же. — СПб., 1897. — Вып. 3. — С. 29.

17. Калужские губернские ведомости. — 1903. — № 75. — С. 3.

З.В. Васильева
(Обнинск)

В.П. Обнинский

Один из городов Калужской области носит имя Обнинских — замечательных людей, высокоодаренных, разносторонне образованных, людей высокой культуры.

В сер. XIX столетия усадьбу Белкино и прилегающие к ней земли, ныне вошедшие в черту города, приобретают Обнинские, потомственные дворяне, происходившие из польско-литовского рода. Из них как политический и общественный деятель наибольшую известность приобретает В.П. Обнинский.

Виктор Петрович Обнинский родился 2 апреля 1867 г. в с. Белкино Калужской губернии в семье потомственного дворянина. Образование получил в военной гимназии и в военном Александровском училище, по окончании которого был произведен в подпоручики и назначен в Императорский лейб-гвардейский 4-й стрелковый батальон, где и прослужил около 5 лет. Для продолжения образования он пытается поступить в Военно-юридическую академию, но неудачно, и, не имея призвания к военной службе, 15 июля 1892 г. подает в отставку.

Уйдя со службы, определяется в частную компанию помощи голодающим крестьянам и едет в Пензенскую губернию, где в это время разразился страшный голод. В своих воспоминаниях он пишет: «Дети и взрослые, распухшие от голода, мертвенно синего цвета, попадались почти в каждой избе... Мой знакомый крестьянин... был найден на поле без чувств от истощения» [1]. Жуткая картина голода произвела на Обнинского удручающее впечатление, и это раз и навсегда определило его будущее как общественного деятеля.

Вскоре по настоянию родителей В.П. Обнинский поступает на службу в Московскую казенную палату и, получив должность податного инспектора, устраивается в статистический отдел Министерства путей сообщения, но и здесь, «не найдя себя», переходит на частную службу к двум известным инженерам, владельцам первого Петербургского элеватора и землечерпального каравана. Через два года, женившись на родственнице одного из хозяев товарищества, Клеопатре Александровне Саловой, Обнинский оставляет службу, Петербург и уезжает в новгородское имение Льзи. Живя в деревне, видит жизнь задавленных нуждой крестьян, их безграмотность, духовное убожество. И как он сам об этом пишет, «...стал мечтать... как о недосягаемом идеале об избрании в гласные уездного земства, чтобы... сколько-нибудь возместить обездоленному сословию те блага, какими воспользовался за счет крестьянского труда, создавшего состояние моих предков» [2].

В 1901 г., с женой и маленьким сыном, Виктор Петрович уезжает к себе на родину в Калужскую губернию.

Вскоре по приезде в Белкино его избирают в уездные гласные. «Самые пылкие надежды были превзойдены, и я совершенно отдался изучению сложного земского дела, работая в разных комиссиях и внимательно относясь ко всем вопросам самоуправления», — вспоминает об этом периоде жизни Обнинский [3].

По прошествии года в Малоярославецком уезде освободилось место предводителя дворянства, и весной 1903 г. он занимает эту должность, по-прежнему оставаясь гласным. Работая в земстве, уделяет большое внимание учреждению патронажа над питомцами Московского воспитательного дома, дети которого находились на воспитании в крестьянских семьях Боровского уезда.

Итогом работы помощи несчастным детям был доклад, написанный Обнинским, «Записка о попечительстве над питомцами Императорского Московского дома» (Калуга, 1904).

В 1904 г. В.П. Обнинский был избран председателем губернской земской управы. Оставив уезд и уже дающую результаты работу, он со всей пылкостью своей души берется за земскую деятельность в губернии. Знакомится с работой учреждений, привлекая к деятельности лучших людей. В 1904—1905 гг. принимает активное участие в земских съездах. В это время становится членом «Союза освобождения», а в октябре 1905 г. вступает во вновь сформированную Конституционно-демократическую партию.

Революционные события всколыхнули жизнь России и Калужской губернии. Октябрьская политическая стачка заставила царя Николая II выступить с манифестом 17 октября 1905 г., в котором он обещал народу незыблемые основы гражданской свободы и созыв законодательной Государственной думы. На выборах в I Государственную думу от партии кадетов по Калужской губернии избирается В.П. Обнинский. О единственной сессии I Государственной думы Виктор Петрович писал так: «Открытие думы... выборы председателя... Что-то будет? Момент исключительно благоприятен для правительства, если б оно и вправду хотело пойти навстречу народному желанию увидеть исполнение манифеста 17 октября» [4]. Но этому не суждено было сбыться.

Почти с первых дней работы I Думы в ней образовалась фракция автономистов, которую составляли национальные парламентские группы украинцев, литовцев, эстонцев и пр. Была принята программа, утвердившая требование государственной централизации на принципах автономии отдельных народов и областей, на строго демократических началах. В.П. Обнинский принял участие в работе этой фракции, и это был перелом в его мировоззрении и всей дальнейшей деятельности. «Вступив во фракцию областников... лишь с теоретическим интересом к национальным и областным вопросам, он выходит из нее, за роспуском Думы,

уже убежденным автономистом-федералистом, неуклонно проводящим свои убеждения в жизни» [5].

На заседании 8 мая 1906 г. в I Думе был поставлен важнейший вопрос — аграрный. Работая в аграрной комиссии, Обнинскому пришлось выступать несколько раз. Его выступления, крайне эмоциональные, были проникнуты сознанием неизбежности и немедленного осуществления крупнейшей земельной реформы. На это он высказал свою точку зрения: «Вся земля для трудящихся» [6]. В словах докладчика звучал призыв не только ставить аграрный вопрос, но и решать его с учетом национальных и областных условий. Прения по аграрному вопросу продолжались до 6 июня, после чего проекты были переданы в комиссию с поручением составить земельный закон на началах принудительного отчуждения помещичьих земель. В ответ на это Правительство объявило о роспуске Думы. Часть депутатов, в том числе и В.П. Обнинский, не подчинившись Указу, собрались 9–10 июля в Финляндии в Выборге, провели два заседания, обратившись к населению с Воззванием. Депутатам, подписавшим Выборгское воззвание, было предъявлено обвинение в возбуждении населения к неповиновению и противодействию законам.

Несмотря на тяжкие обвинения, Обнинский с юмором пишет: «Скоро мы с С.Д. <кн. Урусов> предстанем перед судом за Выборгское произведение. По праздникам рассчитываем на калачи от вас в арестантских робах» [7].

Отстраненный от дела, испытывая материальные затруднения, он занимается публицистической и издательской работой. Не теряя бодрости духа, В.П. Обнинский тщательно изо дня в день изучает хронику революционных событий 1905 г., стараясь представить в цифрах все явления выведенной из равновесия жизни страны. Он не праздный наблюдатель, а человек, ведущий летопись грозных событий. Готовит к выпуску книгу «Летопись русской революции».

В июле 1907 г. В.П. Обнинский пишет Р.М. Хин-Гольдовской[1]: «Коротко же сказать, Саблину трудно платить мне больше 300 рублей в месяц, а мне трудно получать менее 500. Единственное сходство мое, таким образом, с заправскими талантами заключается в материальных заботах, которые, понятно, отражаются и на моей работе. Сейчас, впрочем, я охотно пишу, т.к. началась

[1] Хин-Гольдовская (1863–1928) — писательница, близкий друг В.П. Обнинского.

интересная глава "Демонстрации, революция и столкновения с войсками"» [8].

Для того чтобы книги были изданы, В.П. Обнинскому пришлось приложить немало душевных и физических сил. Об этом в мае 1907 г. он пишет О.Б. Гольдовскому: «Книжка (Летопись русской революции) была арестована до выпуска из типографии, во время брошюрования, по телеграмме охранного отделения, гласившей буквально следующее: "Временно арестовать книгу В. Обнинского и немедленно доставить 3 экземпляра в канцелярию Московского градоначальника"» [9]. Но, к счастью, книга была освобождена.

Весь 1907 г. идет следствие по делу депутатов, подписавших Выборгское воззвание. Их дело рассматривается в особом присутствии Судебной палаты. Суд начался 12 декабря 1907 г. Из зала суда В.П. Обнинский пишет записку, описывая обстановку и настроение собравшихся: «Тесный душный зал, тусклое освещение и блеск имен подсудимых. Тупые рыла судей, не ведающих, что творят, красные, как кровь казненных, покрывала столов. Молчаливая демонстрация вставаний думы... Вызванные свидетели, обвинения... Блестящие речи. Настроение повышается, но нервность падает. Общий тон, что мы судьи, а судьи обвиняются» [10].

Подсудимые, в том числе и В.П. Обнинский, были осуждены. 12 июня 1908 г. В.П. Обнинский пишет из тюрьмы: «Я не чувствую себя отверженным человеком. Суровый режим как бывшему военному не в тягость... Книг еще мне не дали моих, пробиваюсь тюремными. Питаюсь недурно, хотя суп на сале. Ну да нельзя же только на словах быть демократом» [11].

Душевно мягкий, надломленный, но вместе с тем оптимист и борец, он боится быть в тягость друзьям и переживает трудное время.

8 августа 1908 г. из тюрьмы В.П. Обнинский пишет: «Сегодня мне дали бумагу и я пишу Вам... Жизнь в общем дала такой груз печали и счастья, что не согнуться под ним было трудно. Я давно бреду краешком пути, и каждый порыв ветра может свалить меня... и лучше честно признаться, что долгие годы невзгод вымотали силы и что, конечно, благоразумнее бросить меня, ибо у всех довольно своих тягот и страданий» [12].

Друзья не отвернулись и не оставили его. В.А. Серов, с которым Виктор Петрович был близко знаком, 15 августа 1908 г. пишет письмо И.И. Трояновскому, в котором сочувствует и поддер-

живает Обнинского, находящегося в заключении. «Кланяюсь очень В.П. Думаю, ему теперь легко. Вот тем, кто гуляет на свободе, потруднее — совестно. Ваш Серов» [13].

Три долгих месяца (01.06–01.09.1908) В.П. Обнинский провел в одиночной камере № 84 Московской тюрьмы. Находясь в тюрьме, он выбирает свой жизненный путь — путь публициста. Здесь он пишет книгу в форме дневника «Последний самодержец», которая представляет собой не только личные воспоминания, тюремные впечатления, но и «повесть о русском государстве, где все лица названы своими именами» [14]. Журнал «Голос минувшего», публикуя отрывки из книги, писал: «Суд старого строя в книге В.П. Обнинского суров, но та моральная высота, на которой всегда держался Виктор Петрович, дает ему право на тот жестокий для управляющих Россией приговор, которым является его книга» [15].

Выйдя из тюремного заключения, В.П. Обнинский поселяется в Москве, принимая деятельное участие в работе общественных и просветительских кружков (обществ грамотности, бюро по устройству заграничных экскурсий для народных учителей и др.). Появляются его первые серьезные труды: «Полгода русской революции» (1906), «Летопись русской революции» (1907), историческая монография «Новый строй» (1909), в которой раскрываются сущность и последствия антигосударственного переворота, совершенного Николаем II и Столыпиным 3 июня 1907 г. Но уже в конце 1909 г. он опять возвращается, и теперь навсегда, к национальному вопросу. Являясь центром и душой всевозможных обществ, занимающихся национальным вопросом, он совершает ряд поездок и совещаний. Совместно с И.А. Буниным, Ю.А. Веселовским, графом И.И. Толстым, Н.А. Шаховским и другими сотрудничает в редакции журнала «Национальные проблемы», основной задачей которого является защита политических, гражданско-правовых и культурных интересов отдельных народностей России. Принимает деятельное участие в московском обществе «Единение народностей России», занимая пост председателя. Он вынашивает мысль о создании периодического журнала, в котором освещались бы нужды народов и областей, и в 1-й пол. 1914 г. эта мысль, наконец, осуществилась. При обществе «Единение народностей России» начал издаваться журнал «Народы и области», редактором которого становится В.П. Обнинский. Цель журнала — сплочение народов

России, борьба за равноправие всех граждан великой империи без различия национальности и веры. Вокруг этого журнала Обнинский стремится сплотить, объединить лучших людей того времени, таких как В.Я. Богучарский — историк народнического движения и политический деятель, А.А. Боровой — историк и политэконом и др. Обнинский мечтает о том, как «многообразные ручьи и реки многоязычной и многонациональной России сольются в дружеской работе во имя общей цели единения народностей России» [16].

В июле 1914 г. вспыхнула Первая мировая война. Начатая под лозунгом: «Освобождение народов», война оказалась убийственной именно для них. Она принесла крушение надежд на мирное решение национальных проблем народов России. Не имея возможности попасть на фронт в качестве офицера (у В.П. Обнинского к этому времени развилась глухота), он вступает во вновь созданное общество «Всероссийский Земской Союз», едет на фронт от этого Союза в качестве уполномоченного. И опять он в гуще событий. Хин-Гольдовской Обнинский сообщает: «Пользуясь временным затишьем в боевой и моей корреспондентской жизни, и пишу вам... Здесь отчетливо чувствуется терпкий запах человеческой крови. Она льется в немногих верстах от Львова и в нем самом, в 20 госпиталях, где руки и ноги и клочья мяса режутся изо дня в день, из часу в час. Война отделила нас от России, от семей, от дома...» [17]. В.Я. Дорошевичу Виктор Петрович пишет с фронта о том, что трудно быть военным корреспондентом: не пускают в места боев, и о многом писать не разрешают. Но В.П. Обнинский по-прежнему много работает, его перу принадлежит целый ряд обстоятельных и интересных сообщений с театра военных действий, напечатанных в «Вестнике Европы», «Русских ведомостях», «Русском слове» и др. Пишет статьи по национальному вопросу: «Пробуждение», «Австро-венгерская армия в Галиции», не изданную до сего времени, и др. Побыв на Галицийском фронте больше года, В.П. Обнинский по состоянию здоровья возвращается из армии и весь отдается работе во Всероссийском Земском Союзе, организуя при нем отдел по розыску и оказанию помощи русским военнопленным, находящимся в Австрии и Германии. Издает книгу «В плену», где пишет: «Никто не ожидал, что война затянется надолго и примет такие огромные размеры... Число раненых, убитых, умерших от болезней и взятых в плен велико... Многим поможет государство, добрые

люди, соседи. Но есть такие жертвы, о которых думают мало и которым до сих пор не помогали. Это пленные русские солдаты...» [18].

По инициативе В.П. Обнинского во многих городах и селах были учреждены отделы помощи военнопленным, разосланы воззвания, брошюры «В плену», список лагерей — все это облегчало розыски военнопленных. Наряду с работой в Земском Союзе, В.П. Обнинский продолжает заниматься и национальным вопросом. Возобновляет оборвавшиеся связи, проводит совещания представителей различных национальностей, огорчается по поводу неподготовленности русского общества к разрешению национальной проблемы. Товарищи по партии называют его «благороднейшим рыцарем, настоящим романтиком национального вопроса», но, оставлявшие его одиноким даже в близкой среде, его мысли в национальном вопросе далеко опережали взгляды «тех реальных политиков “Прогрессивного блока”, которые так и не смогли отказаться от привычки разделять нации на великие и малые».

В.П. Обнинский был человеком, идущим впереди своего времени, жизнь не успевала за его горячей натурой, и за это он жестоко расплачивался.

Тюремное заключение, лишение возможности заниматься любимой земской работой, война, требующая крепких нервов, расшатанных постоянной и напряженной работой, обман царского правительства, заявившего об освободительной войне, семейные неурядицы подкосили силы В.П. Обнинского.

По возвращении из армии он пишет в письме Р.М. Хин-Гольдовской: «Вероятно, у меня просто накопилось за год утомление, и, найдя в Москве вместо обстановки отдыха и благополучия работы, тревоги разного свойства, я оказался без нужного запаса их переживания...» Чуть позже пишет: «Утомление все увеличивается, а мера терпения сносить злобу все уменьшается, и я часто про себя и совершенно молча прихожу в отчаяние. Дело жизни всякого человека — семья — мною проиграно бесповоротно. Созерцать умирание дворянства было для меня всегда большим удовольствием, но заплатить за это удовольствие созерцанием вырождения и гибели своих близких — не слишком ли взяла с меня судьба?..» [19].

Не выдержав борьбы и груза тревог и печали, В.П. Обнинский лишил себя жизни 20 марта 1916 г. Его нашли мертвым в помещении книгоиздательства. Похоронен В.П. Обнинский на кладбище Донского монастыря.

Примечания

1. Обнинский В. Последний самодержец: Девяносто дней в одиночном тюремном заключении. — М., 1917. — С. 23.
2. Там же. — С. 29.
3. Там же. — С. 30.
4. Там же. — С. 97.
5. Голос минувшего. — 1916. — № 5–6.
6. Стенографический отчет I Государственной думы. Заседание 38.
7. Российский Государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ), ф. 128, оп. 1, ед. хр. 96. Письма.
8. Там же.
9. Там же, ед. хр. 137. Письмо к О.Б. Гольдовскому.
10. Там же, ед. хр. 96.
11. Там же.
12. Там же, ед. хр. 137.
13. В. Серов в переписке, документах. — Л., 1985. — Т. 2. — С. 139.
14. Обнинский В. Последний самодержец. — М., 1917.
15. Голос минувшего. — 1915. — № 3.
16. Русское слово. — 1916. — № 67.
17. РГАЛИ, ф. 128, оп. 1, ед. хр. 137.
18. Обнинский В. В плену. — М., 1916.
19. РГАЛИ, ф. 128, оп. 1, ед. хр. 96.

С.А. Добров
(Обнинск)

Герой Кавказской войны — генерал В.С. Гуляков

Василий Семенович Гуляков происходил из дворян Калужской губернии и начал военную службу в 1768 г. рядовым одного из армейских полков. Участвовал в войнах с Турцией, Польшей и Швецией. Во время шведской войны (1788–1790) в одном из боев был ранен в правое плечо пулей. Постепенно продвигаясь по служебной лестнице, в 1800 г. В.С. Гуляков был произведен в генералы и назначен командиром Кабардинского полка, расквартированного на Северном Кавказе в Георгиевске, где незадолго до того, в 1783 г., был подписан Георгиевский трактат, по которому Картло-Кахетинское (Восточно-Грузинское) царство [1] перешло в подданство Российской империи.

В Грузии уже находился полк генерала Лазарева. Но его сил было недостаточно не только для защиты границ царства, но и для того, чтобы предотвратить бесконечные набеги лезгин и других горцев, иногда угонявших в плен целые селения. Поэто-

му русские представители в Грузии неоднократно обращались к императору Павлу I за подкреплением.

В конце 1800 г. генерал-майор В.С. Гуляков получил приказ перейти с полком в Тифлис (Тбилиси) [2]. 23 сентября 1800 г. [3] полк подошел к пригородам столицы, где была организована торжественная встреча. Еще до восхода солнца за городскую черту в предместье Тифлиса выехали царь Георгий XII с царевичами и царицей и множество горожан. Когда полк вступил в город, начался праздник. Народ приветствовал русских солдат и офицеров, пришедших защищать их родину, и целый день пировал на улицах. У персидского посольства была устроена враждебная манифестация (в 1795 г. персы разгромили Тифлис и большую часть царства, а в момент прихода полка Гулякова стояли под Эриванью (Ереван)). Даже столетние старцы выходили из домов, чтобы благословить русских солдат.

Вскоре, в ноябре 1800 г., полк принял участие в боевых действиях против вторгшегося в Грузию Омар-хана Аварского. Хан был разбит на р. Иори около местечка Ниахура отрядом под командованием генерала Лазарева. Правым крылом русских войск руководил В.С. Гуляков. «Умалчиваю в своем представлении о генерал-майоре Гулякове, — писал Лазарев в донесении, — ибо геройские поступки его и неустрашимость превосходят всякое засвидетельствование. Скажу только, что он во время сражения находился всегда впереди, служа во всем примером своим подчиненным, которые единодушно воздают ему справедливую признательность и высказывают к нему непреоборимую в подобных случаях доверенность». В этом сражении штабс-капитан Кабардинского полка Новицкий захватил аварское знамя — первый боевой трофей Кабардинского полка в Закавказье.

За это сражение указом Павла I В.С. Гуляков был награжден командорским крестом ордена Святого Иоанна Иерусалимского, а полку было пожаловано Мальтийское (Георгиевское) знамя с надписью: «С нами Бог! За взятие у аварских войск знамени при реке Иоре. 7 ноября 1800 года».

После победы Кабардинский полк был расквартирован в главных городах Кахетии — Телаве (Телави) и Сигнахе (Сигнахи).

28 декабря 1800 г. умер царь Георгий XII. Кахетинские дворяне попытались провозгласить кахетинским царем сводного брата царя — царевича Юлона. Это делалось без ведома российского императора и в обход законного наследника престола. К тому

же (об этом в Кахетии еще не знали) в это время в Петербурге уже стоял вопрос об упразднении Грузинского царства. Только благодаря твердости и такту В.С. Гулякова дело не дошло до кровопролития.

В мае 1802 г. манифестом нового императора Александра I Грузинское царство было упразднено. Оно вошло в состав Российской империи. Главноуправляющим Грузии был назначен генерал-лейтенант князь П.Д. Цицианов (Цицишвили) [3].

Главной задачей В.С. Гулякова была защита новой российской губернии от набегов лезгин, основной базой которых была местность на севере Кахетии — Джаро-Белоканский округ (гез). Всю зиму 1802–1803 гг. шли тревожные известия. В частности, полковник Солениус, находившийся в Сигнахе, доносил, что 8 тыс. лезгин собираются вторгнуться в Белоканах (Белокани), чтобы весной 1803 г. войти в Кахетию. Сам В.С. Гуляков располагал сведениями, что от другого сводного брата покойного царя Георгия XII царевича Александра (который все еще не терял надежды занять уже не существующий престол и в это время скрывался у лезгин) в Кахетию были посланы лазутчики, которые призывали жителей поддержать лезгин, и что многие кахетинские князья и дворяне бежали к Александру в Белоканы.

Узнав об этом, П.Д. Цицианов решил покончить с лезгинской угрозой. По его приказу 4 марта 1803 г. [4] генерал-майор В.С. Гуляков с отрядом, состоявшим из 3-х батальонов пехоты, 2-х казачьих сотен с 8-ю пушками (несколько позже к отряду присоединилось до 5 тыс. грузинской милиции), подошел к р. Алазани и под ружейным обстрелом лезгин переправился через нее. Дорога на Белокан проходила через густые, почти девственные леса, ее часто пересекали небольшие тинистые речки. В продолжение трех суток шел дождь со снегом, лошади с трудом тащили пушки. Наконец, отряд приблизился к Белоканам. Высланные вперед казачьи разъезды донесли, что дорогу перекрывает лесной завал, по обе стороны которого находятся болота. За завалом засели лезгины.

Осмотрев местность, Гуляков, не теряя времени на бесполезную перестрелку, скомандовал: «В штыки!» и во главе колонны бросился на завал. К удивлению русских лезгины почти не защищались, только в нескольких местах завязались короткие рукопашные схватки. Завал быстро опустел, и, забежав за него, русские увидели, что поле за поредевшим лесом покрыто бегущими лезгинами. Еще дальше были видны Белоканы. В погоню за бегу-

щими устремились казаки и грузинская милиция. Они на их плечах ворвались в город, и Белоканы были взяты фактически без сопротивления. Дома в городе оказались покинутыми. В.С. Гуляков приказал разрушить их и с основной частью отряда двинулся дальше, на Джары. Путь был снова прегражден, на этот раз воинами нухинского хана, союзника лезгин, с 2-мя пушками. Отряд В.С. Гулякова приготовился к бою, но нухинцы боя не приняли — ушли. После этого сдались и Джары.

Встав лагерем недалеко от города на берегу Алазани, В.С. Гуляков принял послов лезгин. После переговоров было подписано соглашение, по которому Джаро-Белоканский округ, Самухское владение и Елисуйский султанат переходили в подданство России. Около брода через Алазани был построен Александровский редут, а кроме него еще два укрепления — в Царских Колодцах и Караагаче.

За этот переход В.С. Гуляков был награжден орденом Святого Георгия 3-го класса, солдаты же двух наиболее отличившихся батальонов Кабардинского полка — деньгами, по рублю на человека.

Набеги лезгин после этого на некоторое время прекратились. Но 9 июня 1803 г. большой отряд конных лезгин внезапно напал на сторожевой пост Кабардинского полка. Получив отпор, лезгины бросились к казачьим табунам и угнали более 200 лошадей. Правда, сразу после этого старшины лезгин из Джар известили В.С. Гулякова, что в набеге были только пришлые лезгины из Дагестана. В.С. Гуляков сделал вид, что поверил, хотя знал, что это не так, и никаких карательных мер принято не было. Прошло около четырех месяцев, и в темную ночь с 21 на 22 октября лезгины атаковали русский лагерь. Их было около 10 тыс. Несмотря на внезапность нападения, солдаты и офицеры сохранили порядок. Выдвинув вперед пушки, они простояли под их прикрытием до утра, а утром лезгины исчезли. Казаки, посланные вдогонку Гуляковым, настигли их на переправе. Арьергард горцев поплатился большим числом убитых и раненых. Разгневанный П.Д. Цицианов отправил аварскому хану послание: «Ваши дагестанцы напали на лагерь Гулякова, но через полчаса как зайцы бежали опять за Алазань, оставив на месте и в реке триста сих ваших зайцев или мух, кои до сих пор не верят, что воробьям нельзя вести войну с орлами». Получив вскоре приказ Цицианова, В.С. Гуляков вновь выступил в Джаро-Белоканский округ. Когда отряд был уже готов к походу, пришло известие, что Алазани перешел Кази-Кумыцкий хан и занял позицию за завалом, ко-

торый прикрыт с фронта дремучим лесом и почти непроходимым терновником, через который невозможно провезти пушки; фланги этой позиции, как обычно, были прикрыты болотами. В.И. Гуляков 1 января 1804 г. атаковал горцев. Ему удалось выдвинуть пушки на левый фланг, и они были установлены на позиции, с которой велся обстрел завала продольным огнем. Тем временем охотники под командованием подполковника князя Г.Е. Эристова (Эристави) прокрались сквозь лес и терновник и нанесли удар с фронта. Казикумцы оказались прижаты к реке и, осыпаемые пулями и картечью, стали спасаться вплавь. Было захвачено шесть знамен, развевавшихся над завалом перед началом боя.

После этого В.С. Гуляков двинулся прямо на Джары, разбив по дороге несколько отрядов лезгин, попытавшихся его остановить. Джары были взяты и сожжены. 15 января 1804 г. В.С. Гуляков решил проникнуть в горы еще глубже. Но при этом он проявил неосторожность, которая стоила ему жизни, а отряду больших потерь. Отряд начал входить в узкое Закатальское ущелье, куда не проникал еще ни один чужеземец. Впереди шел авангард пешей и конной грузинской милиции, за ним рота егерей с пушкой, далее Кабардинский полк, Тифлисский батальон и 15-й егерский полк. В Кабардинском полку в числе ротных командиров были, тогда еще совсем молодые, А.Х. Бенкендорф и М.С. Воронцов. Колонна попала в засаду. Вот как описал происшедшее в частном письме к П.Д. Цицианову М.С. Воронцов: «...из рапорта князя Дмитрия Захаровича (Орбелиани) вы изволите усмотреть, какое у нас сегодня было несчастное дело с лезгинами. Василий Семенович (Гуляков), будучи руководим одною своею храбростью, пустился со всем отрядом в такое неприступное место, что ежели бы оно нам было и знакомо, то и тогда не следовало бы идти туда. Он по обыкновению своему опередил всех и шел впереди, не открыв места, без фланкеров и безо всего. Одни грузины были еще больше впереди, и это была главная его ошибка, ибо, как только лезгины бросились с саблями на грузин, они все побежали назад и кинулись на нас; место не позволяло выстроиться, так что нас сначала было опрокинули. Василия Семеновича убили у первого орудия; я возле него был, и со мною тоже бы случилось, если бы бежавшая грузинская толпа не столкнула меня с прекрутого яра, куда я летел и разбился бы до смерти, ежели бы не случилось упасть на других, которые уже прежде меня тою же толпою были столкнуты. Как можно скорее я вылез

опять наверх, и наши опять стали собираться, и в скором времени лезгин оттуда сбили. Как князь Дмитрий Захарович, так и Алексей Алексеевич <Леонтьев> все возможное примером и просьбами делали, чтобы солдаты не унывали. Идти вперед было нельзя, ретироваться назад тоже казалось невозможным, однако же с большим трудом мы отошли, не оставя ничего позади себя. Вчера и третьего дня все отсоветовали Василию Семеновичу туда идти; он почти согласился и говорил, что хочет только открыть место, — но как открывать место всем отрядом, не оставляя никакого резерва в случае несчастья? Бог знает как мы оттуда вышли; никто из нас не думал пережить этот день. Теперь мы пришли на место лагеря и находимся в совершенной безопасности. Грузины обескуражены; жалеют о потере генерала, но ничего не боятся. Лезгин, говорят, более 7 тысяч, но на чистом месте и 20 тысяч не боимся. Снарядов и патронов у нас очень мало; провианту не более, как на 9 дней; отступать же не хочется и стыдно». Отряд потерял около 500 человек, но и лезгинам этот день обошелся дорого.

Вначале тело В.С. Гулякова было погребено в бедной деревушке Бакар, так как Бодбийский митрополит [5] не разрешил похоронить его в старинном Сигнахском монастыре, где покоятся мощи святительницы Грузии святой Нины. Офицеры Кабардинского полка обратились к П.Д. Цицианову. Вскоре митрополит получил следующее послание от Главноуправляющего Грузией: «К крайнему удивлению узнал я, что ваше высокопреосвященство не позволили похоронить в Сигнахском монастыре тело покойного генерал-майора Гулякова, который убит в сражении в защиту Грузии, который, целый год стоя в лагере, лишен был совершенно спокойствия для того, чтобы охранить от неприятеля Кахетию и ваши жилища, который, наконец, во удивление всем одержал столь много знаменитых и славных побед, что прославил себя на веки, а целой Карталинии и Кахетии доставил спокойствие и тишину. Вся Грузия, питаясь плодами его подвигов, обязана вечной благодарностью столь храброму человеку. Я не могу поверить, чтобы вы употребили такой поступок против покойного, мученически подвизавшегося за Грузию, но если правда, то прошу без всякой медлительности уведомить меня, какое вы имели право и что могло воспрепятствовать вам похоронить тело генерала, увенчавшего всю Грузию счастьем? Уверяю при том ваше высокопреосвященство, что за подобный поступок весьма можете быть лишены епархии и сана».

После такой отповеди митрополит поспешил принести извинения, тело Гулякова с воинскими почестями было предано земле в стенах центрального храма монастыря. На мраморной надгробной доске на русском и грузинском языках была вырезана следующая надпись: «Храброму, мужественному и неустрашимому генерал-майору Василию Семеновичу Гулякову воздвигнул сей памятник скорби начальник и друг его князь Цицианов». В тот самый момент, когда гроб опускали в могилу, курьер привез Гулякову последнюю награду — Анненскую орденскую ленту.

Прошло немного времени, и сподвижник В.С. Гулякова князь Д.З. Орбелиани окончательно покорил Джаро-Белоканских лезгин.

А в 1831 г. офицеры отряда, некогда штурмовавшего Закаталы под руководством В.С. Гулякова, решили установить памятник на месте его гибели. Идея получила одобрение императора Николая I, и проект памятника по указанию императора сделал Брюллов [6]. Интересно, что памятник был заказан и отлит на Одесском заводе, благодаря содействию М.С. Воронцова, тогда губернатора Новороссии. М.С. Воронцову довелось присутствовать и при его открытии, по разным причинам постановка памятника задержалась и состоялась только 15 ноября 1845 г., когда М.С. Воронцов уже стал наместником Кавказа.

Как-то недавно, пересматривая списки Калужского ополчения 1812 г., я обратил внимание на знакомую фамилию. В составе 1-го пешего казачьего полка значились поручик и подпоручик Гуляковы. С большой долей уверенности можно считать, что это родственники Василия Семеновича.

Примечания

1. В дальнейшем тексте для краткости применяется выражение «царство», или «Грузинское царство».

2. В названиях городов применяется дореволюционное написание, в скобках приводится современное написание.

3. Некоторые грузинские фамилии даются в русском написании так, как это было принято до 1917 г. В этих случаях в скобках приводится современное написание.

4. Все даты в тексте даны по старому стилю.

5. Бодбийский митрополит — второй по значимости церковный иерарх Грузии.

6. Судя по сведениям, имеющимся в настоящее время, речь здесь идет, по-видимому, не о К. Брюллове, которого в 1831 г. в Петербурге не было, а о его брате Федоре.

С.А. Добров, В.А. Иванов, В.А. Тарасов
(Обнинск)

Опыт преподавания исторического краеведения в г. Обнинске

Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу,
Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро,
А за грехи, за темные деянья
Спасителя смиренно умоляют.

А.С. Пушкин

В кругах обнинских краеведов, представителями которых являются и авторы предлагаемой работы, давно зрела идея и предпринимались попытки начать систематическое преподавание краеведения в школах. Мы прекрасно понимаем, что без пробуждения любви к своему краю воспитание нравственного человека невозможно. Ниже приведена программа исторического краеведения, на основе которой авторами в течение ряда лет осуществляется преподавание краеведения в школах и в учреждениях дополнительного образования г. Обнинска.

Предмет читается в гуманитарных классах с историческим уклоном. Он рассчитан на 80 лекционных академических часов за два года плюс дополнительно 9 экскурсий во внеучебные дни. Курс реализован в виде 34 сдвоенных уроков-лекций через неделю (17 в год). Из них на трех уроках в первый год и на четырех уроках во второй год проводятся контрольные коллоквиумы. Четыре занятия проводятся в Музее истории г. Обнинска на коллекциях музея, а на четырех уроках длительностью по три часа проводятся экскурсии по городу и его ближайшим окрестностям. Кроме того, во внеучебное время проводятся 10 более дальних экскурсий, продолжительностью по 12 часов. Дополнительно учащиеся принимают участие в работе традиционных краеведческих конференций нашего региона:

1) октябрьской конференции в г. Малоярославце;

2) декабрьской конференции в г. Боровске;

3) февральской региональной краеведческой конференции школьников памяти В.С. Нестерова в г. Обнинске;

4) апрельской Международной конференции научного общества учащихся памяти А.Л. Чижевского в г. Обнинске.

По темам курса учащиеся могут подготовить самостоятельные рефераты-исследования, которые идут в зачет курса. Летом учащиеся проходят экспедиционную краеведческую практику.

Кроме того, предлагается семь факультативных занятий для формирования более глубокого представления о нашей местности.

Курс может быть реализован в 8–11 классах. Сейчас он читается в 9–10 и в 10–11 классах.

Тематически курс составлен в хронологическом порядке по типу летописей на основе проекта курса, разработанного В.А. Ивановым в 1989 г.

Цель курса — показать историю Отечества не как абстрактный предмет, а через жизнь и дела конкретных людей, реальных иванов петровичей и захаров матвеичей, живших на нашей земле до нас. Они могут принадлежать к разным сословиям, но они жили, любили и действовали на нашей земле, и именно их делами она передана в наши руки. (Под нашей землей, нашей местностью, здесь понимаются земли по рр. Протве и Луже, связанные общностью исторических судеб. Когда-то они составляли территорию Серпухов-Боровского и Оболенского княжеств, а ныне составляют территорию Боровского, Малоярославецкого и Жуковского районов Калужской области.)

Нельзя воспитать любовь к Родине на примере деяний далеких от нас правителей и на истории столичного двора, ее можно воспитать только на истории своего города, своего села, своей семьи.

История — непрерывный процесс жизни людей, в ней не может быть пропусков, белых пятен, она такая, какая есть. И наши предки тоже такие, как они были, со своими хорошими и плохими чертами, и мы хотим научить любить их такими, как надо любить своих отца и мать.

Анализируя исторические события в нашей местности, дети привыкают к анализу всемирной истории как к деятельности конкретных живых людей и этим самым развивают свой исторический кругозор и ощущение истории.

При чтении курса широко используются экспозиции музеев: Музея истории г. Обнинска, музеев Боровска, Малоярославца и Жукова. По темам курса проводятся специальные «уроки в музее». Дополнительно проходят экскурсии по окрестным историческим и культурным памятникам «от седой старины до наших дней».

15 Зак. 784

Курс опробован в течение более 10 лет при клубной работе со школьниками в клубе АРКОС, в 1991 г. был прочитан перед школьниками в лицее «Духовное возрождение», а в 1993–1994 гг. опробован при проведении публичных лекций по краеведению в Музее истории г. Обнинска.

Почасовое распределение тем

(лекции и экскурсии в учебное время обозначены арабскими цифрами, экскурсии во внеурочное время — русскими буквами)

Первый год обучения

1-я четверть

1. Определение предмета краеведения, его роль, смысл и содержание. История краеведения. Краеведы. Краеведческая литература. Определения района нашего интереса. Мифологическое и научное краеведение. Первоисточники.

2. Экскурсия на селище Кривское-3 (Лужки) и курганную группу Кривское-2 (Самсоновские курганы).

3. Древнейшая история нашего края. Археологические памятники. Понятие культурного слоя. Археологические памятники по Протве и Луже, история их изучения.

А. Экскурсия на Кривоносовское городище.

4. Занятие в Музее истории Обнинска на археологической коллекции музея.

2-я четверть

5. Проблема происхождения славян. Взаимодействие славянских, угро-финских и балтских племен. Роль территории по Протве и Луже в этом процессе. Проблема голяди.

6. Коллоквиум.

7. Территория Протвы в составе Киевской Руси. Первые княжества на Протве. Христианизация наших земель. Борьба Черниговского, Ростово-Суздальского, Рязанского и Смоленского княжеств за наши земли. Батыево нашествие. Верховские княжества. Михаил Хоробрит. Междоусобица Ярославичей.

8. Серпухов-Боровское и Малоярославецкое княжества. Основание гг. Боровска и Малоярославца. Отношения Руси, Литвы и Орды. Владимир Андреевич Храбрый. Куликовская битва. Феодальные войны Дмитрия Шемяки. Василий Ярославич Боровский. Иван III. Стояние на Угре. Наш край в составе централизованного Московского государства.

Б. Участие в краеведческой конференции Боровского музея.

3-я четверть

9. Образование монастырей. Преподобный Пафнутий и Боровский Пафнутьев монастырь. Малоярославецкий Черноостровский монастырь. Иосиф Волоцкий. Дионисий. Архиепископ Макарий.

10. Смутное время в наших краях. Опричнина. Лжедмитрий I и II. Болотников. Набеги казаков, поляков, татар. Подвиг Михаила Волконского. Состояние края после Смутного времени.

11. Раскол в Русской церкви. Протопоп Аввакум, боярыня Морозова. Старообрядчество и Боровск.

В. Экскурсия в Боровский монастырь и г. Боровск.

Г. Участие в региональной краеведческой конференции школьников памяти В.С. Нестерова.

12. Вотчинное, поместное, государственное и монастырское землевладение. Писцовые книги. Примеры текстов. Образование имений.

13. Коллоквиум.

4-я четверть

Д. Участие в международной конференции научного общества учащихся.

14. История Белкино. Русские дворянские усадьбы.

15. Занятия в Музее истории Обнинска. Белкино.

16. Экскурсия в парк Белкино.

17. Коллоквиум.

Летняя практика

Е. Участие в археологической экспедиции клуба АРКОС, этнографических и краеведческих экспедициях.

Второй год обучения

1-я четверть

1. Развитие промышленности. Народные и ремесленные промыслы. Первые железоделательные и полотняные заводы в наших краях. Угодский завод. Милославские, Гончаровы. Иностранные концессии. Аккема, Меллер. Посещение заводов Петром I.

А. Экскурсия в Жуковский краеведческий музей и на остатки плотины завода.

2. «Золотой век». Е.Р. Дашкова, А.Н. Радищев, Д.Н. Сенявин.

Б. Экскурсия в Троицкое — бывшее имение Е.Р. Дашковой.

3. Наш край в 1812 г. Тарутинское и Малоярославецкое сражения. Мифы и легенды о войне 1812 г.

В. Экскурсия по местам 1812 г. Спас-Загорье, Малоярославец.

Г. Участие в краеведческой конференции в Малоярославце.

4. Коллоквиум.

2-я четверть

5. Развитие русского капитализма. Ермолино, Полотняный Завод. Рябушинский, Мальцов. Капитализм и старообрядчество. Строительство Московско-Киевской железной дороги.

6. Развитие науки и культуры. К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский, Н.Ф. Федоров, П.Л. Чебышев. Белкино — как центр культуры.

7. Земство. Подвижники. В.В. Всехсвятский, Н.С. Ремезов. Меценатство. М.К. Морозова. Колония «Бодрая жизнь» С.Т. Шацкого. Культурная жизнь провинции нач. XX в. Таруса.

8. Экскурсия в Турлички. Дача В.П. Обнинского (Морозовская дача) и здания колонии С.Т. Шацкого.

Д. Участие в краеведческой конференции в Боровске.

3-я четверть

9. Занятие в музее истории Обнинска. Нач. XX в. Колония «Бодрая жизнь».

10 Коллоквиум.

Е. Участие в региональной краеведческой конференции школьников памяти В.С. Нестерова.

11. Октябрьская революция. Гражданская война. Восстания крестьян против Советской власти в наших краях. Первая опытная станция Наркомпроса.

12. Советское строительство. Промартели, колхозы. Культурная работа. Школа Шацкого — центр культуры региона. Антирелигиозная пропаганда. Разрушение монастырей. Противопоставление тенденций. Поселок «Бодрая жизнь». Испанский детский дом.

13. Коллоквиум.

Ж. Участие в международной конференции научного общества учащихся.

4-я четверть

14. События Великой Отечественной войны в наших местах. Ильинские рубежи. И.Г. Старчак, А.Ф. Наумов, М.А. Гурьянов. Партизанское движение. Наступление 43-й и 33-й армий. Освобождение наших земель. Подвиг Вани (Ивана Федоровича) Андрианова. Трагедия 33-й армии М.Г. Ефремова. Г.К. Жуков. Штаб Западного фронта. А.Т. Твардовский. «Василий Теркин».

И. Экскурсия в музей Г.К. Жукова в пос. Жуково (Угодский Завод).

15. Зарождение Физико-энергетического института. Лаборатория «В». Немецкие специалисты. И.В. Курчатов, Д.И. Блохинцев, А.И. Лейпунский, И.И. Бондаренко. Современная история города. Институты города. Н.В. Тимофеев-Ресовский. Г.А. Зедгенидзе, Е.К. Федоров.

16. Занятие в Музее истории г. Обнинска (современный отдел). Автобусная экскурсия по городу.

17. Коллоквиум.

К. Экскурсия на Первую в мире АЭС.

Летняя практика

Л. Участие в археологической экспедиции клуба АРКОС, этнографических и краеведческих экспедициях.

Дополнения

Примерные темы самостоятельных работ:

1. Родословная своей семьи.
2. Что за племя эта загадочная голядь?
3. Образование первых княжеств на нашей земле.
4. Ковал ли железо Петр I на наших заводах?
5. Загадки Малоярославецкого сражения 1812 г.
6. Подвиг Вани (Ивана Федоровича) Андрианова.
7. Украинские переселенцы 30-х гг. в пос. Обнинское.
8. Начало Физико-энергетического института и города.
9. История административного подчинения нашего края.

Темы факультативных занятий:

1. Памятники природы, истории и культуры в зеленой зоне г. Обнинска с прогулкой по окрестностям города (родники, овраги, урочища, леса, памятные места).

2. Особенности геологического строения бассейна р. Протвы. Основные памятники природы бассейна. Карстовые явления. Жуковский и Ермолинский карст. Родники. Древний бассейн Ока — Шаня — Протва.

3. Экологическое состояние бассейна Протвы. Основные источники опасности. Перспектива на будущее. Река Протва — ноосферная территория.

4. Музеи. Развитие музейного дела в крае. Музеефикация памятников. Проблемы развития музеев.

5. История религии в крае. Язычество. Развитие православия. Православные храмы. Этнографическая характеристика края.

6. Философия краеведения. Преемственность поколений. Представление о духе места.

7. Поход с ночевкой в район одного из памятников природы, истории и культуры.

А.В. Евгин
(Козельск)

Трансформация религиозных верований вятичей-козельчан

«От каво сей город принел свое начало и давно ли построен за згорением и канцелярская архивы справиться не по чем» — сетовал Н.И. Бородин, готовивший в 1779 г. черновые варианты топографического и экономического описания Козельска [1].

В краеведческой литературе традиционно этимология топонима «Козельск» связывается с его местонахождением среди лесов, якобы богатых дикими козами [2]. Эта точка зрения высказана в книге Д.И. Малинина «Калуга. Опыт исторического путеводителя» и затем повторена в книге Н. Анисимова и В. Сорокина «Козельск». Основой для такого предположения они считали факт нахождения в летописях наряду с формой «Козельскъ» вариантов «Козлескъ» и «Козелескъ». Таким образом, образование топонима шло от двух основ — «коз» и «лес».

Ошибочность этой точки зрения налицо. В древнерусском языке слово «лъсъ» и все слова, произведенные от него, писались с «ъ». Многочисленные письменные источники, с которыми нам пришлось познакомиться, последовательно дают написание с «е».

В летописных источниках, документах и материалах, относящихся к XII–XVII вв., мы, наряду с вариантами «Козелск», «Козельск», встречаем «Козелескъ», «Козлескъ» (Софийский временник) [3], «Козельскія места», «подъ Козелескъ» (Новый Летописец) [4], «Козлескъ», «Козелеск» (Собрание государственных грамот и договоров) [5]. Но нам не встретилось ни одного случая написания с «ъ» типа Козельск даже в плане гипотетической ошибки.

В исследованных нами материалах мы встречаем три варианта существительных со значением «житель Козельска»: «козляне» (Новгородская IV летопись [6], Софийский временник) и формы «козлич», «козличи» — в более поздних материалах, относящихся к XVI–XVII вв. (Памятники истории нижегородского движения в эпоху смуты) [7], а также «козлитинъ» (Собрание государственных грамот и договоров) [5]. Но нигде не встречено формы «козлъшане», которая была бы возможна, если бы образование шло от «Козлъскъ».

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что объяснение топонима «Козельск» как леса, богатого козами, на первый взгляд кажущееся удачным, теряет под собой почву.

Единственно верной точкой зрения на этимологию топонима «Козельск» следует считать образование от древнерусского «козълъ» посредством суффикса *-скъ* со значением «город», «населенный пункт». Возникшая на конце слова труднопроизносимая группа согласных и объясняет появление вариантов с «е» — «Козелеск», «Козлеск». Кроме того, мы можем предположить, что «козличи» — первоначально родовое название одного из племен, входившего в племенной союз вятичей (ср. вятичи, дреговичи, радимичи), получившее впоследствии значение «житель Козельска».

Вслед за Н.И. Бородиным и сегодня мы можем посетовать на то, что слишком мало сведений имеем о древнем Козельске. Не дошло до нас и изображение древнейшего герба города, который, безусловно, был у него задолго до пожалованного Екатериной Великой [8].

В «Повести временных лет» за рассказом о крещении князем Владимиром Руси следует отрывок: «...И рече Володимеръ: се недобро, еже мало городовъ около Кіева. И нача ставити по Деснъ, и по Остри, и по Трубеживи, и по Сулъ, и по Въстугнъ; нача нарубати мужи лучшіе от Словън, и отъ Кривичъ, от Чюди, и от Вятичъ, и отъ сих насели грады; бъ бо рать отъ Печенъгъ, и бъ воюяся съ ними и одолъвая ихъ» [9].

Не следует понимать буквально слова летописца «вокругъ Кіева». Это значило «в государстве вообще». Следует заметить, что князь Владимир «ставил» не города в нашем понимании, а населенные пункты, крепости. Для нас представляет интерес и тот факт, что населял их князь Владимир среди прочих племен и вятичами.

Попытка следовать географическим указаниям, оставленным летописцем, привела к следующему результату: на р. Остер в Черниговской земле (Козельск долгое время входил в состав Черниговского княжества) находится поселок городского типа Козелец, известный с нач. XVII в., но, безусловно, имеющий гораздо более древнюю историю. Зная традицию переселенцев, заложенную еще легендарным Кием, основавшим Коевец на Дунае, давать новым городам наименования «отчин» с уменьшительным суффиксом *-ец*, мы можем предположить, что именно козельчане-вятичи основали этот город в древности. Замечательно то, что сохранился древний герб Козельца — козел, держащий на спине державу. Как правило, гербы древнерусских горо-

дов содержали изображение животного — тотема того или иного племени славян. Таким священным животным для вятичей-козельчан был козел. Именно так они пытались ответить на вопрос: а как произошел сам род, люди данного рода?

В формировании великорусской народности на территории нашей области приняли участие, кроме вятичей, угро-финские племена и балтские (в частности голядь) [10].

Начавшаяся в IX в. колонизация ильменскими словенами территории между Волгой и Окой затронула и земли, входившие в состав Козельского княжества впоследствии. Об этом свидетельствуют материалы топонимики. Так, в Волосово-Дудинской волости находилось сельцо Волховец (безусловно, от Волхов с тем же уменьшительным суффиксом *-ец*). Один из притоков р. Рессета называется Ловать. На его берегу находится поселок с одноименным названием. Эти топонимические факты не могут быть простым совпадением, случайностью. Именно новгородские колонисты привнесли культ своего общеплеменного бога Велеса-Волоса на земли, издревле заселенные племенем вятичей.

По мнению Б.А. Рыбакова, предпочтение тем или иным богам, которое оказывали древние славяне, подчеркивается в топонимике [11]. На Козельской земле сохранились два населенных пункта, отражающих факт поклонения языческому божеству вятичей — Волосово-Дудино и Волосово-Звягино. Сохранность языческих топонимов свидетельствует о длительной живучести их первоначальной функции и о постепенном слиянии архаического славянского начала с христианством, как считает Б.А. Рыбаков.

Новейшие исследования свидетельствуют о том, что культ Волоса-Велеса очень древний, он возник, согласно исследованиям Б.А. Рыбакова, в эпоху охотничьего хозяйства и долгое время был связан с культом медведя. С переходом к скотоводству этот бог становится покровителем скота вообще, сохраняя по-прежнему свои древние функции [12].

Таким образом, возникнув на стадии первобытно-общинного общества из анимистических воззрений на происхождение своего рода от первопредка — козла, религиозные представления вятичей-козельчан трансформируются в VIII–IX вв. в культ Велеса, так как этот культ не противоречил их языческим религиозным представлениям.

Б.А. Рыбаков, исследуя Збручевский идол, убедительно доказал, что фигура в нижней части каменного божества с поднятыми над головой руками — Велес, олицетворяющий собою божество, держащее на своих руках землю, а следовательно, находящееся под землей. Хотя и связанный с загробным миром, Велес не был божеством, враждебным человеку. Скорее, наоборот. Он, будучи «скотным богом», т.е. богом богатства и обилия, помогает человеку в языческом миропонимании, т.к. человек постоянно обращается к духу умерших в трудную для себя минуту. Именно к пращурам, заложившим в прошлом фундамент благополучия, он обращается с просьбой, им подносит и дары.

Так сближались в языческом миропонимании на первый взгляд несовместимые понятия «мертвый» и «богатство, достаток» [13].

И в этой связи убедительным подтверждением точки зрения Б.А. Рыбакова на функции Велеса как языческого божества служит и древний герб Козельца и, как мы настаиваем, Козельска: на червленом щите — козел, держащий на спине державу. Козел — как олицетворение предка, пращура. Держава — символ земли, силы, мощи, богатства. Очевидно, что герб отражает языческое представление козельчан-вятичей о роли первопредка в материальном благополучии членов племени. Мы считаем, что в древнем гербе Козельца-Козельска отражен и, если хотите, зашифрован (в условно-аллегорической форме, конечно) факт поклонения древних вятичей, живших на территории исторического Козельска, языческому богу скота Велесу.

«Весомым» материальным подтверждением этому является Козельский крест, языческое происхождение которого не вызывает сомнения. Изготовленный из железистого песчаника бурого цвета, как нельзя лучше передающего «приземленность» этого божества («бог скота») в отличие от других восточно-славянских божеств, олицетворявших стихийные силы природы (Перун — бог молнии; Дажьбог — бог ветра, бури, вихря, вьюги; Стрибог — божество солнца), козельский идол представлял собой фигуру с высоко поднятыми над головой руками. Как фигура в нижней части Збручевского идола с высоко поднятыми руками, козельский идол — языческое божество Велес, держащий на руках землю, а следовательно, находящийся под землей и являющийся символом богатства, достатка.

Предположение об основании вятичами-козельчанами Козельца на Остере в 988 г., а также языческая сущность Козельского креста — Велеса позволяют допустить (с известной долей осторожности) существование Козельска уже в кон. X в. как укрепленного населенного пункта в земле вятичей.

Еще до крещения Руси, стремясь объединить все восточнославянские племена в единое государство, князь Владимир проводит религиозную языческую реформу, которая даже по языческим меркам была ересью. В 980 г. он создает в Киеве целый пантеон языческих богов: Перун, Хорс, Дажьбог, Стрибог, Семгарл, Макамь. Велеса в пантеоне князя Владимира 980 г. нет. По мнению Б.А. Рыбакова, Велес, «скотный бог», был слишком «демократичен», общенароден для жреческого окружения княжеской верхушки [14].

Факт невключения Велеса в государственный пантеон, видимо, послужил причиной, по которой оскорбленные явным неуважением к своему божеству вятичи пытаются уже в 981 г. «отложиться».

«В лъто 981... Того же лъте и вятичи побъди, и възложи на нихъ дань от плуга» [15]. В 982 г. вновь князь Владимир вынужден идти в землю вятичей. «В лъто 982. Заратишася вятичи, и иде нанъ Володимеръ, и побъди ихъ втрое» [16].

Озабоченный все усиливающимся сопротивлением племен (в 982 г. пытаются «отложиться» и радимичи), князь Владимир устанавливает капище Велеса, но не в пантеоне, среди главных божеств, а там, где приставали ладьи новгородских словен и кривичей, тем самым утверждая второстепенное значение Велеса среди остальных богов [17].

Вятичи с таким же упорством, с каким выступали против насаждения культа перуна в качестве главного божества, сопротивлялись насильственной христианизации. Причина заключалась прежде всего в отвлеченном характере христианского учения. Они долго не желали отказаться от привычной и понятной религии своих предков. По некоторым рукописным источникам видно, что в Мценске многие были язычниками еще в 1415 г., т.е. в XV в. [18].

Говоря о вятичах, живших на Козельской земле, мы можем точно определить, когда языческие верования уступили место христианству.

После варварского истребления защитников города татаро-монголами чуждая ранее догма искупления, расплаты за грехи, о которой предупреждали христианские проповедники, в условиях страшных последствий татарского нашествия вдруг обрела реальный смысл.

Тела погибших козельчан были погребены по христианскому обычаю. Языческому идолу Велесу неизвестный мастер придал форму креста. Крест этот был установлен на братской могиле, на месте захоронения павших защитников города.

Осуществление захоронения по христианскому обычаю и установление на месте погребения христианского символа — креста свидетельствует о том, что после 1238 г. на Козельской земле язычество уступило место христианству.

Подводя итог вышесказанному, мы можем сделать вывод, что, возникнув из анимистических воззрений на происхождение своего рода от тотема — козла, религиозные языческие представления древних вятичей-козельчан трансформируются в поклонение богу Велесу — «скотьем богу», культ которого был привнесен на Козельские земли в VIII–IX вв. ильменскими словенами, о чем свидетельствуют материалы топонимики и новейшие исследования. Материальным подтверждением этому служит Козельский крест — первоначально языческое божество Велес. Религиозные реформы князя Владимира встречают ожесточенное сопротивление в земле вятичей. И лишь после татаро-монгольского нашествия христианство на Козельской земле вытеснило языческие религиозные представления.

Примечания

1. Государственный архив Калужской области, ф. 64, оп. 1, д. 9. Черновые варианты топографического и экономического описаний губернии.

2. Малинин Д.И. Калуга. Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. — Калуга, 1992.

3. Софийский временник. — Ч. 1. — М., 1820. — С. 246–247.

4. Новый летописец. — М., 1853.

5. Собрание государственных грамот и договоров. — Ч. I. — М., 1813. — С. 69–70, 75–76, 91, 134, 148, 396, 640, 641.

6. ПСРЛ. — Т. 4: IV Новгородская и Псковская летописи. — Спб., 1848. — С. 34.

7. Памятники истории нижегородского движения в эпоху смуты и земского ополчения. 1611–1612: Сб. — Т. XI. — Спб., 1913. — С. 2.

8. ГАКО, ф. 64, оп. 1, с. 87.

9. Софийский временник... — С. 87.

10. Нестеров В.Н. Голядь и славяне на Протве // Пятая краеведческая конференция в Калужской области. — Обнинск, 1990. — С. 14.

11. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. — М., 1987. — С. 209.

12. Там же. — С. 123.

13. Там же. — С. 243.

14. Там же. — С. 413, 769.

15. Софийский временник... — С. 57.

16. Там же.

17. Кривошеев Ю.В. Религия восточных славян накануне крещения Руси. — Л., 1983. — С. 19.

18. Там же. — С. 14.

В.П. Есипов
(Калуга)

Два Воротынска

Впервые Воротынск упоминается в киевском летописном своде 1198 г. в составе Ипатьевской летописи зимой 1155 г. Это и последующие древние упоминания не содержат достаточных ориентиров для определения местоположения города. И только события, связанные с Великим стоянием на Угре, дают определенную информацию к решению данной проблемы.

Московский летописный свод так описывает прохождение войск Ахмата: «...царь Ахмат поиде со всеми своими силами мимо Мченнеск и Любутеск и Одоев и пришед ста у Воротынска...». В свою очередь, великий князь Московский Иван Васильевич повелел своему сыну Ивану и брату Андрею Васильевичу Меньшому идти к «Колузе к Угре на берег» [1]. Эти летописные сведения довольно точно локализируют место «стояния» в устье р. Угры у «Большой Брянской дороги», у Воротынска. Воротынск — это нынешнее с. Воротынск, бывший заштатный город на р. Выссе.

Археологические исследования на городище в с. Воротынске, начиная с 1940 г. по настоящее время, не дали достаточных материалов для подтверждения версии о древности этого поселения. Культурные наслоения, вскрытые в пределах Воротынска по обоим берегам Выссы и на городище, в своем большинстве относятся к XIV–XVI вв. (Г.П. Гроздилов, 1940; М.В. Фехнер, 1953; П.А. Раппопорт, 1954; Т.Н. Никольская, 1955, 1975; О.Л. Прошкин, 1993). П.А. Раппопорт предложил считать древнерусским Воротынское городище «Спас Городок» у с. Спас-на-Угре. Такая локализация поддержки не нашла. Основной культурный слой данного городища датируется XI–XIII вв. Комплекс находок, сделанных на этом поселении, позволил исследователям отнести «Спас Городок» к древнерусским городам [2]. Воротынск на р. Выссе, по мнению П.А. Раппопорта, возник в XIV в., т.е. он выдвинул идею о двух Воротынсках. Упоминание о двух Воротынсках есть в Вологодско-Пермской летописи кон. XV в. в описании движения войск Ахмата после «стояния» на Угре: «...а градов литовских пленил Мченеск, Белев, Одоев, два Воротынска, старой да новый, два Залидова, старой да новой, Опаков, Серенск, Мезеск, Козельск» [3]. И.К. Фролов предложил следующую идею по локализации двух Воротынсков: старый — это комплекс памятников материальной культуры у с. Воротынцево Новосильского района Орловской области, а новый — у с. Воротынск Калужской области [4]. С отождествлением древнего Воротынска у с. Воротынцево возникает ряд серьезных вопросов, на которые надо искать ответы.

Во-первых, описанный в летописях маршрут Ахмата проходил в стороне от Новосиля и Воротынцево; во-вторых, находки остатков материальной культуры населения данного комплекса и система оборонительных сооружений относятся к верхнеокской культуре 2-й пол. 1-го тыс. до н.э. — 1-го тыс. н.э.; керамика и остатки вещей быта, украшений, относящиеся к XII–XIII вв., были встречены в очень ограниченном количестве и не на всей площади Воротынцевского комплекса; к тому же общая мощность культурного слоя многослойного поселения мала (до 0,5 м). Таким образом, локализация древнего Воротынска у с. Воротынцево Орловской области очень сомнительна, да и упоминание Воротынска обычно соседствует с населенными пунктами, расположенными севернее линии «Белев — Одоев», а это 10 км северо-западнее с. Воротынцево.

В своих записках о Московии Сигизмунд Герберштейн так сказал о княжестве Воротынском: «...княжество Воротынское носит одно имя с городом и крепостью, расположенной в трех милях выше Калуги, недалеко от берега Оки» [5]. Если в Вологодско-Пермской летописи говорится только о старом и новом Воротынске, то записки Герберштейна говорят об определенной территории, на которой расположены два одноименных материальных объекта с разными функциями. Положение крепости конкретизируется: «...расположена в трех милях выше Калуги недалеко от берега Оки», в современном измерении это 15 км, т.е. полное совпадение с городищем «Спас Городок», ну а городом он назвал нынешнее с. Воротынск.

Появление нового Воротынска в XV в. можно объяснить только изменением политической и экономической ситуации на Верхней Оке. В нач. XV в. в этом регионе появляются князья Воротынские, потомки Новосильского князя Льва Романовича, Федор и Юшко, которые в 1401 г. присягнули на верность королю Польши Казимиру IV и великому князю Литовскому Витовту [6]. Эти князья, в отличие от других Верховских князей, входили в состав Литовского княжества по «соглашению и договору, с сохранением местной самостоятельности и самобытности». С появлением

князей Воротынских из летописных источников исчезает г. Воротынск и появляется только в 1480 г. В 1396 и 1404 гг. Воротынск упоминается как владение Литовского великого княжества [7]. Интересен тот факт, что г. Новосиль в этот период Литве не принадлежал, и речь идет о Воротынске Калужском.

Официально князья Воротынские присягнули Витовту в 1427 г. [8]. В 1447 г. Федор Львович Воротынский получил от короля Казимира в вотчину «Крайшино по обе стороны р. Выссы, Логинеск, Озереск, Перемышль, Кцынь, Лучин городок, коли царь был на Угре» [9]. Крайшино и Логинск и в дальнейшем в различных документах выделяются особо. Они обычно стоят в списках первыми или последними, как в духовной грамоте Московского великого князя Ивана Васильевича в 1504 г.: «...г. Воротынск и с Крайшиным, и с Лагинском, и с иными месты, со всем тем, как было за Воротынскими» [10]. Начиная с XIV в. и до XX в. вся территория, прилегающая к современному Воротынску, сначала называлась Крайшинской волостью, затем станом. До недавнего времени старожилы местность около Воротынска называли просто Крайшино. Согласно устной легенде местных жителей, вся территория между рр. Выссой, Окой и Угрой называется Воротынском, а состояла она из двух станов — Крайшинского и Логинского.

Выделение Крайшино указывает на его особый статус. Крупный населенный пункт, богатые опольные земли, подальше от границы с Московским княжеством, удобный в рельефе мыс для строительства вотчинного замка на южной окраине села — все это определило выбор Ф.Л. Воротынским данного населенного места под свою резиденцию.

Новый Воротынск (б. Крайшино) быстро развивается и ширится. Границы Московского княжества в XVI в. отступают к юго-западу за пределы Воротынского удела, что способствовало дальнейшему росту нового Воротынска, а старый Воротынск (крепость) к XVI в. полностью теряет свое первоначальное значение и к кон. XVI в. становится д. Городок, а поселение на Выссе — просто Воротынском.

Примечания

1. Полн. собр. русских летописей. Т. XXV. — Л., 1982. — С. 327–328.
2. Никольская Т.Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна Верхней Оки в IX–XIII вв. — М., 1981. — С. 164, 166, 167.
3. Полн. собр. русских летописей. Т. XXV. — Л., 1982. — С. 273.

4. Археологические памятники Европейской части РСФСР (методические материалы к Своду памятников истории и культуры). — М., 1985. — С. 34–35.
5. Рыбаков Б.А. Русские карты Московии. — М., 1974. — С. 102.
6. Договорные и духовные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. — М.; Л., 1950. — С. 52–55.
7. Тихомиров М.Н. Русское летописание. — М., 1979. — С. 85–88, 95.
8. Рыбаков Б.А. Указ. соч. — С. 101.
9. Смоленская старина. Вып. 3, ч. 1. — Смоленск, 1914. — С. 18.
10. Договорные и духовные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. — М.; Л., 1950. — С. 355.

И.Е. Зайцева
(Москва)

К вопросу о волостях в «Земле вятичей»

На сегодняшний день в работах археологов и историков существуют как бы две «Земли вятичей»: одна определяется археологически по распространению древнерусских курганов с «вятическим» погребальным инвентарем (в первую очередь принимаются во внимание семилопастные височные кольца). В таком случае вятичский ареал охватывает огромный район от истоков р. Оки, занимая практически весь ее бассейн до впадения р. Прони [1]. По этому пути пошла в своих публикациях Т.Н. Никольская, рассматривающая в числе вятичских городов даже Старую Рязань [2].

Другой путь в локализации «Земли вятичей» избрал А.К. Зайцев. Подробно проанализировав летописные сообщения, упоминавшие вятичей, он на основании этих данных очертил уже более компактную территорию, понимаемую, по его мнению, летописцами как «Земля вятичей», административная волость Черниговского княжества «Вятичи». По летописным данным кон. 40-х — нач. 50-х гг. XII в., территория, называемая в летописи «Вятичи», лежала к востоку и к северу от линии «Обловь — Подесенье — Карачев — Мценск» [3]. Ее северной и восточной границей были рубежи Черниговского княжества. Причину такого несовпадения этнографической территории, выявленной по археологическим данным, и административной, отраженной в летописи, исследователи видят в том, что политическая власть наступала на земли сохранявших свою независимость вятичей с двух сторон: из Чернигова и Суздаля. В результате она и оказалась поделенной между этими княжествами [4].

Южнее волости «Вятичи», по А.К. Зайцеву, находилась волость «Лесная земля» с центром в Карачеве [5]. Т.Н. Никольская не разделяет подобной точки зрения: она считает весь северо-восток Черниговского княжества единой областью вятичей[1], а термин «Лесная земля» — просто эпитетом летописца [6].

Мне представляется, что помочь разрешить этот спор может определение владельческой принадлежности указанных территорий на протяжении XII–XIII вв. Эту информацию мы можем почерпнуть из анализа летописных сообщений.

В кон. XI–XII вв. область вятичей начинает активно включаться в орбиту Черниговского княжества. Следующее летописное упоминание этой земли относится к 1142 г., когда Всеволод Ольгович Черниговский занял киевский стол, оставив за собой при этом новгородские и черниговские волости; в ответ на просьбу Игоря и Святослава Ольговичей, Владимира и Изяслава Давыдовичей он им вернул волости, а «отчины своей не дасть Вятич» [7]. В наши задачи сейчас не входит толкование термина «отчина», для нас важно то, что волость «Вятичи» осталась у Всеволода Ольговича, и, по всей вероятности, он владел ею на правах личной собственности до своей кончины в 1146 г. После его смерти разгорается конфликт между новгород-северским князем Святославом Ольговичем и коалицией черниговских князей Владимира и Изяслава Давыдовичей и Изяслава Мстиславича киевского. К ним примкнул и племянник Святослава Ольговича — сын умершего Всеволода — Святослав.

События разворачиваются на северо-востоке Черниговского княжества. Развитие междоусобного конфликта описано в летописи довольно подробно. Давыдовичи, заручившись поддержкой Изяслава Мстиславича, стали гнать Святослава Ольговича из Новгород-Северского в Путивль. В ответ на это Святослав обращается к Юрию Долгорукому, и тот со своей дружиной идет ему на помощь. Уже в Козельске Юрий получает сообщение, что союзник Давыдовичей Ростислав рязанский «воюет» его волость; он вынужден был возвратиться и отпустить к Святославу только сына Ивана [8]. Святослав Ольгович затворился в Новгород-Северском, тогда Давыдовичи разграбили «всю его жизнь»: «Бъ же тоу готовизны много въ бретьяничахъ и в погребъхъ вина и медовъи что тяжкого товара всякого до железа и до меди не тягли бяхуть от множества всего того вывозити» [9].

[1] Термины «вятичи» и «Земля вятичей» в работе будут использоваться с учетом условности их применения к реалиям нач. II тыс. н.э.

Потом они двинулись к Путивлю, куда прибыл из Киева Изяслав Мстиславич. Давыдовичи взяли в Путивле двор Святослава и тоже разорили все его имущество. Тем временем Святослав бежал в Карачев, вслед за ним двинулись и Давыдовичи: «...иде ис Поутивля на Севско и на Болжыж» [10]. Уехавший вперед Изяслав Давыдович был разбит вышедшим ему навстречу Святославом. Получив известие о подходе остальных союзников, Святослав Ольгович бежал за лес в землю вятичей.

На основании этого сообщения многие исследователи считают, что волость «Вятичи» принадлежала Святославу Ольговичу и была Новгород-Северской волостью [11], однако из дальнейших событий мы узнаем, что это не так. Как только Изяслав Мстиславич узнает о бегстве Святослава Ольговича из Карачева, он тотчас возвращается в Киев, говоря Давыдовичам: «...чего еста хотели волости то вам есмь изискалъ, что Новгород и что Святославлъ волости а то вама» [12]. Таким образом, волость «Вятичи» как бы не Святославова, но он между тем едет в вятичский Козельск, оттуда к Дедославлю и Колтеску, где получает помощь от Юрия Долгорукого, затем отправляются в Лобынск. А в это время в «Вятичах», Мценске, Брянске и Белеве сидят посадники Давыдовичей. И только когда они бегут под угрозой нападения Святослава, у которого теперь белозерское войско и половецкие отряды Юрия, Давыдовичи начинают беспокоиться и предлагают мир: «...а отчину свою возьми, и что если взяли твоего, а то ти возворотим» [13]; когда Святослав Ольгович отказывается, то посылают к Изяславу Мстиславичу: «...занял Олгович Святослав волость мою Вятичи», «...земля наша погибает, а ты не хочешь идти» [14]. Из анализа этого летописного текста следует, что волость с центром в Карачеве была «отчиной» Святослава Ольговича, а, наоборот, волость «Вятичи» ему не принадлежала. Там сидели посадники Давыдовичей, которых они послали, вероятно, после смерти Всеволода Ольговича, вернув таким образом незаконно присвоенные земли черниговскому столу. Пока Святослав находился «в Вятичах» как частное лицо, его не трогали, но когда он выступил официально с войском, положение изменилось, и Давыдовичи стали пытаться вернуть свои земли, что им и удалось, помирившись со Святославом Ольговичем.

В 1149 г. «Вятичи» продолжают оставаться у них. Владимир Давыдович первым узнает о походе Юрия и пишет Изяславу Мстиславичу в Киев: «...а уже есть вшел в наши Вятичи» [15].

Святослав Ольгович об этом ничего не знает и получает весть от того же Владимира.

В последующие десять лет владельческая принадлежность «Вятичей» остается неясной. Только в 1159 г. мы узнаем, что они уже принадлежат Святославу Всеволодовичу. Их занял Изяслав Давыдович, «за то неже не иде по нем Святослав ни сына ему пусти» [16]. На основании этого сообщения и жалобы Святослава Ольговича, что Изяслав Давыдович, уйдя в 1157 г. в Киев, оставил ему Чернигов с семью пустыми городами [17], П.П. Толочко и вслед за ним Е.А. Шинаков считают «Вятич» волостью Изяслава Давыдовича, хотя сам летописец совершенно ясно говорит об обратном [18]. Святослав Всеволодович, сын Всеволода Ольговича, в бытность отца киевским князем держал волости в Киевской земле. После его смерти он просит своего дядю Изяслава Мстиславича отпустить его в Чернигов: «...поча ся у него просити река: “отце, поусти мя Черниговоу напередъ тамо ми жизнь вся оу братоу моего оу Володимера оу Изяслава хочу волости просити”» [19]. Вероятно, после 1149 г. он получает отцовские «Вятичи» (в летописной статье под 1152 г. мы узнаем, что у него уже была «своя волость») [20]. Кроме того, Святослав Ольгович дал ему (как Ольговичу) три города: Сновск, Карачев и Воротынск. В 1155 г., находясь в фаворе у победившего Юрия, он отнимает их, давая три каких-то других взамен [21].

В 1158 г., после смерти Юрия Долгорукого, Изяслав Давыдович становится киевским князем, Святослав Ольгович — черниговским, а Святослав Всеволодович — новгород-северским князем, при этом к нему возвращается новгородская волость «Лесная земля» (по А.К. Зайцеву) с центром в Карачеве, и он сохраняет за собой волость «Вятичи». Таким образом, повторяется прецедент его отца Всеволода Ольговича, когда стольная волость переходит в личное владение.

За рамки настоящей работы выходит трактовка понятия «домениальные земли». Исследователи понимают под этим термином разные вещи: одни видят в них собственные владения князей [22], а другие подразумевают фонд земель, принадлежащий столу, основной источник доходов сидящего на этом столе князя [23].

Из летописного текста нигде не следует, что земля вятичей была принадлежностью Изяслава Давыдовича (они с Владимиром Давыдовичем лишь держали ее около 3 лет, с 1146 по 1149 гг.), она также не была «отчиной» Ольговичей. Эта волость, по сути, еще до 40-х гг. XII в. стала личным владением Всеволода Ольговича и его нисходящих. Кроме того, с 1158 г. волости «Вятичи» и «Лесная земля» объединяются в одном владении. Ставший в 1164 г., после смерти Святослава Ольговича, черниговским князем Святослав Всеволодович не отдает Карачев новому новгородскому князю Олегу Святославичу, он оставляет за собой эти земли и переходит на киевское княжение в 1180 г. Под 1185 г. в Ипатьевской летописи помещено сообщение: «Святослав князь иде в Вятичь Корачеву орудьи деля своих» [24], и здесь нет никакого противоречия или ошибки, ибо для Святослава это единая территория. В 1194 г. Святослав умирает в Киеве, при этом летописец опять отмечает, что он возвращался из Карачева [25].

Так, наблюдения за владельческой принадлежностью волостей позволяют заключить, что в 1146–1147 гг. действительно существовали **две разные административные единицы**: одна — с центром в Карачеве — принадлежала Святославу Ольговичу, а другая — с центром в Козельске — не принадлежала ему. В 1158 г. они окончательно объединяются в руках Святослава Всеволодовича и обе становятся его личным владением, а потому Святослав вполне может «иде в Вятичь Корачеву».

Мы не имеем четких летописных данных о владельческой принадлежности интересующих нас территорий после смерти Святослава Всеволодовича. Да и сам термин «Вятичи» (говорится о «Вятских городах») появляется на страницах летописи последний раз в связи с событиями 1196 г., когда Всеволод Большое Гнездо в союзе с Давыдом Смоленским «вшедша в землю их (Ольговичей. — *И.З.*) и жьжега волость их и Вятские городы поимали и пожегль» [26]. Ольговичи выступают им навстречу. В Чернигове остаются сыновья Святослава Всеволодовича Олег и Глеб сторожить от нападения киевского Рюрика, а черниговский князь — брат Святослава — Ярослав Всеволодович действует здесь просто как старший, так, он пишет Всеволоду Суздальскому: «отчину нашу и хлеб наш взял еси» [27], тогда как князья обычно про принадлежавшее им говорят «мое» (см., например, послание Святослава Ольговича к Давыдовичам под 1147 г. [28]). Фактически же держателями бывшей земли вятичей являются дети Святослава Всеволодовича, которым он выделил земли еще при своей жизни, хотя из летописи мы опять можем почерпнуть лишь какие-то фрагментарные данные. Так, в сообщении 1176 г. мы узнаем, что его сын Олег владел пограничной с суздальскими землями волостью Лопасней [29], сын Святослава Мстислав, будучи

в 1223 г. черниговским князем, продолжал именоваться «козельским» [30]. В число владений старшего — Всеволода Чермного входил Серенск, который в 1208 г. пожег воевода Всеволода Большое Гнездо Степан Здилович, когда сам князь не смог пойти к Чернигову и лично разделаться с Чермным [31]. Точно также поступает в 1232 г. Юрий Владимирский, когда идет с Ярославом переяславльским и с Константиновичами к Серенску и Мосальску [32], ставшими уже владениями сына Всеволода Чермного Михаила.

Надо думать, что либо при жизни Святослава, либо сразу после его кончины земли на северо-востоке Черниговского княжества были разделены между его сыновьями и до присоединения к московскому государству уже никогда не объединялись. Еще одним косвенным подтверждением нового частновладельческого статуса черниговских земель является тот факт, что впервые после смерти Святослава Всеволодовича киевский князь Рюрик просит у черниговского Ярослава разрешение послать гонца через его территорию [33]. В 1206 г. о разрешении проехать из Переяславля в Суздаль просит у Всеволода Чермного Ярослав Всеволодович [34]. Ранее подобной практики мы на страницах летописи не находим.

После монголо-татарского разгрома и гибели в Орде Михаила Черниговского мы видим его детей, владеющих отдельными маленькими землями, ставшими теперь княжествами: Романа в Брянске, Семена в Глухове и Новосиле, Мстислава в Карачеве и Козельске, Юрия в Тарусе [35]. Так, процесс, продолжавшийся более 50 лет, получил окончательное завершение.

Примечания

1. Никольская Т.Н. Земля вятичей. — М., 1981. Карта; Она же. Городище Слободка XII–XIII вв. — М., 1987. — С. 146. Карта.
2. Она же. Городище Слободка XII–XIII вв. — М., 1987. — С. 122–123.
3. Зайцев А.К. Домагощ и границы вятичей // Историческая география России. XII — нач. XX вв. — М., 1975. — С. 25.
4. Насонов А.Н. Формирование территории древнерусского государства. — М., 1951. — С. 180–181.
5. Зайцев А.К. Указ. соч. — С. 23–26; Он же. Черниговское княжество // Древнерусские княжества в IX–XIII вв. — М., 1975. — С. 99.
6. Никольская Т.Н. Городище Слободка. — С. 147–148.
7. Полн. собр. русских летописей (ПСРЛ). — Спб., 1908. — Т. 2. — Стб. 310–311.
8. Там же. — Стб. 332.
9. Там же. — Стб. 333.

10. Там же. — Стб. 335.
11. Зайцев А.К. Черниговское княжество... — С. 98; Рапов О.М. Княжеские владения на Руси в X — 1-й пол. XIII в. — М., 1977. — С. 104; Шеков А.В. Верховские княжества // Труды Тульской археологической экспедиции. — Вып. 1. — Тула, 1993. — С. 28.
12. ПСРЛ. — Т. 2. — Стб. 337.
13. Там же. — Стб. 342–343.
14. Там же. — Стб. 343.
15. Там же. — Стб. 374.
16. Там же. — Стб. 502.
17. Там же. — Стб. 500.
18. Шинаков Е.А., Миненок В.Б. Локализация Ормины и Ропеска — летописных центров Черниговской земли // Слов'яни і русь у науковій спадщині Д.Я. Самоквасова. — Чернігів, 1993. — С. 42.
19. ПСРЛ. — Т. 2. — Стб. 343.
20. Там же. — Стб. 460.
21. Там же. — Стб. 480.
22. Алексеев Л.В. Смоленская земля в IX–XIII вв. — М., 1980. — С. 125.
23. Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. — М., 1981. — С. 242.
24. ПСРЛ. — Т. 2. — Стб. 637.
25. Там же. — Стб. 679.
26. Там же. — Стб. 697–698.
27. Там же. — Стб. 698.
28. Там же. — Стб. 332.
29. Там же. — Стб. 602.
30. Там же. — Стб. 741.
31. Летописец Переяславля Суздальского. — М., 1851. — С. 108.
32. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. — М.; Л., 1950. — С. 280; ПСРЛ. — Т. 1, ч. 2. — Стб. 428.
33. ПСРЛ. — Т. 2. — Стб. 695–696.
34. Там же. — Т. 1, ч. 2. — Стб. 428.
35. Шеков А.В. Указ. соч. — С. 30.

А.А. Зорин
(Калуга)

Родовое имение князей Голицыных — Городня

25 августа 1825 г. в с. Городня, что под Калугой, было необычно оживленно. Открывалась ярмарка, начался грандиозный праздник в честь хозяйки имения княгини Натальи Петровны Голицыной. Весь день княгиня провела на ярмарке, окруженная детьми, внуками и многочисленными гостями. Вечером, на обратном пути, именинницу ждал сюрприз. Вдоль всей аллеи стояли торго-

вые лавки, за которыми сидели и внучки княгини, и другие девицы из семейства Голицыных. Каждая показывала свой товар: цветы, конфеты — и читала по-французски куплеты. Далее княгиня и гости подошли к кофейному павильону, где всех встречал его содержатель, роль которого исполнял один из гостей. Тут же началась небольшая французская пьеска, нарочно для этого сочиненная, с хором детей и внуков княгини. После чая, поданного в кофейном доме, все отправились на пруд смотреть великолепный фейерверк. Затем вернулись в большой, где в зале разыграли сцену из «Мизантропа». А в заключение праздника всеобщий хор исполнил приветствие имениннице.

Княгиня Наталья Петровна Голицына была известнейшая в то время дама высшего света. Родившись в 1741 г., она пережила пять самодержцев России и скончалась в 1837 г. в возрасте 97 лет. Наибольшего влияния княгиня достигла при дворе Александра I, став статс-дамой и являвшись «арбитром» хорошего тона Петербургского общества.

По воспоминаниям Ф.М. Толстого, «в Петербурге к ней ездил на поклон в известные дни весь город, а в дни ее именин вся царская фамилия удостаивала ее своим посещением. Княгиня принимала всех, за исключением императора, сидя и не трогаясь с места. Возле ее кресел стоял кто-нибудь из близких родственников и называл гостей, так как княгиня последнее время плохо видела. Смотря по чину и знатности гостя, княгиня наклоняла

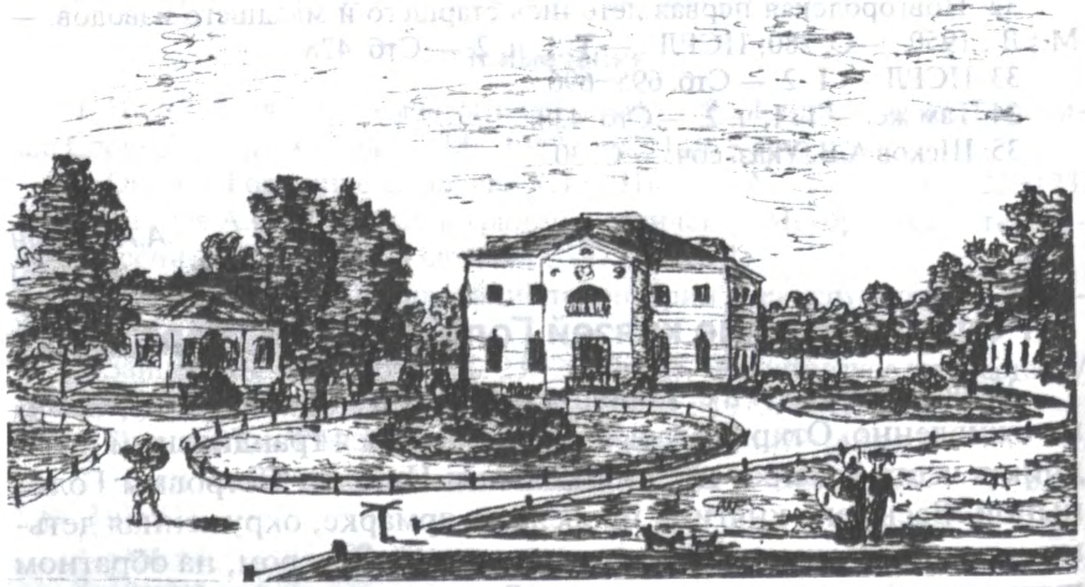

Рис. 1. Центральная часть усадьбы Городня

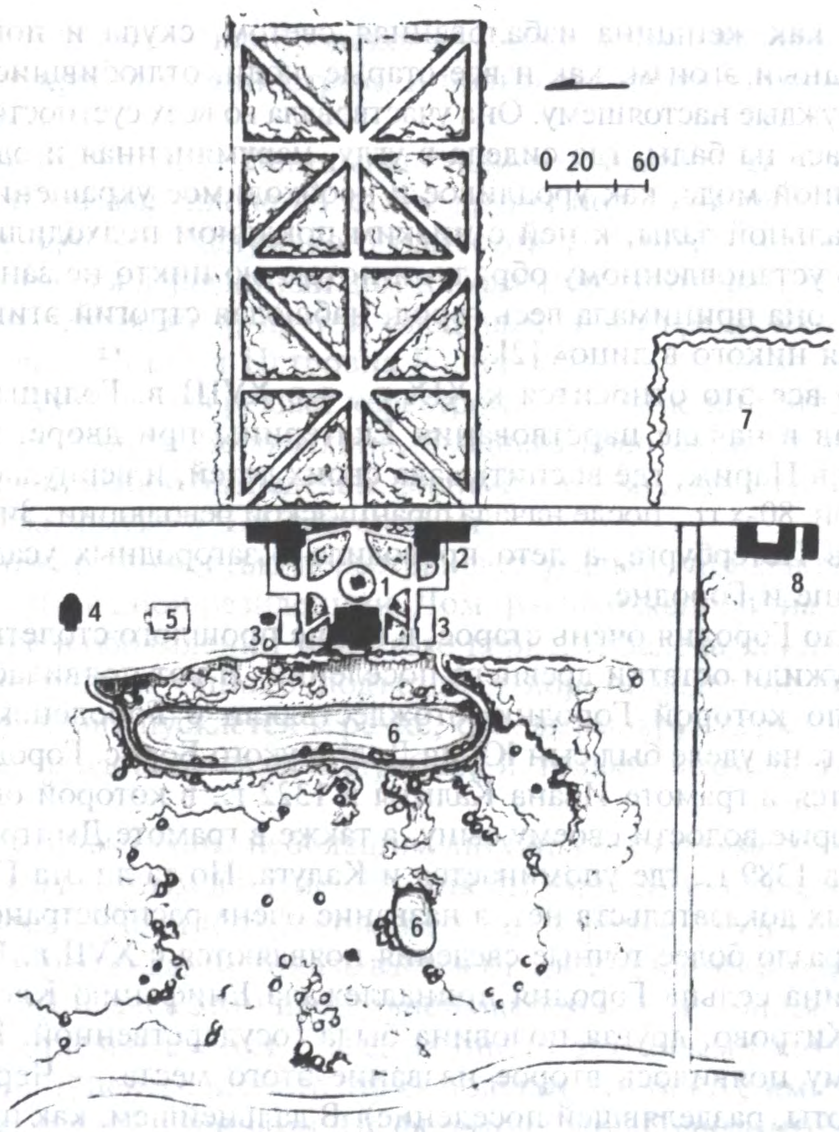

Рис. 2. План усадьбы Городня

голову или произносила несколько менее или более приветливых слов. И все посетители были весьма довольны» [1]. Дом ее не отличался роскошью. Во время приемов после ужина не полагалось, разносили лишь лимонад да конфеты. После смерти мужа всеми имениями, деревнями с 20 тыс. крепостных княгиня управляла сама, ведя очень строгую экономию.

Своей оригинальностью княгиня заинтересовала А.С. Пушкина и послужила прообразом графини в его «Пиковой даме». Пушкин был более откровенен, чем мемуаристы, и более язвителен: «Графиня, конечно, не имела злой души, но была своен-

равна, как женщина избалованная светом, скупа и погружена в холодный эгоизм, как и все старые люди, отлюбившие в свой век и чуждые настоящему. Она участвовала во всех суетностях света, таскалась на балы, где сидела в углу, нарумяненная и одетая по старинной моде, как уродливое и необходимое украшение большой бальной залы; к ней с низким поклоном подходили гости, как по установленному обряду, и потом ею никто не занимался. У себя она принимала весь город, наблюдая строгий этикет и не узнавая никого в лицо» [2].

Но все это относится к XIX в., а в XVIII в. Голицына, поблистав в начале царствования Екатерины при дворе, надолго уехала в Париж, где воспитывала своих детей, и вернулась только в кон. 80-х гг., после начала французской революции. Зимой она жила в Петербурге, а лето проводила в загородных усадьбах — Марьине и Городне.

Село Городня очень старое, в конце прошлого столетия здесь обнаружили остатки древнего поселения. И вот появилась гипотеза, по которой Городню отождествляли с Городенском, где в 1158 г. на уделе был сын Юрия Долгорукого Борис. Городня упоминается в грамоте Ивана Калиты в 1322 г., в которой он отдает некоторые волости своему сыну, а также в грамоте Дмитрия Донского в 1389 г., где упоминается и Калуга. Но та ли эта Городня? Прямых доказательств нет, а название очень распространено.

Гораздо более точные сведения появляются с XVII в. В 1609 г. половина сельца Городня принадлежала Епифанию Клементьевичу Хитрово, другая половина была государственной. Видимо, поэтому появилось второе название этого места — Чертовское (от черты, разделявшей поселение). В дальнейшем, как приданое оно передавалось по женской линии различным владельцам из рода Бегичевых и Стрешневых. Наконец, в 1-й пол. XVIII в. Городня переходит за Софьей Стрешневой к Борису Голицыну, будущему адмиралу, и после этого становится родовым имением Голицыных.

Род этот, один из самых влиятельных в России, шел от князей Полоцких и литовских, детей Владимира Святославича киевского и литовского князя Гедимина. Прародителем рода считается князь Михаил Иванович Голица. Его сын Юрий был окольничим, а потом боярином при царе Василии Ивановиче (в нач. XVI в.). Такое происхождение отразилось в гербе Голицыных, состоящем из трех частей: герба литовского княжества — всадник

в серебряных латах, новгородского — двух медведей, держащих державное кресло со скипетром, и польского королевства — одноглавого орла.

Получив Городню, Голицыны стали создавать здесь усадьбу. В 1776 г. была выкуплена из казны другая половина села. Через шесть лет в Атласе Калужского наместничества было отмечено, что здесь имелся деревянный дом на каменном фундаменте и два сада: один регулярный, другой плодовый. В то время хозяйкой Городни была Наталья Петровна Голицына.

В кон. XVIII в. она решает перестроить Городню и приглашает архитектора Андрея Воронихина, бывшего крепостного Строгановых. Такой выбор был сделан, видимо, потому, что дочь Голицыной была замужем за Строгановым.

Воронихин полностью перестраивает усадьбу, придав ей вид изящной загородной резиденции. Дом, расположенный на высокой террасе в обрамлении тенистого парка, издалека привлекает к себе внимание. Однако подъездная дорога ведет не прямо к нему; сначала спускается к речке, обходит вокруг парка, мимо конюшен, плодового сада, погребов, и только затем подходит к дому.

Вблизи он выглядит небольшим двухэтажным симметричным зданием, квадратным в плане. Это как бы вариант уже созданной к тому времени дачи Строганова на Черной речке. Но в Городне Воронихин неожиданно отказывается от традиционного портика и колонн, добиваясь этим предельной лаконичности здания. Первый этаж отделан рустом с выделанными замковыми камнями над окнами. В центре второго этажа полукруглое окно с имитацией балкончика и балясинами. На фронтоне герб Голицыных, а по бокам две ниши с лепными розетками. Парадный и черный входы с боков здания, а со стороны главного и паркового фасадов располагались небольшие терраски, на которые выходили прямо из комнат. Это было удобно, так как здание предназначалось только для летнего отдыха.

Внутри была отделка с изящным лепным орнаментом и тонко выполненной живописью в технике гризайль. На первом этаже располагалась столовая с выходом в парк, гостиная, разделенная аркой на две половины: одна темная, с камином и старыми гравюрами на стенах, другая светлая, с царскими и семейными портретами. Такой контраст темного и светлого создавал очень интересный эффект. В дальнейшем Воронихин очень ус-

пешно использовал этот прием в кабинете «фонарик» Павловского дворца под Петербургом. Из гостиной налево шел светлый угловой кабинет с длинным диваном. Направо — спальня с двумя желтыми колоннами и киотом карельской березы с древними образами. Деревянная лестница вела на второй этаж, состоявший из ряда комнат. По стенам стояло много старой деревянной причудливой мебели. «Чудный вид открывался из окон. Внизу кругом заросший густыми деревьями пруд и старый английский сад, за которым через овраг село, а там далекие поля, леса и необъятный свод голубых небес» [3].

Перед домом был небольшой дворик с разъездным кругом и кустами боярышника и сирени. По его периметру располагались два деревянных флигеля — для княгини и ее дочери, и два здания официантских, последние в плане расположены «глаголем». В сторону дворика они выходили портиками с колоннами, а на улицу — высокими окнами с полукруглым завершием. Ограда с дорическими колоннами, увенчанная львами, отделяла дворик от подъезжей дороги. А за ней начинался парк-роща. Планировка его проста: два одинаковых прямоугольника, из центров которых звездой расходятся дорожки. В центре парка располагался обелиск. Возможно, это тот самый парк, который упоминается в описании 1782 г.

Другой парк — пейзажный, располагался на пологом склоне, спускающемся к речке Городенке по другую сторону дома, Голицыны называли его «Майдан». Чтобы попасть в парк, надо было обойти вокруг большого пруда по краю террасы. Дорожка шла мимо «Нового павильона» — небольшого деревянного здания с мезонином и колоннами, увитыми плющом. Перед входом цвели розы и были выставлены экзотические растения в горшках из стоящей неподалеку оранжереи. Далее находилась церковь Спаса, построенная в сер. XVIII в. Это небольшой одноглавый храм с высоким куполом, пятигранной апсидой и довольно низкой трапезной. Окна второго света овальные с изящной барочной отделкой. Южный и северный фасады были украшены пилястрами.

Около «нового павильона находился мостик через овраг, по которому проходили в парк». За мостиком дорожка идет по другой стороне пруда в противоположном направлении. Справа меж просветами лип виднеется большая поляна, полого спускающаяся к речке Городенке, слева величественно открывается дом на высокой террасе. Во времена Голицыной на речке были устроены плотина и пруд. Еще один, малый пруд, обсаженный ивами,

расположен на самой поляне. А за ним еще одна поляна с великолепным видом на деревню и подъездную дорогу. Очень красивая панорама открывается при выходе к речке. К сожалению, деревьев начала прошлого века в пейзажном парке остались единицы. Гораздо лучше сохранились посадки лип, яблонь, дубов, ив начала нашего века. Сейчас они разрослись, создают прекрасный вид.

Разумеется, с Городней связано имя Натальи Петровны Голицыной. Интереснейшими людьми были и другие представители этого древнего рода. Например, ее дети, неоднократно бывавшие здесь. Борис — писатель, поэт, печатался во французских журналах, участвовал в Отечественной войне и умер от ран в Вильно в 1813 г. Дочь, Софья, в замужестве Строганова, занималась химией, физикой, философией, переводила Данте с итальянского на французский (правда, французский она знала гораздо лучше русского).

Другой сын — Дмитрий, боевой генерал, неоднократно отличившийся в походах, герой Бородинского сражения, командовавший при Шевардино кавалерией 2-й армии, в Бородинском сражении 1-й и 2-й кирасирскими дивизиями. Позднее в течение 25 лет был генерал-губернатором Москвы. При нем она окончательно оправилась от пожара 1812 г. Были устроены бульвары, набережные, мосты, больницы, построен Большой театр. Московское общество сельского хозяйства, возглавлявшееся им, много сделало для распространения новых приемов земледелия, было организовано даже опытное хозяйство. Дмитрия описывают человеком величественной наружности, но застенчивым и близоруким, отзывчивым и доступным для простых людей. Воспитывавшийся во Франции и получивший отличное образование в европейских университетах, он гораздо хуже знал русский язык и говорил с акцентом, а свои выступления писал сначала по-французски. После смерти Натальи Петровны Голицыной, он, а затем его дети и внуки владели Городней до 1917 г.

Все великолепие этой усадьбы в прошлом, сейчас здесь запустение. Лишь дом, в котором находится школа, внешне выглядит почти как раньше, но внутри он перестроен. Сохранился еще дворик с оградой да развалины официантских и парки с прудами.

Литература

1. Русская старина. — Т. 3. — СПб., 1871. — С. 428.
2. Пушкин А.С. Драматические произведения, проза. — М., 1984.
3. Российский государственный исторический архив, ф. 1088, оп. 2, ед. хр. 357. Путевые заметки Шереметьева.

В.А. Иванов
(Калуга)

Ценный источник биографических сведений для составления краеведческой энциклопедии

В настоящее время краеведами области ведется работа по выявлению, отбору и систематизации фактического материала и написанию статей для готовящейся к изданию Калужской энциклопедии. Значительное место на ее страницах займут биографические материалы: статьи, заметки, очерки о лицах, так или иначе связанных с Калужским краем.

Написание биографических справок о местных деятелях дореволюционной эпохи нередко вызывает у историков и краеведов серьезные затруднения ввиду «отсутствия» необходимого материала. В первую очередь речь идет о малоизвестных, даже специалистам, лицах, занимавших разные должности в системе государственных, сословных, всесословных органов управления, различных комитетах, комиссиях, благотворительных обществах, организациях и т.д. и т.п. Между тем ценную, а главное — достоверную информацию о должностных лицах губернии и уездов можно извлечь из т.н. послужных (формулярных) списков.

Цель данного сообщения — привлечь внимание краеведов к этому уникальному в своем роде массовому источнику для воссоздания и уточнения отдельных фактов биографий государственных, политических, военных, общественных деятелей, имевших какое-либо отношение к истории Калужского края.

В царской России формулярные списки были основным документом служебного назначения. Их имели не только офицеры и чиновники самых разных рангов, но и преподаватели высших и средних учебных заведений, инженеры, врачи, архитекторы, отдельные категории рабочих, лица, служившие на выборных должностях, и т.д.

Возникновение послужных списков служащих гражданского ведомства относится к третьей четверти XVIII в. 31 января 1764 г. был издан специальный сенатский указ «О присылке в Сенат из всех присутственных мест послужных списков через каждые полгода» [1]. Согласно указу всем местным присутствиям предписывалось составить на каждого служащего губернии послужной список и выслать его в Герольдию, т.е. Сенат. При указе был помещен образец послужного списка, состоящий из девяти граф:

1) фамилия, имя, отчество, чин; 2) возраст; 3) «сколько имеет за собою мужеска пола людей и душ крестьян»; 4–5) время вступления в службу, перемещения по ней, получение чинов, должностей; 6) участие в военных походах и сражениях; 7) штрафы; в 8-й и 9-й графах указывалось, признавался ли чиновник способным к продолжению статской службы и достоин ли «повышению чинами». В последующий период формуляр послужного списка претерпел некоторые изменения: увеличилось число граф, предусматривавших внесение дополнительных сведений, конкретизировались изначальные показатели документа. С сер. XIX в. (указ Правительствующего Сената от 16 мая 1849 г.) в послужные списки вносились следующие основные сведения: чин, имя, отчество, фамилия, должность, возраст (количество полных лет), вероисповедание, знаки отличия, получаемое содержание, социальное происхождение, имущественное положение, образование, время вступления в службу и продвижения по ней, награды, участие в заграничных походах и боевых действиях, взыскания по службе, пребывание под судом или следствием, время пребывания в отпусках и отставке, семейное положение («холост или женат») с указанием точной даты (до месяца и дня), а также даты рождения детей и т.д.

Как видим, формулярный список образца 1849 г. (эта форма с незначительными изменениями просуществовала до 1917 г.) содержит подробную информацию не только для социально-имущественной характеристики того или иного лица, но и позволяет воспроизвести основные вехи биографии и служебной карьеры.

До 1847 г. формулярные списки служащих местных учреждений ежегодно (к 1 октября) должны были представляться в Герольдию, а в 1847–1857 гг. — в Инспекторский департамент гражданского ведомства (основан в 1846 г.), ведавший вопросами службы гражданских чиновников. Ныне эти документы хранятся в фондах Герольдмейстерской конторы в РГАДА (г. Москва) и в Коллекции формулярных списков в РГИЛРГИА (г. Петербург). После упразднения в 1858 г. Инспекторского департамента послужные списки служащих, занимавших высшие посты в местной администрации (от VI класса и выше), стали поступать на хранение в ведомственные архивы (ныне соответствующие фонды РГИА), а послужные списки чиновников VII класса и ниже — в архивы губернских канцелярий. Важно отметить, что сложившаяся изначально централизованная система хранения формулярных спис-

ков обеспечивала относительно высокую степень их сохранности. Передача же списков на хранение в местные архивы при отсутствии какого-либо контроля за их учетом и использованием отрицательно сказалась на сохранности этой разновидности служебной документации.

В Госархиве Калужской области, по нашим неполным данным, с разной степенью полноты отложились формуляры служащих губернских и уездных присутствий за 30–50-е и 70–90-е гг. XIX в. (за 60-е гг. представительность списков невелика), а также лиц, служивших по выборам дворянства (предводители, депутаты, секретари, судьи, заседатели судов и т.д.). Подавляющая их часть хранится в трех фондах: губернского правления (№ 62), канцелярии губернатора (№ 32) и губернского дворянского собрания (№ 66). Некоторые группы формуляров отложились в других фондах архива. К сожалению, в справочнике (путеводителе) по архиву [2] нет упоминаний о наличии в его фондах послужных списков, что, несомненно, затрудняет неосведомленному исследователю поиск документов.

Важность привлечения формулярных списков для составления персоналий, на наш взгляд, объясняется тем, что они, являясь аутентичным биографическим источником, аккумулируют наиболее достоверную и относительно полную информацию о государственном служащем. В то время как другие, более доступные материалы, например, некрологические заметки, биографические статьи в разных справочниках (преимущественно дореволюционных изданий), которые чаще всего используют исследователи, содержат не только лапидарные, но подчас неточные или вовсе искаженные сведения. Попытаемся это показать на примере газетных публикаций о калужском гражданском губернаторе, видном деятеле реформы 1861 г., сенаторе, действительном тайном советнике В.А. Арцимовиче (1820–1893), управлявшем губернией в 1858–1862 гг. Об этом царском сановнике, оставившем заметный след в истории края, мы располагаем достаточно представительным биографическим материалом [3]. Среди публикаций об Арцимовиче преобладают некрологические статьи, авторы которых [4] знакомят читателей с фактами служебной биографии этого человека. Сопоставление сведений газет с аналогичными данными послужных списков выявило не только неполноту и скудость газетной информации, но и фактические неточности. Так, в трех публикациях [5] неверно указывается

время участия Арцимовича в ревизии сенатора Н. Анненкова Западной Сибири — 1847 г. (вместо 1850 г.). В статью Г. Джаншиева [6] вкралась ошибка о годе назначения Арцимовича тобольским гражданским губернатором 1856 г. (вместо 1854 г.). В двух статьях неправильно названа фамилия сенатора, с которым Арцимович ревизовал в 1842 г. Орловскую и Калужскую губернии — Беляев (вместо Бегичев) [7]. Отмеченные неточности объясняются тем, что авторы заметок писали их не по документальным материалам, а на основе каких-то иных источников информации. Возможно, что они просто сообщали известные им, не до конца проверенные сведения. Отсюда напрашивается вывод, что привлечению подобного рода публикаций должна предшествовать их тщательная проверка на достоверность.

Более надежную биографическую информацию аккумулируют материалы, написанные по данным формулярных списков. Так, лишь одна фактическая неточность замечена в некрологе о калужском гражданском губернаторе Э.В. Лерхе [8], возглавлявшем местную администрацию в 1862–1864 гг.; в целом столь же надежны биографические статьи и некрологи о директоре народных училищ Калужской губернии и Калужской Николаевской гимназии, губернском предводителе дворянства, отставном флота капитане С.Я. Унковском [9], прокуроре Калужского окружного суда, впоследствии министре юстиции, сенаторе, члене Государственного совета Н.А. Манасеине [10], вице-губернаторе П.Н. Клушине [11] и т.д.

Все вышесказанное убедительно свидетельствует, что при подборе источников для составления персоналий приоритет должен быть отдан тем из них, основу которых составляют данные послужных списков — документы, в силу особых причин фиксирующие наиболее адекватную информацию.

Единственный показатель формулярных списков, который подчас содержит недоступную информацию, — сведения о возрасте. Расхождения в этом показателе составляют от 2 до 10 лет. Так, например, несовпадения в два года замечены в послужных списках председателя Калужской казенной палаты А.Ф. Кабрита; в 4 года — калужского вице-губернатора П.Н. Клушина; в 5 лет — в формулярных списках служащего Калужского губернского правления П.М. Знаменского, канцелярского служителя Калужской палаты государственных имуществ В.И. Зверева; в 10 лет — в формулярах чиновника особых поручений калужского губернатора Я.С. Унковского и т.д. [12].

Несовпадение сведений о возрастном цензе, содержащихся в послужных списках, объясняется, очевидно, тем, что этому показателю составители документов не придавали столь большого значения, поскольку возраст принимался во внимание главным образом при определении лица на службу. Так, в ст. 8 Устава о службе 1842 г. говорилось: «Не достигший четырнадцатилетнего возраста не может быть причислен ни к какому гражданскому ведомству: но начало действительной службы считается лишь с того времени, когда служащему минет шестнадцать лет» [13].

На достоверность сведений о возрасте оказывали влияние многие факторы. Так, по тогдашним требованиям делопроизводства, в послужном списке, как было замечено, указывались не число, месяц и год рождения, а давалось цифровое обозначение количества полных лет на момент его заполнения. Не исключено, что при низком уровне грамотности составителя документов допускались ошибки в определении возраста. К этому надо прибавить, что возраст служащего не всегда устанавливался на основе требуемых законом документов, в частности метрических свидетельств. Нередко послужные списки заполнялись по сведениям, содержащимся в предыдущих списках. Отсюда допущенная ранее ошибка переходила в новый формуляр. Иногда данные о возрасте (при отсутствии «первичных документов») вносились в список со слов самого служащего. В таких случаях не исключалась возможность сознательного искажения возраста. По нашим наблюдениям, наиболее точные сведения по данному показателю содержит формуляр, составленный в момент поступления чиновника на службу, т.е. первый его послужной список. Он, в отличие от последующих ежегодно составляемых формуляров, как правило, заполнялся на основе подлинных документов.

В заключение рассмотрения данного аспекта отметим, что из обследованных нами более тысячи формуляров служащих калужских губернских присутствий за 1850–1857 гг. расхождения в данных о возрасте установлены в 30 случаях, о социальном происхождении — в 2, бо образовании — в 4, о прохождении службы — в 5. Три последних из названных показателей считались главными в послужном списке и поэтому проверялись с особой тщательностью.

Послужные списки принадлежат к разряду документов, формуляр которых в соответствии с тогдашними правилами делопроизводства заполнялся с особой тщательностью. Однако это вовсе не означает, что они лишены недостатков (пробелов). Так, в 112 списках нет данных об образовании, в 13 — о вероисповедании,

в семи — о возрасте, в четырех — о социальном происхождении, в двух — о занимаемой должности [14]. Неполнота сведений послужных списков объясняется либо пробелами «первичных документов» (аттестатов об окончании учебных заведений, метрических свидетельств, удостоверений об имущественном положении и т.п.), либо их отсутствием на момент составления формуляра. Так, например, в 7 из 14 списков, в которых нет сведений об имущественном положении, указано: «По непредставлению документов неизвестно». Чаще всего в документах оказывается незаполненной графа об образовании. Вместо необходимых сведений в формулярах записано: «В службу вступил в тульский земский суд», или «В службу вступил во Владимирский пехотный полк подпоручиком» и т.д. Отсутствие в значительной части послужных списков данных об образовании вряд ли можно связывать только с проблемами «первичных документов» или, по крайней мере, лишь отчасти с ними. Образовательный ценз наряду с социальным происхождением и возрастом был одним из важнейших условий, принимавшихся во внимание при поступлении на службу. Следовательно, графа об образовании считалась одной из главных в послужном списке. Какие-либо случайные в ней описки и неточности не допускались. Мы не будем далеки от истины, предположив, что лица, в формулярах которых отсутствуют сведения об образовании, в большинстве своем получили домашнее образование. Этот факт составители документов в силу его типичности и распространенности в дореволюционной России [15] специально не оговаривали. Некоторые исследователи именно по этой причине относили таких служащих к категории получивших домашнее образование [16].

Таким образом, послужные списки, как следует из вышеизложенного, достаточно полно и адекватно отражали исторические реалии. Это дает нам право использовать их в качестве надежного источника биографических сведений при подготовке статей и материалов для краеведческой энциклопедии. Нелишне будет заметить, что эта разновидность делопроизводственной документации может послужить ценным источником и для генеалогических разысканий, написания истории отдельных родов и фамилий.

Примечания

1. Полн. собр. законов Российской империи. — Спб., 1830. — Т. 16. — № 12030.

2. Справочник по фондам Государственного архива Калужской области. — Калуга, 1985.

3. Список и характеристика газетных материалов о В.А. Арцимовиче даны в книге: Иванов В.А. Губернское чиновничество 50–60 гг. XIX в. в России (по материалам Московской и Калужской губерний): Историко-источниковедческие очерки. — Калуга, 1994.

4. Большинство газетных статей опубликовано анонимно. Среди подписанных материалов — известный русский юрист, сенатор, писатель и общественный деятель А.Ф. Кони, историк либерального направления Г.А. Джаншиев.

5. [Кони А.Ф.] Памяти В.А. Арцимовича // Новое время. — 1893. — № 6111; Четыре юбилея // Новости и биржевая газета. — 1891. — № 165; В.А. Арцимович: Некролог // Сын отечества. — 1893. — № 61.

6. Джаншиев Г. К пятидесятилетнему юбилею В.А. Арцимовича // Русские ведомости. — 1891. — № 162.

7. Четыре юбилея; В.А. Арцимович: Некролог.

8. Сенатор Эдуард Васильевич Лерхе // Новое время. — 1889. — № 4763.

9. Калужские губернские ведомости. — 1882. — № 144, ч. неоф.

10. Исторический вестник. — 1895. — № 11. — С. 649–653.

11. Русский биографический словарь. — СПб., 1897. — Т. 8.

12. Подробнее см.: Иванов В.А. Указ. соч. Раздел I.

13. Свод законов Российской империи. — СПб., 1842. — Т. 3, ч. I.

14. Справедливости ради отметим, что часть выявленных документов представляет собой так называемые «повторные», или дополнительные, послужные списки, в которые вносились лишь изменения, происшедшие в статусе государственного служащего после составления последнего списка.

15. Так, например, в нач. 50-х гг. XIX в. лица с домашним образованием среди чиновников Московской губернской администрации составляли 29,6 %, среди чиновников Калужской — 13,7 % (уступая лишь служащим, получившим среднее и неполное среднее образование) (Иванов В.А. Указ. соч. — С. 60–62, табл. 9).

16. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. — М., 1978; Оржеховский И.В. Из истории внутренней политики самодержавия в 60-70-х гг. XIX в. — Горький, 1974.

Л.В. Калашникова
(Калуга)

Семья Ассоновых в Калуге

В 1885 г. из Великого княжества Финляндского в Калугу приехала семья статского советника Ассонова. Приказом министра финансов Василий Иванович Ассонов (глава семьи) был назначен податным инспектором 1-го участка Калужской губернии (14 октября 1885 г.). Василий Иванович Ассонов родился

в 1842 г. в петербургской мещанской семье. Воспитание получил и окончил курс наук и искусств при Императорской Академии художеств (аттестат об окончании курса наук от 4 июля 1864 г.). Свидетельство на звание учителя рисования, за № 1602, было получено в Академии художеств через два года, 19 октября 1866 г. С 1863 по 1866 гг. В.И. Ассонов был вольнослушателем в Императорском Санкт-Петербургском университете. Он сдавал экзамены на право преподавания рисования в военных гимназиях при Главном управлении военно-учебных заведений. Получивший направление в 1-ю Московскую военную гимназию, 12 января 1869 г. генерал-губернатором Великого княжества Финляндского Ассонов был утвержден в звании учителя рисования этой гимназии со дня ее открытия, т.е. 22 октября 1870 г. в Гельсингфорсе (Хельсинки).

12 января 1876 г. Василий Иванович женился на Анне Васильевне Левкович (1856 г.). У них родились дети: дочери Евгения (21 октября 1876 г.), Ольга (9 мая 1879 г.), Вера (21 мая 1883 г.); сыновья Александр (6 октября 1877 г.) и Владимир (24 сентября 1884 г.) [1].

Одновременно В.И. Ассонов преподавал в Гельсингфорском юнкерском училище (1876–1879 гг.) и работал библиотекарем в гимназии. Всемилостивейше ему был пожалован чин коллежского советника со старшинством с 22 октября 1878 г. 29 мая 1879 г. он был избран секретарем педагогического совета гимназии. В.И. Ассонов составил историческую записку гимназии за 1870–1880 гг. (по 21 октября 1880 г.).

По распоряжению директора русских училищ в Финляндии 15 августа 1882 г. он назначается на работу во вновь открывшееся Выборгское реальное училище, где он преподавал географию, рисование и черчение, состоял классным наставником, секретарем педагогического совета и библиотекарем в 1882–1883 гг. Ассонов был награжден за усердную службу и особые труды орденом Святой Анны 2-й степени (15 мая 1883 г.). За выслугу лет был произведен в статские советники со старшинством с 22 октября 1882 г. [2].

За усердную службу В.И. Ассонов неоднократно награждался и денежными премиями, и орденами, и медалями.

Он был кавалером Святого Владимира 4-й степени, Святой Анны 3-й степени и Святого Станислава 3-й степени. За труды по первой всеобщей переписи населения в 1897 г. и в память царствования императора Александра III был награжден медалями.

В первые годы пребывания в Калуге семья снимала квартиру в доме Васильевых, рядом с реальным училищем.

В 1889 г. 20 июля приказом министра финансов Ассонов был переведен в той же должности податного инспектора во 2-й участок. Уволен был по прошению с последней должности 19 октября 1906 г. в возрасте 64 лет [3].

В архиве сохранился черновик аттестата В.И. Ассонова, из которого и сообщены некоторые сведения о В.И. Ассонове и членах его семьи. Семья Ассоновых была в Калуге известной. Они жили в собственном доме на Спасо-Жировке.

В.И. Ассонов увлекся изучением истории Калужского края, был почетным членом Московского археологического института, членом Калужской ученой архивной комиссии. С 1891 по 1904 г. был правителем дел этой комиссии, а с 1904 г. по 1918 г. — председателем Калужской ученой архивной комиссии. В.И. Ассонов активно участвовал в создании Калужского исторического музея.

В 1918 г. больного Ассонова вынесли из собственного дома. Старший сын Александр перевез отца в 2-этажный дом на ул. Лаврова. Умер В.И. Ассонов в ноябре 1918 г.

Сыновья, подрастая, тоже участвовали в общественной жизни Калуги.

Александр, учась в реальном училище (1888–1895 гг.), увлекся точными науками. В 1892 г. он купил работу К.Э. Циолковского «Аэростат металлический, управляемый» и дал почитать отцу. В доме Васильевых (близ реального училища), где жила семья Ассоновых, произошла встреча интересных и увлеченных людей: К.Э. Циолковского и В.И. Ассонова. В автобиографии К.Э. Циолковский писал о семье Ассоновых: «Семья, которая помогла мне издать мои работы по дирижаблям» (Циолковский К.Э. М., 1939. С. 197).

Александр Васильевич Ассонов (1877–1943), инженер, изобретатель, живя в Москве, помогал доставать материалы для построения дирижабля К.Э. Циолковскому, об этом свидетельствуют их письма.

Владимир Васильевич Ассонов (1884–1971) — краевед, геолог, председатель Калужского общества изучения природы и местного края (1920–1922), член ученого совета Государственного музея истории космонавтики им. К.Э. Циолковского. Он помогал издавать работы К.Э. Циолковского в 20-е гг. Так, в 1920 г. была издана его работа «Вне Земли». Владимир Васильевич доставал бумагу, давал деньги на издательскую работу. В.В. Ассонов был одним из создателей Калужского пролетарского университета, в котором К.Э. Циолковский читал лекции по физике и философии в 1918 г.

Все дочери В.И. Ассонова закончили женскую гимназию. Они учились на «отлично». Ко времени выхода отца на пенсию (1906 г.) они уже имели свои семьи.

Наиболее известна семья старшей дочери, Евгении, которая вышла замуж (1897 г.) за податного инспектора Николая Александровича Панова. Сын председателя Нижегородского Окружного суда Александра Кузьмича Панова Александр приехал в Калугу в кон. XIX в. Семья Пановых жила в Козельске, где Николай Александрович работал податным инспектором. Их сыновья — Николай и Василий. Н.Н. Панов (1903–1973) — писатель. Он выступал на Третьей (юбилейной) краеведческой конференции Калужской области (1972 г.), посвященной 600-летию города Калуги. В.Н. Панов (1906–1973) — шахматист, международный мастер спорта по шахматам, писатель. Оба брата Панова учились в мужской гимназии. Они были активными общественными деятелями. В 1918 г. группа учеников Калужской мужской гимназии начала издавать журнал начинающих писателей «Беллетрист». Николай был редактором этого журнала. При активном содействии их отца, Н.А. Панова, вышел первый номер журнала, где было напечатано первое стихотворение Н. Панова «Океан». И хотя было издано только два номера журнала, но он дал возможность начинающим калужским литераторам попробовать свои силы, а редактор Н. Панов стал профессиональным писателем.

Семья Ассоновых оставила огромное творческое наследие. Всем исследователям известны работы В.И. Ассонова о калужском театре, о войне 1812 г. в Калужской губернии и др. Менее известны работы В.В. Ассонова: «Полезные ископаемые Калужской губернии», «Кустарные и отхожие промыслы», «Фабрично-заводская промышленность». Опубликованы эти работы были в 1925 г. в «Очерках Калужской губернии» [4, сб. 1, гл. 6, с. 1–14].

К сожалению, мало изучены архивы этой семьи. Нам еще предстоит проделать эту работу. В Калужском архиве хранится небольшое «Дело об увольнении от службы податного инспектора Калужского уезда Ассонова Василия Ивановича и об исходатайствовании ему пенсии». Начато 4 октября 1906 г., окончено

в феврале 1907 г. Работа еще будет продолжаться. Большая часть архива семьи Ассоновых находится в Москве и передана в архив Академии наук.

Примечания

1. Государственный архив Калужской области (ГАКО), ф. 86, оп. 4, д. 303, л. 8.
2. Там же, л. 9.
3. Там же, л. 8.
4. Очерки Калужской губернии. — Калуга, 1925. — Гл. 3, 5, 6.

Н.В. Киреев
(Калуга)

Очерк земского здравоохранения в Калужской губернии (1864–1917)

Несмотря на зависимость земств, учрежденных в 1864 г., от вышестоящих органов, Калужское губернское земство (1-е собрание — 2 декабря 1865 г., 1-я губернская земская управа — с декабря 1865 по 1869 г.) с самого начала своего существования активно решало возможные местные проблемы [1]. В их числе открытие различных благотворительных учреждений, которых к 1869 г. под ведомством Губернского земства было уже девятнадцать. Среди этих учреждений — 12 больниц (в том числе губернская в Калуге), дома для неизлечимо больных, бродяг, умалишенных, инвалидов, сирот, две богадельни: Позднякovская — в с. Лычево Калужского уезда, и Боташевская — в г. Перемышле [2].

По меньшей мере необъективно бытующее до сих пор мнение о том, что земства выделяли крайне скудные средства на развитие медицины [3]. Так, в 1871 г. на народное здравие, образование и общественное призрение Калужским земством было израсходовано соответственно 44 тыс. 920 руб. 22 коп., 29 тыс. 499 руб. 50 коп., 60 тыс. 583 руб. 2 коп. — всего 135 тыс. 2 руб. 74 коп. из 475 тыс. 492 руб., то есть почти одна треть истраченных земством денег. Сумма весьма значительная, если учесть, что медицина и народное образование относились к необязательным мероприятиям земства [4].

Самой крупной земской больницей в 1871 г. была Калужская (205 кроватей), второй по величине (на 85 кроватей) была больница Козельска. С целью улучшения и расширения медицинского обслуживания уездные земства (в частности Медынское, Козельское) занимались самостоятельным строительством больничных зданий с приемными покоями и помещениями для земских аптек. Некоторые земства арендовали вольные аптеки (например, аптеку госпожи Герман в Лихвинском уезде), нанимали провизоров для приготовления лекарств. Необходимые медикаменты выписывались не только из калужских аптекарских магазинов, но и из Москвы, и даже из-за границы. Таким образом, связи и полномочия земств были достаточно широки. Лекарства из земских аптек отпускались преимущественно бесплатно (особенно бедным) [5].

В различных уездах сумма, взимаемая с одного больного, варьировалась от 10 до 42 коп. в день. Плата за лечение зависела от количества врачей и младшего персонала, численности населения в уезде и размера земских сборов. В связи с этим иногородние были лишены права на бесплатное обслуживание. Однако в большинстве земских больниц «несостоятельные граждане» лечились бесплатно. В ряде уездов (например, в Боровском, Лихвинском) уже в 1871 г., а не «лишь в 80-х годах», как указано в Большой Советской Энциклопедии, в земские больницы бесплатно принимали представителей всех сословий, в том числе и крестьян, составлявших основную массу налогоплательщиков [6]. Непосредственный контроль за состоянием здравоохранения осуществляли уездные земские управы. От них зависело увольнение земских врачей и прочего медицинского персонала в случае нарушения последними служебных обязанностей [7].

В нач. 70-х гг. каждая земская больница приходилась приблизительно на 83 тыс. человек. Из 49 губернских врачей 12 состояли на службе у земства. В обязанности земских врачей входило регулярное посещение, несколько раз в месяц, специальных медицинских пунктов, расположенных в некоторых селениях уезда. Постепенно от разъездной системы земство переходило к участковой форме медицинского обслуживания населения. Участком заведовал земский врач, при котором работали по два фельдшера, не считая фельдшера по земской больнице [8].

Огромное внимание земства уделяли профилактическим мероприятиям, направленным против распространения инфекционных заболеваний. Специальные средства выделялись на содержание и поощрение оспопрививателей. Обязанности по оспо-

прививанию были возложены на земства Положением 1 января 1864 г. Примечателен и такой факт: в Москве на бактериологической станции на средства Калужского губернского земства «содержалась постоянная кровать» [9].

Земская медицина не стояла на месте. Если в 1869 г., во второе трехлетие работы Калужского земства, под его ведомством находилось всего 12 больниц [10], то в 1898 г. было уже 32 больницы из 67, имевшихся в губернии [11], в 1902 г. — 34 из 68 [12], в 1906 г. — 39 из 65. Заметим, что общее число больниц в 1906 г. сократилось по сравнению с 1902 г. на три, тогда как количество больниц, принадлежавших земствам, увеличилось на тот же период с 34 до 39 (13). Следовательно, земства занимались не только строительством новых больничных зданий, но и старались расширить свое влияние за счет подчинения медицинских учреждений, принадлежавших другим ведомствам. Чтобы правильно оценить такое направление деятельности земства, нужно учесть, что в стране шла революция, а незадолго до этого поражением закончилась русско-японская война.

Губернское земство постоянно заботилось как о благосостоянии медицинского персонала, так и о населении в целом, расходуя значительную часть своих средств на медицинские нужды, а также ходатайствуя перед губернатором и министром внутренних дел о предоставлении земству денежных пособий на строительство, реконструкцию и устройство новых медицинских заведений. Для сравнения: в 1871 г. на народное здравие израсходовано всего 44 тыс. 920 руб. 22 коп. земских средств, а в 1895 г. только по Хлюстинским заведениям была предложена смета на 117 тыс. 147 руб. 76 коп. В том же году губернское земское собрание уполномочило губернскую земскую управу приобрести имение Дитрих при с. Бушмановке для «устройства в нем колонии для душевнобольных» [14]. По требованию врачей губернская земская управа выписывала из Москвы необходимое современное оборудование, инструменты и прочие больничные принадлежности.

Земские врачи занимались и просветительской деятельностью, читали лекции по хирургии, фармакологии, анатомии и гигиене на курсах при Общине сестер милосердия, открытой в Калуге в 1896 г. [15].

Земские врачи постоянно контролировали санитарное состояние различных учреждений, в том числе земских и министерских школ, участвовали в противоэпидемиологических и противотуберкулезных мероприятиях, вплоть до создания земских диспансеров как в городах, так и, особенно, в сельской местности, так как 80 % населения губернии проживало в то время в деревне [16].

На протяжении многих лет земскими врачами регулярно проводился профосмотр «нижних чинов воинских команд и запаса, а также рабочих на фабриках и заводах, рабочих, возвращающихся с отхожих промыслов на случай выявления больных венерическими заболеваниями [17].

Благодаря неустанной работе земства в области здравоохранения, в 1910 г. в Калужской губернии появились так называемые санитарно-благотворительные попечительства, которые должны были заниматься работой по улучшению санитарно-гигиенических условий жизни населения, оказывать всестороннюю помощь медицинскому персоналу, распространять гигиенические знания, устраивать чайные, столовые, ночлежки, богадельни, потребительские лавки и прочее [18]. К 1914 г. в губернии было уже 51 попечительство. Руководящую роль в них играли участковые и санитарные врачи, выступавшие с лекциями на такие темы, как «Борьба с заразными и другими болезнями», «Об уходе за детьми», «О питьевой воде и водоснабжении» [19]. Кстати, санитарных врачей чрезвычайно не хватало: в 1908 г. их было только 8, а в 1913 — 13.

Общественная работа земских врачей в санитарных попечительствах была очень важна и необходима еще и потому, что эти организации объединяли в себе и сельское духовенство, и помещиков, и учителей, и крестьян. Количество последних в некоторых уездах достигало почти двух третей всех членов попечительств. Например, в Боровском уезде из 420 членов попечительства 274 человека были из крестьян [20].

С 1907 г. губернским земством регулярно проводились совещания земских врачей и председателей земских управ Калужской губернии, на которых решались самые разнообразные вопросы по оказанию медицинской помощи всем слоям населения губернии, включая и рабочих, которые, как известно, своего представительства в земствах не имели [21].

Земские врачи Ю.К. Герхен, И.И. Ребрик, А.П. Бабушкин, Ф.В. Копчинский, И.И. Дубенский, Ю.А. Вусович, Е.Н. Челищева, Н.Н. Булгаков, М.М. Селиванов, Д.И. Востров и многие дру-

гие, участвуя в разные годы в работе Общества калужских врачей [22], Калужского отдела Всероссийской лиги для борьбы с туберкулезом [23], Калужского отделения Петербургского врачебного общества взаимной помощи [24], самоотверженно боролись против эпидемий холеры (1871, 1893 гг.), сыпного тифа (1877–78 гг.), против распространения таких страшных заболеваний, как туберкулез и оспа. В связи с угрозой эпидемии холеры в 1893 г. был созван Съезд земских врачей с участием предводителей дворянства и председателей земских управ Калужской губернии [25]. Помимо того, губернское земство финансировало некоторые мероприятия Общества калужских врачей. Так, XXII очередное губернское земское собрание отпустило Обществу средства на наем помещения для бактериологической лаборатории и на командировку земского врача И.И. Дубенского в Петербург с целью «изучения порядка определения холерного вибриона» [26].

Важным моментом в истории медицины является вступление Чрезвычайного Калужского губернского земского собрания во Всероссийский земский союз, деятельность которого была направлена на оказание помощи раненым и больным воинам. Произошло это 29 июля 1914 г., т.е. на 10-й день после объявления Первой мировой войны. С июля 1914 по январь 1916 г. Калужским комитетом Всероссийского земского союза было израсходовано свыше двух с половиной миллионов рублей на организацию госпиталей и на другие медицинские мероприятия [27]. Заметим, что организовывал госпитали и Всероссийский союз городов. Так, например, в Козельске действовал госпиталь Всероссийского союза городов, заведовал которым В.В. Безсаренко [28]. Кстати, первые раненые поступили в Калугу уже 20 августа 1914 г. в количестве 2 500 человек, а через город и организованный в с. Крапивне регистрационный пункт только осенью 1914 г. прошло более 140 тыс. беженцев, которые были осмотрены врачами, а выявленные больные были изолированы. Всего в Калужской губернии осело 52 787 беженцев [29]. Всероссийский земский союз оказывал местным органам помощь не только деньгами, но и предоставлением ряду уездных аптек большого количества лекарств [30].

Несмотря на острейшую нехватку медицинских работников, призванных на военную службу, в губернии продолжали регулярно собираться совместные совещания земских врачей и председателей земских управ, которые в числе прочих поднимали вопросы о возвращении с фронта своих сотрудников (например, Ю.А. Вусовича, заведовавшего бактериологической лабораторией губернской земской больницы) [31].

По сравнению с последним предвоенным годом количество земских врачей уменьшилось весьма значительно. Если в 1913 г. их было 93 (из 155 врачей), то к 1 января 1917 г. осталось только 70. Из них в уездах — 47, в земских госпиталях и Губернской земской больнице — 23. К 1 января 1918 г. появилось еще пять вакансий (32). Сокращение земского медицинского персонала происходило не только за счет призыва на военную службу. Заболеть и погибнуть можно было и в губернской, и в уездных земских больницах, и в развернутых в Калуге военных госпиталях, например, в госпитале-санатории на Калужке или в санатории для больных туберкулезом в Загородном саду [33].

И это только краткий обзор развития здравоохранения. Последний раз вопрос о необходимости финансирования и развития земской медицины поднимался земскими врачами Д.И. Востровым, В.И. Масленниковым, П.М. Талаевым и другими, участвовавшими в качестве гласных от различных слоев населения в 1-м Народном чрезвычайном Калужском губернском земском собрании, которое проходило с 4 по 8 января 1918 г. После 8 января 1918 г. деятельность Земства не возобновлялась [34].

Примечания

1. «Калужские губернские ведомости» (КГВ). — 1864. — № 9 и 47; История СССР: В 12 т. — Т. 5. — С. 107, 108; Обзор деятельности Калужского земства за 1-е 25-летие. — Вып. 1. — 1891. — С. 1; Вып. 2. — 1892; Справочник по фондам ГАКО. — Калуга, 1985.

2. Памятная книжка Калужской губернии на 1870 г. — Калуга, 1870. — Вып. I. — С. 42.

3. Земская медицина // БЭС. — 3-е изд. — Т. 9. — С. 505.

4. Справочная книжка Калужской губернии на 1871 г. — Калуга, 1871. — (Приложение к С. IV).

5. Справочная книжка Калужской губернии на 1871 г. — Калуга, 1871. — С. V. — С. 62, 106.

6. Справочная книжка Калужской губернии на 1871 г. — Калуга, 1871. — С. 13, 55, 62, 115; Земская медицина // БЭС. — 3-е изд. — Т. 9. — С. 505.

7. ГАКО. Журнал 22-го очередного Козельского уездного земского собрания. — 1886, 10 окт. — С. 31.

8. Справочная книжка Калужской губернии на 1871 г.: Лихвинский, Мещовский, Жиздринский уезды.

9. Наряды циркулярам на 1893 г. Наряд № 12. — 1889, 7 февр. — № 358; ГАКО, ф. 783, оп. 1, ед. хр. 25.

10. Памятная книжка Калужской губернии на 1870 г. — Калуга, 1870. — Вып. 1. — С. 42.

11. Памятная книжка и Адрес-календарь Калужской губернии на 1900 г. — С. 213.

12. Памятная книжка и Адрес-календарь Калужской губернии на 1904 г. — Калуга, 1903.

13. Подсчитано по памятным книжкам за 1902–1906 гг. и Памятной книжке и Адрес-календарю на 1908 г. — Калуга, 1908. — С. 189–191.

14. Памятная книжка Калужской губернии на 1896 г. — Калуга, 1895. — Ч. IV. — С. 4–13.

15. Памятная книжка и Адрес-календарь Калужской губернии на 1900 г. — С. 216.

16. Восьмое губернское совещание губернских врачей и председателей земских управ Калужской губернии. — Калуга, 1914. — Вып. 1. — С. 197.

17. Памятная книжка и Адрес-календарь Калужской губернии на 1913 г. Статистический отдел. — Калуга, 1912. — С. 14; Памятная книжка и Адрес-календарь Калужской губернии на 1906 г. Исторический и статистический отделы. — С. 197.

18. Восьмое губернское совещание губернских врачей и председателей земских управ Калужской губернии. — Калуга, 1914. — Вып. 1. — С. 70–71.

19. Там же. — С. 197.

20. Там же. — С. 70–71.

21. Там же. — С. 5, 97.

22. Сборник протоколов Общества калужских врачей за 1912 г. Празднование пятидесятилетия Общества калужских врачей. — 1913. — С. 19; Протоколы Общества калужских врачей. — 1863. — № 9 и 10.

23. «Белый цветок» — Вестник Калужского Отдела Всероссийской лиги для борьбы с туберкулезом. — Калуга, 1916. — № 1–7. — С. 2.

24. Отчет о деятельности Санкт-Петербургского врачебного общества взаимной помощи в 1896 г. — Калуга, 1897. — С. 7–9.

25. Доклад И.И. Дубенского // Труды Съезда земских врачей с участием предводителей дворянства и представителей земских управ Калужской губернии. — Калуга, 1893. — С. 20.

26. Сборник протоколов Общества калужских врачей за 1912 г. — С. 19.

27. Калужский санитарный обзор за 1917 г. — № 11, 12. — С. 343.

28. Памятная книжка и Адрес-календарь за 1917 г. — С. 129–132.

29. Калужский санитарный обзор за 1917 г. — № 11, 12. — С. 343.

30. Калужский санитарный обзор за 1917 г. — Сентябрь-октябрь. — С. 10.

31. Так, 10-е губернское совещание земских врачей и председателей земских управ было проведено уже в 1917 г.; Калужский санитарный обзор за 1917 г. — Июль-август. — С. 260.

32. Калужский санитарный обзор за 1918 г. — Январь. — С. 68–74.

33. «Белый цветок» — Вестник Калужского Отдела Всероссийской лиги для борьбы с туберкулезом. — Калуга, 1915. — № 4. — С. 14; Погибли доктор Арсентий Иванович Шокуров, фельдшер Иван Алексеевич Иванюшкин и многие другие; «Белый цветок». — 1915. — № 7, 8, 9. — С. 32; Калужский санитарный обзор. — 1918. — № 1. — С. 17.

34. Журналы 1-го народного чрезвычайного Калужского губернского земского собрания 4–8 января 1918 г. (ГАКО).

Л.А. Козыро
(Калуга)

«...Я друг ближним моим...»
(Повесть В.А. Левшина «Досадное пробуждение»)

В.А. Левшин (1746–1826) — писатель, фольклорист, краевед, знаток сельского хозяйства и экономики, представляет прежде всего Тульскую землю: практически всю жизнь он прожил в родовом имении — с. Темрянь Белевского уезда. Но экономические интересы связывали его с Калужским наместничеством. В Государственном архиве Калужской области хранится переписка с юстиц-коллегией, Мещовским уездным судом и городничим по делу «утверждения в правах наследия крестьян деревни Надеено и сельца Солопихино помещика Василия Левшина».

Переписка достаточно объемна. Левшин трижды обращался с прошением на высочайшее имя, причем два прошения написаны им собственноручно. Суть проблемы состояла в том, что в 1739 г. у покойного отца Левшина, Алексея Денисовича, судившегося с княгиней А.И. Долгоруковой о спорном солопихинском крестьянине, до окончания дела описали две мещовские деревни. Спустя сорок четыре года сын пытается выяснить, где находятся суммы собранного за это время с крестьян оброка, каковы они. Поскольку сумма иска должна быть давно покрыта, Левшин просит вернуть ему излишки и ввести в наследование. Дело тянулось около года, окончательного решения в документах нет [1].

Существовали и творческие контакты с Калугой. Вместе с возглавившим в 1777 г. открывшийся Калужский театр П.С. Батуриным Левшин стал одним из авторов, формировавших театральный репертуар. В 1793–1794 гг. в Калуге были изданы четыре его комические оперы [2]. Левшин был плодовитым драматургом, и ему принадлежит до 50 оригинальных и переводных опер, комедий, драм. Среди них и первый в России перевод комедии

Бомарше «Севильский цирюльник», опубликованный в Калуге и поставленный на сцене Калужского театра.

В 1780–1783 гг. вышел в свет сборник Левшина «Русские сказки» [3] (10 томов, 2 632 страницы). В нем были представлены сказки народные («повествования, которые рассказываются в каждой харчевне») и литературные («таковы, которых никто еще не слыхивал и которые вышли на свет во первых в сей книге»). В произведениях первой группы автор стремился сохранить колорит народной сказки, произведения второй группы ориентированы на литературные жанры повести, романа, сна, переписки. Первоначальный замысел «Русских сказок» был очень значим для литературы XVIII в. Левшин пытался на фольклорном материале создать национальный роман и бытовую повесть.

Одним из интереснейших произведений сборника стала небольшая повесть «Досадное пробуждение». Для нас она важна тем, что отчетливо проявившаяся в ней авторская позиция помогает понять личность самого писателя.

Повесть стоит у истоков тех тенденций в развитии русской литературы 40-х гг. XIX в., в связи с которыми В.Г. Белинский в обзоре русской литературы за 1847 г. указывал на изменившийся характер литературы, переход от ориентации на развлекательность к изображению «тягостей и страданий окружающей действительности». Книга говорит читателю, «что не все на свете живут так хорошо, как он, что есть углы, где под лохмотьями дрожит от холоду целое семейство, может быть, недавно еще знавшее довольство, что есть на свете люди, рождением, судьбою обреченные на нищету, что последняя копейка идет на зелено вино не всегда от праздности и лени, но и от отчаяния» [4].

Галерея «бедных чиновников» открывается в русской литературе героем повести В.А. Левшина, награжденным значащей фамилией Брагин. С первых строк повести автор стремится подчеркнуть «обыкновенность» Брагина, его отнесенность к разряду «маленьких», ничем не примечательных людей: «Природа не всех равно награждает своими дарами: один получает от нее великий разум, другой красоту, третий способность к предприятиям и так далее... Но бедный Брагин забыт был равно от природы, как и от щастия. Он произошел на свет человеком без всяких прикрас: вид его не пленял, разуму не дивились и богатству не завидовали». [3, с. 255–256].

Рассказ о жизни Брагина лаконичен и конкретен, в некоторых своих моментах перекликается с рассказом Н.В. Гоголя об Акакии Акакиевиче Башмачкине. Даже символом безысходной бедности Брагина становится заплатанный кафтан, предваряющий шинель Башмачкина. Брагин, как и Акакий Акакиевич, привык к своей доле, ничего не ждал от судьбы, «не кликал ее ни жалобами, ни досадою, ни благодарностью» [3, с. 266]. Вся бедная, унылая, однообразная жизнь его заключалась в трех словах: «писал, переписывал и пропивал». Однако пьянство Брагина — явление чуть ли не идейного порядка, оно поднимает его над общей массой хищников-подьячих. Конфликт Брагина и секретаря, этого «значительного лица» XVIII в., оформляется как конфликт справедливости и беззакония, добра и зла (торжествующего зла и пассивного, бессильного добра): «Я пью вино... я пью его для того, что вкус оного мне нравится. Многие пьют кровь своих ближних; однако ж не всегда их за сие сажают в железы. Начальник мой секретарь разоряет в год до несколька десятков целых семей; он подлинно высасывает все их жизненные соки; но он считает себя оправданным к тому примерами людей, употреблявших сие вместо народного права. Я также бы мог оправдать себя в том примерами; но я не хочу с ним равняться, он бесчеловечен. А я друг ближним моим» [3, с. 267–268]. Это «я друг ближним моим» прямо перекликается с «я брат твой» Акакия Акакиевича. Так намечается, с одной стороны, продажность и бесчеловечие верхов, с другой — подчеркнутое стремление сохранить человеческое свойство у представителей низовых слоев.

Кроме того, образ Брагина трактуется как контрастный окружающему его миру взяточников своей человечностью; миру фантазии, романическому, идеальному — своей «низкостью». Образ построен на внутренних контрастах. В самом Брагине сцементировано идеальное, идущее от его человеческой природы, от «натуры», и низкое, обусловленное бытием и окружением. «Человек» в представлении XVIII в., как века Просвещения, распадался на человека этического и исторического. Природа человека, понятая как изначально добрая субстанция, противопоставляется его атрибуту — человеку историческому, социальному. От первого — «я друг моим ближним» и высокий пафос образа, от второго — ирония в его трактовке и сниженность. Таким образом, «Досадное пробуждение» предваряло произведения писателей 40-х гг. XIX в. не только появлением темы «маленького человека», но

и самой постановкой вопроса о глубинном воздействии социального быта на психологию отдельного человека, особенно человека угнетенного, подавленного, обездоленного.

Несомненно, смелым и новым явилось то, что представитель «крапивного семени» становится выразителем мыслей автора. Причем линия высокой патетики и ироническая постоянно перемежаются, и это также напоминает приемы построения образа Башмачкина. После полных душевной боли упреков Брагина в адрес секретаря особенно комично выглядят его профессиональные ухватки в разговоре с Фортуной, будет «различествовать» от обыкновенного образца, «коим просит имя рек на имярека», стремление независимо от результата оговорить плату за труды, его ожидание счастья, когда посетительница открывает свое имя и обещает награду: «...он бросил бумагу и бежал задыхаясь за проворно шествующей богиней, ожидая не меньше, как получить целую бочку вина» [3, с. 271]. Это наивное, смешное и жалкое желание Брагина наполняется трагическим смыслом благодаря нескольким словам комментария: «...желания человеческие замыкаются обыкновенно в пределах обстоятельств, в которых они находятся».

Желание Брагина осуществилось. И оказалось, что в жажде забыться он не одинок. Однако на фоне всеобщего пьянства Брагин выделяется не только странной сопротивляемостью власти хмеля. Он сохраняет способность рассуждать. Открывшаяся перспектива в жизни, надежда на какие-то события заставляют его задуматься: «Прежде век мой тек своею дорогою; мне до него дела не было: а теперь я помышляю и о том, что со мною будет впредь...» [3, с. 273]. Перед героем встает проблема выбора жизненного пути: «Но чего мне желать? Все состояния в свете столь для меня не завидны, что я из оных не изберу, в котором можно бы жить спокойно. От вышняго чина до нижняго всякое исполнение сует, беспокойств и опасности. Вышним завидуют, нижних притесняют, а не хочу быть ни притеснителем, ни притесненным... Однако есть одно, в котором, может быть, я проживу весело. Итак я желаю обратиться в красавца» [3, с. 273–274].

Своим выбором герой выводится за рамки социальных отношений, выводится в мир, где рангов, степеней, денежной зависимости не должно существовать. Во сне Брагин попадает в дворец Счастья.

Сон составляет наиболее значимую и в композиционном, и в идейном плане часть повести. Он помогает раскрытию внутреннего мира Брагина, тех его свойств, которые в реальной жизни проявиться не могли (т.е. используется не только как форма сатирического разоблачения, что характерно для XVIII в., но и как форма психологического анализа). Сон психологически достоверен, ибо внутренней сути Брагина соответствует и желание его, и увиденное его глазами поведение Фортуны на берегу реки. Отвечает примитивным штампам и представлениям романтической литературы и описание дворца Счастья. Но во сне Брагин робко нащупывает и мысль о внесословной ценности человека. Обращение в красавца, т.е. объективно возвращение его в ряд полных людей, возвращение самоуважения, придало ему уверенность в себе, в своих возможностях и «дозволило ему обыкновенное право: желать и видеть желаемому исполнение» [3, с. 277]. Меняется весь настрой Брагина. Если раньше его мысли шли в одном направлении: «Я с похмелья, кабак близко» [3, с. 272], если до сорока лет чувство любви не коснулось его сердца, то теперь он «восчувствовал все действия ея при первом взгляде на нещастную красавицу. Прелести ея наполнили все его чувства, и каждое отчаянное ея воздыхание было ударом в его душу» [3, с. 279]. Из узкого круга сиюминутных забот он выходит в мир общечеловеческих чувств.

Сон не только показывает возможность существования «внутреннего» Брагина, убитого пошлой действительностью, но содержит и аллегорическую картину общественных отношений в современном Брагину обществе: «Когда новобрачные сели за стол, тогда со всех сторон двери растворились, и в оныя вошло множество людей, кои по данному от богини знаку заполняли порожние стулья. Гости сии были разного вида: одни представляли совершенных ироев, другие добродетельных и набожных; но большая часть казалась быть наглыми забияками. С блюд раздавала сама богиня зажмурясь; от чего произошло, что добродетельным достались одни только бумажки; мало ироев получили с первых блюд; забияки расхватали все, что к ним близко, а набожные удовольствовались деньгами. Вскоре потом между гостями сделалась драка; смелые зачали срывать друг с друга шапки и толкать со стульев; ирои их унимали» [3, с. 283–284].

Одним из весомых приемов характеристики Брагина становится портрет, практически одна из первых реалистических портретных зарисовок в русской литературе. Как и позднейшие маленькие чиновники, герой неказист. Как и фамилия, внешность

его свидетельствует о не вполне невинном пристрастии. Но этот портрет не покрывает полностью сущности персонажа. Если у Акакия Акакиевича его внешность вскрывает незначительность, нищету духовной жизни, то у Брагина она оказывается маской, которая не соответствует его душевным свойствам и отбрасывается, сменяясь ликом красавца, более отвечающим его истинным, заложенным природой и загубленным обществом свойствам: «В то мгновение багровый и угреватый его нос учинился наилучшим из всех бывших некогда в чести у римлян. Сывороточно-серые глаза его обратились в пару черных блистающих очей, коих взоры острее стрел проницают до сердца и располагают страстными вздохами побежденных. Синеватые и опухшие его губы уступили маленьким улыбающимся устам, коим никогда не дозволяют быть в праздности. Смесь паросского мрамора, снега, лилеи и развивающейся розы вступила на смуглый и в приличных местах рдевший цвет лица его. Исчезли в зубах щербины, произведенные смелой рукой ражего мясника на последнем кулачном сражении; тут были уже два ряда зубов, кои не стыдно показать с намерением и кои придают прелесть некстати начатому смеху» [3, с. 274–275].

В повести значительна роль автора, который является рассказчиком, комментатором. Он выводит своими комментариями, наполненными дидактики, действие за пределы конкретного случая, распространяя его на всю область человеческих социальных и интимных отношений. Авторский комментарий типизирует черты определенного персонажа и создает как бы «историческую перспективу» типа. В то же время подчеркнуто стремление показать события с точки зрения Брагина, с позиций его психологии.

Несомненна политическая направленность повести. В нее введена «Челобитная Фортуны», носящая явно направленный против социальных пороков характер, смягченный и завуалированный психологической обоснованностью введения, ибо что же более естественное может сниться приказному, как не челобитная?

Но именно в 1783 г. (с 28 июля по 28 октября) в «Собеседнике любителей российского слова» печатались «Несколько вопросов, могущих возбудить в умных и честных людях особливое внимание» Д.И. Фонвизина. Кроме того, в четвертой книге «Собеседника» была опубликована «Челобитная Российской Минерве от российских писателей». Очевидно, Левшин был уже знаком с выступлениями Фонвизина и объединил в своей «Челобитной» жанр вопросов и собственно челобитной, что позволило ему, не называя прямо лицо, кому адресована «Челобитная», дать понять, что это сама русская императрица.

Пять вопросов Фортуны раскрывают, уточняют и расширяют содержание пятого и десятого вопросов Фонвизина: «Отчего у нас тяжущиеся не печатают тяжб своих и решений правительства?», «Отчего в век законодательный никто в сей части не помышляет отличиться?» [5].

Устами Фонвизина в его «двадцати вопросах» говорили представители оппозиции самовластию. И в третьей книжке «Собеседника» императрица ответила Фонвизину, но таким тоном, который отвергал всякую возможность задавать новые вопросы. Смысл десятого вопроса Екатерине был ясен: речь шла об ограничении ее законодательных прерогатив. Потому ответ на него был особенно резким и грозным: «От того, что сие не есть дело всякого», т.е. это дело самодержавной монархии и тех, кому она это лично передоверяет — придворной знати.

И, тем не менее, Левшин решается на новые вопросы. Правда, его интересует более конкретная сфера: система взяток и подкупов, процветающая в государственном аппарате, всеобщее неправосудие, ставшее хроническим и привычным, но оттого не менее страшным. Вопросы Левшина звучат так: «Чрез что получили некоторые недвижимые и движимые имения, когда предки их и сами хаживали в лаптях? Бывши у закупки съестных припасов где нашли клад?.. Отчего набогащиются те, коим Государь ничего не жаловал, наследства не досталось, приданного за женами не брали и промыслов не имели, а были только у порученных должностей?.. От чего приставленные к приемам и выдачам не сводят расхода с приходом? От чего... в приказе лет по пятьдесят лежат дела нерешенные?» [3, с. 271]. Последний вопрос явно продиктован собственным печальным опытом Левшина, воспоминаниями о деле его отца, пролежавшем без решения сорок четыре года.

Характерно, что автор, как бы испугавшись дерзких нот, прозвучавших в «Челобитной», стремится снять их остроту. Фортуна, заявлявшая, что ей важно, чтобы «Челобитную» хотя бы прочли, в конце разговора с Брагиным заявляет: «Я пришла не бить челом, но только узнать тебя...»

Если Фонвизин, выступая со своими «Вопросами», ставил на обсуждение общественности ряд проблем русской жизни и ожидал ответной реакции, то Левшин устами Брагина выражает бессмысленность подобного ожидания: «...вы начали такие воп-

росы, кои никогда не решат, и конца коим не будет» [3, с. 271]. И, тем не менее, «Челобитная Фортуны» Левшина была попыткой продолжить обсуждение поднятых Фонвизиным вопросов.

Итак, повесть «Досадное пробуждение» представляет собой сложный сплав бытописи, фантастики и публицистики.

В противоположность сказочному идеалу, утверждающему победу добра, повесть показывает торжество зла и пошлости в реальной жизни. Идеальное и реально существующее взаимоисключаются.

Подобная трактовка ведет к нарочитому снижению (до гротеска) центрального персонажа. Однако в целом образ Брагина является сложным, неровным, так как в его решении сталкивается несколько задач. Наряду с идеей всепобеждающей пошлости жизни, образ Брагина несет авторский полемический заряд противопоставленности этой пошлости.

В повести уже намечается идея ценности личности «незначительного человека».

Некоторые ситуации дают право говорить о попытках психологического подхода к изображению личности. В повести наблюдаются две ярко выраженные струи: патетическая и юмористическая. Комичностью ситуаций, их занимательностью автор пытается завуалировать злободневное, социально ориентированное содержание. И юмор оттесняется на второй план, перекрываясь трагедией человеческой личности. Печально и серьезно звучат последние слова повести: «Из сего видно, что счастие не всем дозволяет ловить себя въяве; многие видят оное только во сне, хотя, впрочем, существенность оного на свете сем зависит от воображения...»

Примечания

1. ГАКО, ф. 132, оп. 1, ед. хр. 132.

2. Труды В. Левшина и И.Ф. Карцелия на 1793 г. — Калуга, 1793–94.

3. Цит. по изданию: Левшин В.А. Русские сказки, содержащие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие оставшиеся через пересказывание в памяти Приключения. — М.: Универ. тип. у Н. Новикова, 1780–1783. — Ч. 1–10.

4. Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1847 г. // В.Г. Белинский. Собр. соч.: В 3 т. — Т. 3. — М., 1948. — С. 785.

5. Фонвизин Д.И. Несколько вопросов, могущих возбудить в умных и честных людях особливое внимание // Д.И. Фонвизин. Собр. соч.: В 2 т. — Т. 2. — М.; Л., 1959. — С. 272–273.

В.И. Осипов
(Боровск)

«Калужские епархиальные ведомости» (1862–1906 гг.) как источник по истории старообрядчества Калужской губернии

«Калужские епархиальные ведомости» (КЕВ) издавались Калужским духовным правлением с 1892 по 1900 гг. С 1807 г. взамен КЕВ начал издаваться «Калужский общественный церковный вестник». КЕВ состояли из двух частей: официальной и неофициальной (прибавление). В официальной части КЕВ публиковались указы, распоряжения Священного Синода и епархиального калужского начальства, списки награжденных, уволенных и перемещенных из одного прихода в другой священнослужителей. В неофициальной (прибавление) части обычно публиковались исторические справки о церквях, монастырях Калужской губернии, некрологи священников и преподавателей Калужской духовной семинарии и духовных училищ, поучения на христианские праздники, обзор деятельности церковно-приходских братств, миссионерских противораскольничьих братств святого Иоанна Богослова в г. Калуге, преподобного Пафнутия Боровского в г. Боровске, святого Александра Невского в г. Жиздре и др.

В «Калужских епархиальных ведомостях» помещено более 360 статей и заметок, затрагивающих тему старообрядчества. Из них 66 статей по истории старообрядчества России, 20 статей — официальные распоряжения Священного Синода и Калужского епархиального начальства, 274 статьи посвящены вопросам старообрядчества на территории Калужской губернии. Двенадцать статей из 274 посвящены миссионерскому братству А. Невского в г. Жиздре, 15 статей — братству преподобного Пафнутия в г. Боровске, 36 статей — братству святого Иоанна Богослова, 40 статей — Миссионерскому православному обществу. Сорок три статьи касаются присоединения старообрядцев к официальной Православной церкви, и только в двух статьях имеется материал о переходе в старообрядчество православных, 26 статей посвящено беседам миссионеров со старообрядцами, шесть статей касаются единоверия в Калужской губернии, а остальные 94 статьи и заметки носят характер сообщений и исторических очерков по истории старообрядчества.

Авторами материалов по истории старообрядчества, которые публиковались в «Калужских епархиальных ведомостях», явля-

лись в основном преподаватели Калужской духовной семинарии, в том числе и преподаватели курса «История раскола»: Ф.С. Покровский, Д.Ф. Соколов, Д.Т. Лужецкий, С. Марков, Д. Любимов, И.Ф. Лебедев, М.Л. Чельцов и И.Ф. Тихомиров. Большой исторический материал представляют собой отчеты калужских епархиальных миссионеров М.С. Дударева, И.М. Жарова и его сына И.И. Жарова. М.Л. Чельцов преподавал в семинарии до 1898 г., а затем был переведен в Санкт-Петербургскую духовную академию. В КЕВ им были опубликованы материалы о современном состоянии старообрядческого общества в Калуге и губернии. Таковы «Новые данные древности к вразумлению старообрядцев» (1895. № 11), «К характеристике Боровского раскола» (1896. № 18), «Открытие миссионерских противораскольничьих курсов при Калужской духовной семинарии» (1896. № 22), «Состояние раскола старообрядчества и миссии против него в районе братства св. Иоанна Богослова» (1897. № 4), «Новые замыслы раскольников» (1897. № 5), «К истории противораскольничьей миссии» (1898. № 21), «О раскольничьих часовнях в Калужской губернии за первую четверть XIX в.» (1899. № 2), «Исторический очерк появления и распространения раскола в пределах Калужской епархии до ее открытия в 1799 г.» (1899. № 10–12).

И.Ф. Тихомиров — сын священника, в 1895 г. окончил курс в Московской духовной академии со степенью кандидата богословия. С 15 августа 1899 г. — преподаватель епархиального Калужского женского училища. С 19 сентября 1897 г. — преподаватель русского и церковно-славянского языка в старших классах, по 1-му отделению Калужского духовного училища. С 7 октября 1897 г. — преподаватель латинского языка по 2-му отделению. С 30 декабря 1901 г. преподает в Калужской духовной семинарии. В 1900 г. им было опубликовано исследование «Раскол в пределах Калужской епархии» (Калуга, 1900).

Интересный материал о современном положении калужских старообрядцев помещался в отчетах епархиальных миссионеров М.С. Дударева и И.М. Жарова, перешедших из старообрядчества. Михаил Савельевич Дударев родился в 1836 г. в старообрядческой семье в с. Дворцы Калужского уезда. В 1863 г. в 27 лет сознательно принял официальное православие. В родном селе открыл школу вначале в наемном помещении, а в 1869 г. школа была переведена в специально построенное для нее здание, позднее была преобразована в министерскую. 26 февраля 1884 г. М.С. Дударев стал священником и служил в Сухиничах, а в 1886 г. — в Воротынске. С 1887 г. он епархиальный миссионер. Умер М.С. Дударев 19 июля 1904 г. в родной деревне после продолжительной болезни [1].

Иван Михайлович Жаров родился в 1850 г. в крестьянской православной семье. С 7 лет был обращен в старообрядчество. В расколе находился до 28 лет. Проживал он в д. Мощинцы Мещовского уезда, где у старообрядцев исполнял роль главного уставщика и руководителя в духовных делах, совершал в отсутствие священника требы. В 1878 г. И.М. Жарова пригласили уставщиком в Калугу в моленную на Кожевниках. В Калуге И.М. Жаров познакомился с ректором Калужской духовной семинарии архимандритом Мисаилом. 11 ноября 1879 г. И.М. Жаров присоединяется к Православной церкви. С 11 ноября 1879 г. по 5 сентября 1882 г. И.М. Жаров был миссионером братства святого Иоанна Богослова. В 1880 г. он зачислен в Калужскую духовную семинарию, где окончил 5-й и 6-й классы. С сентября 1882 г. И.М. Жаров активный миссионер в Боровске. В 1898 г. его как опытного миссионера вместе с другими приглашают в Н. Новгород для ведения бесед со старообрядцами. В 1887, 1897 гг. он участвует в работе 1-го и 3-го Всероссийского съезда миссионеров в Москве и Казани. После смерти М.С. Дударева в 1904 г. он был назначен на должность епархиального миссионера с оставлением при занимаемом приходе в Боровске. Сын И.М. Жарова — Иван Иванович — также был 2-м епархиальным миссионером в Жиздринском, Мосальском, Мещовском, Козельском уездах [2].

«Калужские епархиальные ведомости» позволяют проследить деятельность противораскольничьих братств, созданных в последней четверти XIX в. на территории Калужской губернии (святого Иоанна Богослова в Калуге, святого Пафнутия в Боровске, святого Александра Невского в Жиздре). Главной задачей братств являлась борьба со старообрядцами, которая должна была вестись несколькими путями: проведением целенаправленных бесед о вере со старообрядцами, оказанием помощи школам, расположенным в местах, густо заселенных старообрядцами, а также благотворительностью.

Братство Иоанна Богослова было открыто 25 февраля 1879 г. 3 (11) сентября 1883 г. открылось братство святого Пафнутия в Боровске. Оно просуществовало до 20-х гг. XX столетия [3]. Миссионерские противораскольничьи братства в последнем десятилетии XIX в. усилили работу среди старообрядческого населения,

и практически на всей территории Калужской губернии были открыты их отделения. В 1893 г. ввиду эффективного воздействия на старообрядческое население Жиздринского уезда открывается братство Александра Невского, к которому переходит часть отделений братства Иоанна Богослова. И к 1898 г. братство Александра Невского имело в Жиздринском уезде семь отделений.

По материалам «Калужских епархиальных ведомостей» можно проследить работу миссионеров среди старообрядческого населения. Основной обязанностью миссионеров считалось проведение публичных бесед со старообрядцами об истинности православной веры. В 1887–1890 гг. миссионерскую работу в с. Брынь вел священник местного прихода А.П. Соколов. За это время им было проведено более 40 бесед, всего же в Брынском отделении было проведено 54 беседы, а в Колодязцком — 5 бесед. В 1901 г. было проведено 18 бесед в Брынском отделении, в Плохинском отделении — 2, в Кондрыкинском — 8, а всего за год — 28. За 1902–1903 гг. сведений нет. В 1904 г. были проведены 43 беседы в Жиздре, в Брынском отделении — 36 (из них 16 бесед были направлены против старообрядцев). В 1905 г. миссионером А. Соколовым было проведено 10 бесед, а участковым миссионером священником Л. Тверским — 3 беседы.

Основная тяжесть бесед падала на епархиального миссионера, который два раза в год был обязан объезжать селения, «зараженные расколом», оказывать помощь местным священникам и сам вести беседы со старообрядцами. В феврале 1901 г. епархиальный миссионер И. Жаров объехал 10 селений Жиздринского уезда, где провел беседы со старообрядцами. 13–26 января 1906 г. он объехал девять селений семи приходов, где провел 8 официальных бесед и 3 неофициальные [4]. И. Жаров в своем отчете за 1899 г. так характеризует отношение старообрядцев к публичным беседам: «Вся масса раскольников смотрит на беседы вообще как-то нелюбовно; идут на них почти всегда с неохотою, как будто-то бы отбывая очередь какой-нибудь тяжелой, невыносимой для них повинности» [5].

Из опубликованных материалов в «Калужских епархиальных ведомостях» видно, что с 1900-х гг. активность миссионеров всех противораскольничьих братств на территории Калужской губернии снижается. Указом 17 апреля и манифестом 17 октября 1905 г. была провозглашена свобода вероисповедания не только старообрядцам, но и всем народам России. Старообрядческое население Калужской губернии, как и во всей России, восприняло это

как свою победу над официальной православной церковью. Работа миссионеров усложнилась, а во многих местах практически прекратилась, и деятельность братств потеряла смысл.

В заключение отметим, что материал по истории старообрядчества на территории Калужской губернии, помещенный в «Калужских епархиальных ведомостях», является уникальным и наиболее полным и ждет дальнейшего исследования.

Примечания

1. КЕВ. — 1904. — № 15. — С. 455–460; 1905. — № 1. — С. 15.
2. КЕВ. — 1904. — № 21. — С. 680–685.
3. Краткий отчет братства святого Иоанна Богослова за 11 лет существования. 1879–1890. — Калуга, 1891. — С. 6, 8, 9.
4. Осипова А.И. Миссионерская деятельность церковного братства преподобного Пафнутия, Боровского Чудотворца, среди старообрядцев (посл. четв. XIX — нач. XX в.) // Боровский краевед. — Вып. 3. — Боровск, 1993. — С. 35–42.
5. Отчет братства Иоанна Богослова за 1892 г. — Калуга, 1893. — С. 4; Краткий отчет братства Иоанна Богослова за 11 лет его существования. 1879–1890. — Калуга, 1891. — С. 58–59; Отчет братства Иоанна Богослова за 1893 г. — Калуга, 1894. — С. 15; КЕВ. —1901. — № 6. — С. 109; 1906. — № 10. — С. 171–180; 1906. — № 16. — С. 302.

Н.И. Пак
(Калуга)

Краеведение как составная часть обучения студентов-филологов (методический аспект)

В подготовке учителя-словесника, получающего фундаментальную гуманитарную подготовку, важны междисциплинарные связи, осуществить которые во многом помогает кружковая работа.

Работа кружка древнерусской литературы и истории в КГПУ им. К.Э. Циолковского ведется в разных формах: экспедиции по древнерусским городам; работа в краеведческом музее по описанию письменных источников, требующая палеографических навыков; экскурсии по городу и области.

Широта кругозора учителя-гуманитария, богатство и многообразие визуальных наблюдений, память, насыщенная яркими, светлыми образами непосредственных встреч с миром прекрасного, с удивительными людьми, служащими этому прекрасному, — все это залог профессионального мастерства. Важнейшая

задача работы кружка, особенно таких форм, как экспедиции и экскурсии, — научить видеть, приучить внимательно, чутко реагировать на все, что осталось от прошлых эпох, ощущать и понимать неразрывную связь прошлого, настоящего и будущего.

Калужский край достаточно богат памятниками культуры различных исторических эпох, что дает возможность на местном материале углубить и расширить знания учителя-гуманитария, способствует творческой инициативе. Работа может идти по двум важным направлениям: 1) нравственно-религиозные основы русского феодального общества и их традиции, развитие в мировоззрении и творческой деятельности представителей русской культуры и литературы XVIII–XIX вв., 2) русская усадебная культура как важнейшая составляющая формирования большинства русских писателей как «золотого», так и «серебряного» века.

Одним из самых значимых памятников для первого направления является Боровский Пафнутьев монастырь, из стен которого вышли такие выдающиеся деятели, как митрополит Макарий, Иосиф Волоцкий, а также с которым связана (правда, печальным образом) одна из драматических страниц русской культуры и литературы — старообрядчество. Памятники древнерусской культуры особенно важны в ходе изучения курса древнерусской литературы студентами-филологами. Надо признать, что освоение курса древней литературы первокурсниками идет весьма напряженно, чему есть ряд причин. Одна из самых печальных — это плохое знание истории Отечества. Кроме того, сами тексты древней литературы трудны для восприятия, т.к. требуется время, терпение для выработки навыка чтения. Времени же, как известно, всегда не хватает. А курс этот важен не только тем, что открывает собой изучение истории русской литературы, но и тем, что он охватывает огромный и основополагающий период развития всей отечественной культуры, и недопустимо, чтобы он прошел бесследно. Здесь на помощь приходят другие виды искусства: архитектура, живопись. Одно дело говорить о значении монастырей в русской культуре, а другое — приехать и неспешно его осмотреть. Причем не просто посмотреть, а тщательно подготовиться к встрече с памятником прошлого. Собираясь в такую поездку, студенты проявляют невероятный энтузиазм. Суть же всего как раз в предварительной подготовке, где работы хватает всем желающим: одни готовят материалы по истории монастырей на Руси, другие изучают именно Пафнутьев монастырь в разных аспектах: история

основания и особенности архитектуры; монументальные росписи Рождественского собора; житие Пафнутия и деятельность его учеников; роль монастыря как оборонительного сооружения и его героические страницы; пребывание здесь Аввакума и его сподвижников. Такая предварительная работа не только повышает интерес к памятнику, но и способствует лучшему восприятию его: живым, полнокровным образом запечатлеется он в памяти будущего учителя, который и своим ученикам захочет подарить радость постижения прекрасного.

Есть еще одна важная сторона подготовки студентов к экскурсии: они должны произвести отбор материала, над которым работали, суметь должным образом подать его слушателям. А это те навыки, которые прежде всего необходимы учителю-гуманитарию.

Будучи в Пафнутьевом монастыре, нельзя оставить без внимания с. Высокое с его деревянным храмом и, конечно же, сам Боровск. Эти объекты тоже требуют подготовки для их восприятия.

Так должна строиться работа и при подготовке к любой другой поездке, с учетом особенностей объектов будущих визуальных наблюдений.

Например, прежде чем ехать в Спасское на Угре, надо проработать тему шатрового зодчества на Руси, посмотреть слайд-фильм или хотя бы репродукции, воспроизводящие этот тип храмов. Тогда встреча с аналогичным памятником недалеко от Калуги приобретает большую значимость: Спасо-Преображенский собор XVII в. и стоящая рядом с ним церковь Введения XVII в. предстанут как часть интереснейшей русской художественной традиции. Готовясь же к поездке в Трубино, студенты-кружковцы должны уяснить для себя те историко-культурные процессы, которые происходили в России XVII в. Архитектурные памятники, которые они увидят, помогут им усвоить такие понятия, как «барокко», «узорочье» и др. Резкое же отличие архитектуры XVII в. от предшествовавшего периода будет способствовать пониманию тех изменений, которые происходили в русской жизни «переходного периода», подготовившего реформы Петра I.

Поскольку зрительные образы более впечатляющи, знакомство с памятниками древнерусского зодчества, несомненно, поможет студентам в изучении основных курсов. Н.П. Анциферов писал: «Мысля культуру данной эпохи как нечто органическое,

как бы живое, можно сказать: найти... "дух века"». Цель кружковой работы и состоит как раз в том, чтобы студенты умели находить пути к постижению «духа эпохи».

Столь же значимы такого рода поездки и для курса русской литературы XIX в. Памятником, свидетельствующим о развитии русского нравственно-религиозного мировоззрения, является Оптина пустынь. К вопросу о том, почему ездили туда наши великие писатели, почему вспоминали о ней писатели первой волны эмиграции, будущий учитель должен обращаться и должен дать ответ на него уже на студенческой скамье.

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к творческим поискам русских художников, к русской философской мысли, понять, что творчество наших писателей XIX в. тоже шло по пути религиозных исканий, почему многие из них и приходили к оптинским старцам. Здесь необходимо изучить историю возникновения старчества на Руси, его истоки и развитие. В ходе такой работы студенты придут к осознанию понятия «Святая Русь», когда эти слова будут восприниматься не просто как высокие речения, а когда за этим понятием будут видеть в конкретных образах долгий трудный путь России, путь национального духовного становления. Тогда и будущим своим ученикам они смогут объяснить, почему после потрясений революции и гражданской войны русские писатели первой волны эмиграции обратились в своих произведениях к тому же образу Святой Руси и сумели создать произведения непреходящей художественной ценности.

Таким образом, сойдутся концы и начала, сложится целостная картина в курсе истории русской литературы, и можно будет лучше ориентироваться в современных процессах литературной и культурной жизни.

Что касается русской усадьбы, то она весьма органично входит в намеченный путь кружковой работы. Тем более, что и здесь не все погибло, и Калужский край дает материал для изучения усадебной культуры. Конечно, первостепенным остается Полотняный Завод, но весьма существенны в интересующем нас аспекте и Авчурино, и Городня, и Грабцево, и другие усадьбы.

Такая комплексная работа кружковцев может помочь учителю-словеснику уловить «дух эпохи», понять суть ее идей, а значит, более точно, убедительно и интересно, с конкретными примерами рассказать о древнерусской литературе, о нравственных поисках Толстого или Достоевского. Работа на местном материале

способствует более интенсивному усвоению той огромной и разнохарактерной информации, с которой встречаются студенты-кружковцы в экспедициях по древнерусским городам. Необходимость же экспедиций для студентов-гуманитариев не вызывает сомнений.

Л.И. Потапова
(Калуга)

Пивоварение в Калуге

В Калужской губернии первые пивоваренные заводы появились при Михаиле Никитиче Кречетникове, который возглавлял Калужскую губернию с 24 августа 1776 г. по 9 мая 1793 г. Первым пивоваром был Фадей Астреев. Напиток, производимый на его заводе, так нравился Кречетникову, что когда он переехал в Киев, то вызвал туда Астреева для налаживания пивоваренного производства.

Полковник генерального штаба М. Попроцкий в «Материалах для географии и статистики Калужской губернии», изданных в 1864 г., писал, что пивоваренные заводы в губернии существуют лет девяносто. Получается, таким образом, что первый пивоваренный завод Фадея Астреева был построен в 1775–1776 гг. Дело оказалось прибыльным, и Астреевы более ста лет снабжали Калугу и губернию пивом и медом. Избыток пива вывозили в Киевскую, Орловскую и Черниговскую губернии.

После войны 1812 г. в Калуге были построены новые пивомедоваренные заводы. В 1818 г. новый завод построил Василий Астреев. Как видим, Астреевы варят пиво уже более 40 лет и стали потомственными пивоварами. В том же 1818 г. пивоваренный завод был построен еще одним калужским купцом — Иваном Осиповичем Масленниковым. Кроме этих заводов в 1820 г. в Калуге существовали заводы следующих купцов: Алтынникова, Акулова, Козлова и Селезнева. У последнего их было два. Пиво, как и ранее, кроме Калужской губернии, отправляли в Киевскую, Орловскую и Черниговскую. Видимо, калужские пивовары производили хороший напиток, пользующийся спросом в южных губерниях.

При императоре Александре Павловиче в Калуге варили пиво на десяти заводах, т.к. в казну платили более 60 тыс. руб. налога. В это время производство пива регулировалось государством. Каж-

дый пивовар имел право выварить 160 варей, или 11 520 ведер пива. «Варя» — котел на 72 ведра. С одной нормы платили 6 тыс. руб. котельных ассигнациями. Российское государство, особенно со времен Петра I, активно вмешивалось в экономическую жизнь страны, способствуя развитию производства. С 1825 г., при Николае I, произошло увеличение в 1,5—2 раза акцизного налога. Сделано это было с целью повышения доходной части бюджета, но привело к прямо противоположным результатам. Производство пива резко сократилось. Цена на бутылку пива возросла с 6 до 16 коп. Если в начале века в Калуге работали десять заводов, то к 1864 г. их осталось лишь четыре. Это пивоварни Ефима, Фадея и Ивана Астреевых и Масленникова, с производством 40 328 ведер пива. В 20-е гг. XIX в. в Калуге вываривали 115 200 ведер, а в 1864 г. — только 40 328. Итак, повышение акцизного налога на пиво заставило отказаться от его производства всех калужских купцов, кроме зачинателей этого дела — Астреевых и Масленникова. В 60-е гг. акцизный налог был понижен. Это привело к оживлению производства и предпринимательской деятельности.

В 1881 г. в Калужской губернии насчитывалось 13 пивомедоваренных заводов при 82 рабочих с производством на 76 400 руб. В г. Калуге пиво варили на заводах купцов: Астреева, Угрюмова, Масленникова и прусского подданного Битнера. На этих заводах работало 35 рабочих, с оплатою 10 руб. в месяц, они производили пива на 46 тыс. руб. Солод и ячмень все пивовары покупали в Калуге, хмель — в Москве и Риге, а Битнер за границей. Пиво и мед сбывались в Калуге. Пиво стоило от 80 коп. до 1 руб. за ведро, а мед — 1 руб. 20 коп. — 1 руб. 60 коп. за ведро.

Судя по переписи статистического отдела Калужской губернской земской управы за 1883 г., в г. Калуге пиво варили на фабрике Василия Астреева, основанной в 1818 г. На ней работало 8 рабочих, вываривали 4 770 ведер пива, 58 варен гущи и 212 ведер меда. Вся продукция стоила 6 195 руб., зарплата рабочих за год — 410 руб. Машин на фабрике не было, заведовал фабрикой сам владелец, рабочий день длился 10 часов в сутки, работали 8 месяцев в году. Аналогичным было предприятие купца Николая Николаевича Угрюмова, основанное в 1877 г. На нем работало 10 человек, 9 мужчин и 1 женщина, они производили продукции на 10 500 руб. Мужчинам в год платили 1 080 руб., а женщине — 60 руб. Рабочий день длился 10 часов. Работали круглый год, фабрика помещалась в каменном здании, заведовал ею сам владелец.

В 1818 г. было основано предприятие Ивана Осиповича Масленникова. Производственное здание было каменным, машин не имелось. Завод работал 8 месяцев в году. На нем трудились 9 часов в сутки 10 мужчин за 480 руб. в год на всех. Продавали пива и меду на 9 631 руб.

Четвертым пивоваренным заводом в 1883 г. был завод М.М. Фишера. Сведения о нем почему-то не попали в статистический отдел, и в деле [1] сведений об этом заводе нет. Нам очень хотелось отыскать эти сведения, т.к. Михаил Михайлович Фишер вытеснил всех калужских пивоваров, и в нач. XX в. в Калуге остался один пивоваренный завод братьев Фишер, сыновей Михаила Михайловича. С этим заводом, сохранившимся до наших дней, и связывают производство пива в Калуге. Завод был построен в 1875 г. орловским мещанином Адольфом Рудольфовичем Еже. В 1876 г. он уже значится в описи как действующий. Вероятно, А.Р. Еже нуждался в деньгах, т.к. в 1877 г. он сдал только что построенный завод в аренду прусскому подданному Карлу Битнеру [2]. Битнер купил у Еже этот завод, и до 1881 г. он считался заводом Битнера. В 1881 г. Карл Битнер привлекает к делу прусского подданного, проживающего в Смоленске, Михаила Михайловича Фишер и создает товарищество Фишер и Битнер в Калуге. В 1882 г. Фишер покупает завод у Битнера, переезжает с семьей в Калугу и вначале ведет дело как и все, т.е. производство остается ручным. До 1886 г. все четверо пивоваров: Астреев, Масленников, Угрюмов и Фишер — работают в Калуге. В 1885 г. под Калугой открывает пивоварню Иван Соколов. В 1887 г. среди пивоваров уже нет Астреева и Соколова. Зачинатели пивоварения в Калуге отказываются от своего дела [3].

Дела же у М.М. Фишера идут неплохо. В 1884 г. (13 ноября) он принимает русское подданство. К присяге он был приведен в присутствии вице-губернатора Калуги князя Н.П. Трубецкого, действительного статского советника И.А. Шимнинг, советника В.Н. Лаврова и надворного советника И.И. Розанова. В 1888 г. М.М. Фишер подает прошение в Городскую управу о разрешении постройки ручной мыловарни. Для этого он арендует помещение у Александры Ивановны Астреевой. Городской полицмейстер Трояновский сообщает, что здание каменное, печь для варки мыла будет устроена в подвальном помещении. В пожарном отношении препятствий нет. Прошение было подано 31 октября, а положительное решение этого вопроса состоялось 19 ноября 1888 г. Итак,

Фишер расширяет дело и начинает заниматься, кроме производства пива, еще и мыловарением [4]. По сведениям статистического отдела Калужского городского земства за 1889 г., в Калуге осталось лишь два пивоваренных завода: в I части 5-м квартале на Сальной улице завод купца II гильдии М.М. Фишера. Здесь производилось баварское пиво — на 64 тыс. руб., по 1 руб. за ведро, и мед — на 7 800 руб., по 1 р. 30 коп. за ведро. Всего было произведено продукции на 71 800 руб. На пивоваренном заводе имелась машина на конной тяге и трудилось 25 рабочих по 12 часов в сутки при заработке от 8 до 20 руб. помесячно [5].

Пиво М.М. Фишер продавал в городе и в Калужской губернии, а также в Тульской, Смоленской, Рязанской, Тамбовской губерниях [6].

В это время в Калуге остались два пивоваренных завода. О заводе Николая Николаевича Угрюмова, расположенного на Хлюстинской улице, мы уже писали. В 1889 г. у него работают всего 6 рабочих, и вырабатывается 7 000 ведер пива и 500 ведер меда на сумму 8 450 руб.

Ручное производство не устраивало калужского купца II гильдии М.М. Фишера. 30 апреля 1890 г. он просит разрешения на постройку паровой машины в 10 сил на его пивомедоваренном заводе и прилагает план необходимых пристроек и перестроек завода. Такое разрешение было получено 1 июня 1890 г. [7].

В мае 1891 г. Фишер опять пишет в Городскую управу и просит разрешить ему постройку мыловаренного завода и конторы на Пятницкой улице. Дело несколько затягивается, т.к. против постройки мыловарни возражает командир батальона, из-за расположенных рядом складов обоза. Он считал, что близость мыловарни угрожает складам пожаром [8].

В 1895 г. М.М. Фишер был в Германии. Поездка была связана с приобретением машин для своих заводов. Установка нового машинного оборудования требует новой перестройки завода. С очередной просьбой о перестройке завода М.М. Фишер обращается в Калужскую городскую управу 1 мая 1896 г. Он просит разрешения на постройку каменных ледников. Предполагает также надстроить третий этаж над 2-этажным корпусом и пристроить к нему каменное же помещение [9]. Завод в результате этой последней для М.М. Фишера перестройки приобретает знакомый нам облик. Установив машины, М.М. Фишер уже имеет, вместе с мыловарней и производством фруктовых вод, 35 рабочих. Становится понятным, почему к 1898 г. в Калуге осталось лишь два пивомедоваренных завода: Фишера и Угрюмова. Ручное производство не может соперничать с машинным.

В 1898 г. М.М. Фишер принимает участие в нижегородской выставке и награждается дипломом за свою продукцию. От Калужской губернии дипломами и медалями выставки были награждены 23 экспонента, и среди них М.М. Фишер [10].

К этому времени у него уже выросли три сына — Николай, Александр и Владимир. Они родились в России в г. Смоленске. Росли и учились в Калуге. Активно помогали отцу в производственных и торговых делах. А дела эти шли хорошо. Фишер попал в число богатых людей Калужской губернии. В списке плательщиков раскладочного сбора приводятся сведения об оборотном капитале, прибыли и самом сборе, составляющем 10 % от прибыли. Приведем некоторые данные за 1896 г.:

	Прибыль	Сбор	Оборот
Бреев Иван Иванович	1 650	165	33 000
Княгиня Голицына	1 500	150	30 000
Князь Оболенский	1 000	100	20 000
Домогацкий Алексей Николаевич	3 000	300	60 000
Фишер Михаил Михайлович	1 820	182	42 400 [11]

Итак, промышленная революция, начавшаяся в России в 30—40-е гг. XIX в. еще в рамках феодального общества, развивалась быстро благодаря помощи государства (снижение акциза), опыту, помощи и участию иностранного капитала.

В 1900 г. М.М. Фишеру исполнилось 64 года, трое его сыновей стали уже самостоятельными людьми 29, 25 и 24 лет. Они получили образование в Калуге в реальных училищах, прошли военную службу в Германии как прусские подданные, двое из них стали русскими подданными, завели семьи. Николай Михайлович Фишер принял русское подданство и приписался к калужскому купечеству II гильдии в 1892 г., а его младший брат Александр русского подданства не принял и стал хлопотать о нем, лишь когда разразился Балканский кризис и неумолимо приближалась Первая мировая война. В связи с этим в августе 1914 г. его прошение оставили без последствий, и в 1915 г. он как прусский подданный был выселен из Калуги в г. Чистополь Казанской губернии. Но в начале века все складывалось совсем неплохо для братьев Фишер. В 1896 г. их отец в третий раз перестроил завод и установил машины, привезенные из Германии в 1895 г.

Кризис 1900–1903 гг., разразившийся во всем мире и в России, позволил заводам братьев Фишер из-за многосортиментности производства (пиво, мед, мыло, искусственные минеральные воды и глицерин) выжить в конкурентной борьбе и остаться единственными пивоварами в Калуге. С 1903 г. о производстве Н.Н. Угрюмова не пишут ни памятные книжки, ни адрес-календари Калужской губернии. В отчетах о промышленности указывается, что в г. Калуге существует один пивомедоваренный завод братьев Фишер. В условиях кризиса 1900–1903 гг., революции 1905–1907 гг. российская промышленность переживала спад производства. Братьям Фишер, чтобы сохранить успехи, достигнутые отцом, — а производительность труда на пивоваренном заводе Фишер была в два раза выше, чем у его конкурентов, — пришлось подумать о новых сортах пива. Михаил Михайлович варил баварское [12], а братья варят, судя по рекламе: баварское, бархатное, кабинетное, столовое, мюнхенское, кульбахское, т.е. шесть сортов; самое дорогое, кульбахское, стоило 1 руб. 40 коп. за ведро, самое дешевое, баварское, — 1 руб. 20 коп. за ведро, а остальные — по 1 руб. 30 коп. [13].

В Памятной книжке Калужской губернии за 1905 г. отмечено, что на пивомедоваренном заводе Фишер работали 36 человек, на мыловаренном — 9, в производстве фруктовых и минеральных вод — 6 рабочих. Всего на заводах Фишер в 1904–1905 гг. работали 51 человек (14).

Комиссии котлнадзора, санитарные, по весам и другим механизмам отмечали, что все машины, паровые котлы, весы «Хронос» и другие устройства находились в полной исправности.

В 1911 г. на заводе братьев Фишер работали 32 рабочих. Мыловарением занимались 10 рабочих, сумма производства составляла 12 680 руб. [15]. Кроме пива и мыла, на заводах братьев Фишер производились напитки: игристый, фруктовый, клюквенный, ягодный, а также воды: фруктовая, ягодная, содовая, сельтерская. Мыла производилось 11 наименований: сырое, желтое (II сорт), красно-мраморное, желтое (I сорт), голубое, казанское, кокосовое, миндальное, цветочное, пемзовое, дегтярное, карболовое, глицериновое. Производили и глицерин.

Наличие машин, конкуренция, стремление завоевать рынок, обеспечить стабильность производства и прибыли заставили братьев значительно расширить ассортимент всей продукции. Расширяют они и свои связи в России и за границей. Хмель традиционно покупали в Баварии. Имели торговые связи не только в близко

расположенных губерниях: Тульской, Смоленской, Рязанской, Тамбовской, но и в Астрахани, Тифлисе.

Реклама за 1910 г. изображает награды на выставках за качественную продукцию. Перечисляются годы: 1892, 1893, 1895, 1896, 1906-й. В архиве удалось найти документ, подтверждающий полученные грамоты за участие в Нижегородской выставке в 1898 г. Калужские купцы выснили, что в рекламе приводятся неверные данные о медалях, и решили подать на братьев в суд. Думается, что это было не просто проявление человеческой зависти к преуспевающим соперникам, ведь в эти годы в Калуге не было других пивоваров. Может быть, это щепетильное отношение к чести купца, предполагающее безусловную честность, в том числе и в рекламе.

Налаженное производство обеспечивало братьям безбедное существование. Они были людьми активными. Увлекались велогонками, жертвовали в пользу города ежегодно около 300 руб. Пользовались уважением среди купечества и горожан. Сам Михаил Михайлович и его младший сын Владимир, сразу двое из семьи Фишер, были избраны в городскую думу в 1906 г. и прослужили в ней весь срок — 4 года. В это же время они входили и в другие общества, как-то: Общество бережения от пожаров, Попечительное общество о работном доме братьев Малютиных, Общество ревнителей о народном благе и т.д. [16].

В 1911 г. Михаил Михайлович Фишер, за особенно крупное пожертвование Калужскому обществу ревнителей о народном благе в память 1812 г., был удостоен звания «Почетный гражданин г. Калуги» и стал пожизненным почетным членом этого общества [17]. Почетное личное гражданство не распространялось на других членов семьи, но оно говорило об уважении города к личности и семье этого человека, его авторитете, влиянии в городе.

На средства пожертвователей был построен Народный дом в память войны 1812 г., также к этой дате был выпущен сборник документов об участии жителей г. Калуги и губернии в войне 1812 г.

Народный дом не сохранился до настоящего времени, он был разобран в 1971 г., и на его месте построен концертный зал [18].

Состояние семьи Фишер складывалось из владения заводами: пивомедоваренным, мыловаренным, фруктовых вод, — пивными лавками, складами и жилыми домами. Жилые дома находи-

лись на территории завода по ул. Сальной (ныне ул. Труда), Благовещенской (ныне ул. Московская, 18), там же помещался и склад. Пивные лавки имелись на ул. Воробьевка, Облупская, Сальная, Благовещенская, а к 1914 г. почти все пивные заведения города (их было 11) принадлежали братьям Фишер. Кроме того, они имели пивные лавки и склады в Полотняном Заводе, на станции Суходрев, в д. Слободка, в Малоярославце и других селах и городах губернии [19]. В 1914 г. их имущество было оценено в 124 922 руб. 12 коп. [20]

Примечания

1. ГАКО, № 38, ф. 58, оп. 18.
2. ГАКО, ф. 24, оп. 1, ед. хр. 11, лл. 84 об., 93.
3. ГАКО, ф. 24, оп. 1, ед. хр. 11, лл. 125, 129, 133 об., 138.
4. ГАКО, ф. 62, оп. 17, ед. хр. 1702, лл. 1–3.
5. ГАКО, ф. 58, оп. 2, ед. хр. 170, лл. 1–1 об.
6. Там же.
7. ГАКО, ф. 62, оп. 17, ед. хр. 1767, лл. 1–5.
8. ГАКО, ф. 62, оп. 17, ед. хр. 1787, лл. 1–10.
9. ГАКО, ф. 62, оп. 78, ед. хр. 1968, лл. 1–4.
10. ГАКО, ф. 32, оп. 2, ед. хр. 629, лл. 5–6.
11. ГАКО, ф. 32, оп. 4, ед. хр. 205, лл. 1–10 об.
12. ГАКО, ф. 58, оп. 2, ед. хр. 170, лл. 1–1 об.
13. Памятная книжка Калужской губернии. — Калуга, 1910.
14–17. То же. — Калуга, 1905, 1913–1917.
19–20. ГАКО, ф. 69, оп. 1, ед. хр. 195, лл. 25–28; ф. 86, оп. 4, ед. хр. 174.

О.Л. Роганова
(Москва)

Общественно-политические корреспонденции Н.А. Мельгунова в русских и европейских газетах (1830–1860-е гг.)

Многогранный контекст действительности требует переосмысления — воссоздания новой панорамы России. И долг каждого исследователя — внести свою лепту в этот процесс. Этого и придерживается автор данной работы, обратившись к жизни и творчеству одного из представителей передовой общественно-литературной интеллигенции XIX в., найдя точки пересечения, прослеживая порой неожиданные сопоставления, восстанавливая взаимовлияния внешне далеких сфер и разворачивая ткань научного исследования в современную плоскость.

Николай Александрович Мельгунов родился в феврале 1804 г. в имении отца Петровском Ливенского уезда Орловской губернии, на территории бывших владений «верховских» (верхнеокских) князей — Верховских княжеств, образовавшихся в верховьях Оки во 2-й пол. XIII — 1-й пол. XVI вв. Мельгунов был единственным ребенком в состоятельной семье, происходившей из старинных дворянских литовско-русских родов.

Дворянский род Мельгуновых [1] был известен древним родословцам с XIII–XIV вв. — со времен областного деления и местного управления Литовско-Русского государства и формирования боярской аристократии в России. Источники подтверждают происхождение рода от выходца из Литвы Яна Мингайло-Мингалева, который при выезде оттуда и переходе в Московское великое княжество принял русские имя и фамилию «Иван Мельгунов». В некоторых источниках встречаются и другие созвучные имена, например, Минкгайловичи: «...воевода Троцкий пан Петр Янович (1491–1497) выезжал разбирать на месте земельную тяжбу бояр жижморских Минкгайловичей и Едятовичей с другими боярами и лейтями жижморскими криванчанами». Записи польского короля Казимира и некоторые более современные исследования упоминают интересующее нас имя вместе с родом великого князя Гедимина, многие потомки которого въехали в Россию в кон. XV — нач. XVI в. Отсутствие посольских книг и других более точных документальных источников затрудняет дальнейший поиск, однако ясно, что это имя было известно в довольно продолжительный период времени в связи с пограничными войнами и перераспределением литовско-русских владений.

Род Мельгуновых внесен во 2, 3, 6-ю Родословные книги двенадцати губерний России: Вологодской и Казанской, Московской и Курской, Новгородской и Нижегородской, Рязанской и Симбирской, Санкт-Петербургской и Саратовской, Тверской и Ярославской.

Имя Мельгуновых было известно и в XVII-м, и в XVIII-м, и в XIX-м, и в XX вв. [2–6].

В данной работе речь идет о представителе Мельгуновых XIX в. Н.А. Мельгунове, и лишь об одной из сторон его многогранной деятельности — публицистической, причем рассматривается только сотрудничество его в отечественных и зарубежных газетах в течение 1830–1860-х гг. Сотрудничество же Мельгунова в журналах — тема другого исследования.

Анализируемый период времени (1832–1864 гг.). распределен по следующим рубрикам:

1) по названиям газет — русских и зарубежных;

2) по хронологическому принципу;

3) по тематико-проблемному принципу;

4) по принципу сопоставительного анализа с современниками Мельгунова, сотрудничавшими в тех же газетах;

5) по принципу комплексного анализа взаимовлияний.

Из названий газет привлечены следующие: «Молва» (1832–1834 гг.), «Литературные прибавления к "Русскому Инвалиду"» (1838–1839 гг.), «Московские ведомости» (1847 г.), «Колокол» (1858 г.), «Санкт-Петербургские ведомости» (1861 г.), «Наше время» (1860–1862 гг.), «Голос» (1863–1864 гг.).

В «Молве», газете мод и новостей, издаваемой при «Телескопе», в 1832–34 г. было опубликовано два произведения Н.А. Мельгунова: первое, в 1832 г., — это отрывок из романтической поэмы в стихах «Калмыцкий пленник» (пока единственное из обнаруженных свидетельств обращения автора к стихотворному жанру), написанный в соавторстве с Н.В. Станкевичем и подписанный двойным псевдонимом «Z...Z...», и второе, в 1834 г., — статья обзорно-информационного характера «О музыкальных вечерах г. Гебеля». И первая, и вторая публикации — начало больших, интересных для автора тем, однако продолжений не последовало [7].

Сопоставительный анализ образов главных героев является предметом отдельного исследования, тем не менее в данной работе необходимо отметить, что «Калмыцкий пленник» и по названию, и сюжетно-композиционно близок многим произведениям русской и европейской литературы, несомненно, знакомым Мельгунову и Станкевичу: это и «Кавказский пленник» Пушкина и Лермонтова, и поэмы А.А. Бестужева-Марлинского, В.В. Капниста, И.И. Козлова, и др. В «Калмыцком пленнике» — небольшом отрывке — отражена традиция романтической русской поэмы: наличие вставных эпизодов; введение этнографического материала. Бросается в глаза и сходство главного героя — Этьена с героями произведений Пушкина (Евгений) и другими русскими и европейскими образами: «Этьен и бледный и печальный, расставшись с Питером, летит — бубенчик, будто сон прощальный, протяжно в слух ему звенит... "Куда несусь теперь судьбою? В пустой, далекой стороне, в разлуке, милая, с тобою какой искать отрады мне?"

Он скачет вдаль — дожди и грозы, и ветер, молния и все... Над ним бушуют — льются слезы... И вдаль катится колесо».

В «Литературных прибавлениях к "Русскому Инвалиду"» в 1838–1839 гг. опубликованы статьи Мельгунова о выдающихся ученых Ф. Шеллинге, А. Гумбольдте и Э. Гансе, с которыми автор был знаком лично, — и о торжествах в Майнце: «Шеллинг», «Э. Ганс», «Барон А. Гумбольдт», «Празднества в Майнце...», «Журнальные выдержки» [8]. Некоторые из этих статей, прежде чем попасть на страницы русских периодических изданий, были напечатаны в зарубежных, в частности статьи о Шеллинге и Гумбольдте.

В статье «Журнальные выдержки» Мельгунов говорит о самостоятельном пути развития отечественной литературы, противопоставляет «литературных промышленников» «истинным литераторам» (Баратынский, Вяземский, Гоголь, Павлов, Хомяков, Языков), упрекает их в «неизвинительной апатии», приводит в качестве образца Пушкина, соединившего «с высоким саном поэта... и почетное звание литератора, которого перо, выделывая, как легкий резец, изящные формы из мрамора русского языка, вместе и палашом обрушивалось на головы незваных наездников».

Из зарубежных публикаций Мельгунова кон. 1830 — нач. 1840-х гг., помимо статей о «великих ученых мира», следует упомянуть его переводы из произведений русских писателей, например, из «Записок сумасшедшего» Гоголя, а также наиболее значительную работу в одной из немецких газет — «Русская литература в ее нынешних направлениях», в которой автор связывает в единый процесс общеевропейские тенденции и развитие современной ему новейшей русской литературы.

В «Московских ведомостях» в 1847 г. публиковались и статья Мельгунова «Берлиоз и его музыкальные произведения», и ответ Шевыреву [9], в которых автор защищал национальное направление в русской музыке, «согласно с характером, духом народа».

Деятельность Мельгунова-публициста останется неосвещенной, если не упомянуть о его сотрудничестве в зарубежных, и прежде всего в герценовских, изданиях, в «Колоколе» и «Полярной звезде». Так, приобрели известность три статьи Мельгунова, сначала в списках, а затем напечатанные Герценом в сборнике «Голоса из России»: «Мысли вслух об истекшем тридцатилетии России», «Приятельский разговор», «Россия в войне и

мире», — а также переведенные Мельгуновым с французского на русский работы М.С. Лунина «Взгляд на тайное общество в России» и «Письма из Сибири». Кроме того, до сих пор нет единого мнения относительно авторства статей «Права русского народа», «Русские в Париже в 1858 г.», «О положении евреев в России», опубликованных в «Полярной звезде» и «Колоколе» в кон. 1850-х гг. [10].

В начале 1860-х гг., вернувшись в Россию, Мельгунов систематически печатается в одной из самых популярных тогдашних газет — «Нашем времени», которую издает его давний друг Н.Ф. Павлов, в суконную фабрику которого он вложил когда-то все свое состояние, оставшись без средств.

В 1860–1862 гг. в этой газете было опубликовано более двадцати статей и заметок Мельгунова, в частности: «Первый шаг на берег Родины», «Бить ли не бить?», «Кое-как», «Уважение к труду и опрятность», «Барство», «Верхушки», «Фантазии», «Сибирская язва (хроническая)», «Миниатюрное государство», «Притча и нравоучение», «Месяцеслов на 1861 год», «До Рязани», «Приятности общественной жизни», «Отмена крепостного права в России», «О нравственных последствиях отмены крепостной зависимости», «Исторические восстановления», «Из каких средств учредить русскую консерваторию музыки» и, наконец, две огромные статьи: «Что такое общественное мнение?» и «Польский вопрос» [11].

Так, в статье «Что такое общественное мнение?» автор следующим образом отвечает на поставленный в заголовке статьи вопрос: «...где развитие, там и история. История людей есть вместе история общественного мнения... Обязанность каждого из нас — строго следить за возникающим и образующимся мнением в России, да помогать ему по мере сил вступить на правильный путь, без увлечения в неизвестную даль и без уклонений в сторону. Но особенно это есть обязанность нашей журналистики как единственного у нас орудия гласности. Из каплей образуется река; из частных голосов образуется общий голос... Господствующее общественное мнение во всех важных вопросах должно слышаться твердо и полновесно посреди частных голосов, которые не только не ослабляют его, но, поддерживая, усиливают».

В статье «Польский вопрос» Мельгунов «протягивает руку братьям-полякам на общее миротворное дело», возлагая надежды на наилучшего советчика — рассудок, который «рассеет вражду и свяжет нас братским союзом».

В анализируемых статьях этого небольшого, но плодотворного периода находят отражение множество вопросов и ответов тогдашней общественной и культурной жизни России и Западной Европы, государственной политики. Автор радостно принимает и приветствует освобождение крестьян от крепостной зависимости — реформу 1861 г., предвосхищая пробуждение народа от векового сна и надеясь, что очень скоро и помещики «расцветут душой».

В том же году Мельгунов публикует в столичной газете «Санкт-Петербургские ведомости» цикл из двенадцати очерков под названием «Письма с дороги» [12], тесно связанный со статьей «До Рязани», в котором поднимает вопросы русского общественного самосознания, говорит о царящем вокруг «общественном недуге», охватившем «все сословия... все общества, все села, все концы нашего обширно-любезного отечества», — «всероссийской обломовщине»; касается он и характерных черт простого русского человека, и последствий раскола сословий, разрыва Руси с Россией, нравов и обычаев русских.

Творческая деятельность Мельгунова 1850–1860-х гг. отличается не только сближением его с такими известными деятелями отечественной культуры, как К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин, И.С. Тургенев, И.С. Аксаков и др., но и проявлением в его многочисленных, в частности газетных, публикациях зрелого таланта публициста, что и являлось, по мнению Б.Н. Чичерина, истинным призванием Мельгунова, писавшего свои общественно-политические корреспонденции «умно, последовательно, живо».

Статьи самого Б.Н. Чичерниа тех лет [13] на политические темы во многом, если не во всем, созвучны мельгуновским, и даже могут рассматриваться как единый комплекс политических корреспонденций 1860-х гг., в частности статьи Чичерина в «Нашем времени» за 1862 г.: «Мера и границы», «Русское дворянство», «Что такое среднее сословие?», «Москва: 21 января», Москва: 27 января», «Что такое охранительные начала?».

Так, в статье «Мера и границы» Чичерин также поднимает вопрос о сопоставлении русского общественного сознания и европейского, «мельгуновский» вопрос: «Отличительное свойство русского ума состоит в отсутствии понятия о границах. Можно подумать, что все необъятное пространство нашего Отечества отпечаталось у нас в мозгу... В этом отношении западный человек имеет перед нами огромное преимущество». Вспомним в этой связи статьи Мельгунова «Письма с дороги», «Первый шаг на берег Родины» и др.

24 Зак. 784

Б.Н. Чичерин, как и Н.А. Мельгунов, призывает «выучиться читать и понимать то, что читаем», иначе, по его словам, «не выбиться нам на разумный путь». Говоря о мерах и границах, «потребных просвещенному обществу», о необходимости просвещения народа и роли в этом вопросе русского дворянства и духовенства, и Мельгунов, и Чичерин отмечают ведущее положение общественного мнения: «Каждый народ имеет свой дух, свои жизненные условия, свое строение, которое вырабатывается и изменяется исторически. Общественное мнение должно носить в себе сознание этих условий...», лишь при этом возможно в России «мирное и правильное развитие общества».

Статьи Чичерина «Русское дворянство» и «Что такое среднее сословие?» неслучайно были опубликованы Н.Ф. Павловым именно со статьями Мельгунова, в одном и том же году и в одной и той же газете. Читатель имел возможность не только сопоставить суждения авторов, но и еще глубже вникнуть в суть наболевших общественно-политических вопросов и проблем, еще яснее понять, что «при настоящих условиях русской жизни, дворянство остается не стариком, доживающим свой век, и не жертвою, ожидающей своего заклания от окрепшего среднего сословия. Нет, оно призвано играть значительную роль в судьбах России. Сумеет ли оно ее исполнить — за это никто ручаться не может...»

Этим же вопросам посвящали свои статьи в газетах тех лет и другие авторы, в России и за рубежом, но ярче и лучше остальных давали ответы на поставленные эпохой вопросы именно Н.А. Мельгунов и Б.Н. Чичерин, а также С. Соловьев в российских газетах и А.И. Герцен — в европейских.

1863–1864 гг. в который уже раз переносят Мельгунова в Европу. В газете «Голос», общественным корреспондентом которой являлся в те годы Мельгунов, напечатано множество его статей, очерков и обзоров [14], подписанных одной буквой: М. Интересно, что статьи эти шли не только из Германии, но и из Италии. Некоторые из них вообще без подписи. Но язык и стиль Мельгунова узнаваем, и читатель, несомненно, был заинтересован многими его материалами, такими как: «Жизнь на прирейнских водах», корреспонденциями из Франкфурта и др. Из этих публикаций современный исследователь, в частности, может узнать некоторые подробности его биографии, взаимоотношений с отцом, его знакомства с европейскими столицами

и маленькими городишками, а также отношение автора к таким вопросам, как необходимость телесных наказаний дома и в учебных заведениях; трудоемкость восстановления и реставрирования древностей; своевременность открытия «во мраке времен и в архивной пыли существования когда-то знаменитого, но неведомого широким массам», «погасшего, словно метеор» и др.

«Когда я, в первой юности, был с отцом в Париже, мы ездили, между прочим, на монмартрские высоты, как за тем, чтоб ознакомиться с достопамятной для русских исторической местностью, так и для осмотра тогдашних сигнальных телеграфов. Их устройство очень замысловато...» И Мельгунов, с детских лет ознакомившись с их «тайнами» и убедившись, что «подобный механизм существует и теперь между кабинетами и кабинетцами в Германии», — пишет в своей последней французской статье, что именно благодаря такому устройству телеграфа «маленькие государства поставлены между двух огней — революцией снизу и революцией сверху, между повторениями 1848 либо 1806 и 1815 годов...» Читателю излишне было бы напоминать, что именно в те годы происходило в Европе. Прощаясь с читателями «Голоса», Мельгунов подводил итог своей деятельности и жизни «перелетной птицы» и настаивал на пристальном изучении Европы и, конечно, Германии: «Мы, русские, прежде всего должны основательно знать Германию как соседнюю нам страну и как нашу учительницу во многом».

Таким образом, собранные и рассмотренные газетные статьи Мельгунова охватывают немногим более 30 лет — почти всю жизнь этого незаурядного «европейского русского» — писателя, публициста, композитора, музыкального и литературного критика, о котором многие из знавших его лично могли бы сказать словами К.А. Фарнгагена фон Энзе: «Умный, незаурядный, русский, очень русский, но такой, какими хотела бы их видеть Германия».

Н.А. Мельгунов верно и четко представлял себе вектор исторического развития, обосновывая приверженность свою к постепенным реформам в эпоху «великих вопросов», требующих «практического разрешения»: «Когда же в народе вкоренится чувство законности, то какие последствия, прямые и косвенные, выйдут оттуда в свою очередь... Еще немного лет... и как развернется народный дух, какие песни польются из гортани, с какой удвоенной ревностью возьмется русский человек за грамоту, за на-

уку, за хозяйство или промыслы! А когда... и духовенство... вполне сделается нравственным просветителем народа, — какие высшие интересы разовьются в его очищенном, облагороженном уме... Да, времена спешат, человечество летит на парах, и мы, дождавшись отмены крепостной зависимости, скоро доживем и до ея светлых результатов».

И теперь, спустя почти полтора столетия, поднятые им вопросы отвечают и нашим реалиям. Это ли не свидетельство того, что Н.А. Мельгунов выдержал экзамен и в свое, и в наше время, что ему удалось силой слова встать в «первый эшелон» общественных деятелей нашего Отечества, во имя блага которого он и отдал бескорыстно всего себя.

Едва ли не каждая из газетных публикаций Мельгунова рассматривается им на фоне родных с детства земель Центральной России — Верхнего и Среднего Поочья, обнаруживает причастность автора к важнейшим событиям русской культуры, делая его одной из значительных фигур общественно-литературной жизни России 1830–1860-х гг. [15].

Примечания

1. Гербовник. I. — С. 65.
2. Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. — Т. 2. — Вып. 4–5. — Пг., 1918. — С. 100.
3. Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовско-русского государства ко времени издания Литовского статуса. — М., 1892.
4. Базилевич К.В. Внешняя политика русского централизованного государства. — М., 1952.
5. Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. — М., 1975.
6. Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. — М., 1962.
7. Молва. — 1832. — Ч. 4. — № 75. — С. 297–298; 1834. — Ч. 8. — № 24. — С. 355–356.
8. Литературные прибавления к «Русскому ивалиду». — 1838. — № 8–11; 1839. — № 1.
9. Московские ведомости. — 1847, 3 апр.
10. Колокол. — 1858, 15 марта; 1859, 1 марта.
11. Наше время. — 1860–1862. — № 28–30, 33, 37, 38, 42–44, 48; 1861. — № 5–21; 1862. — № 22, 24, 43.
12. Санкт-Петербургские ведомости. — 1861, 18 июля — 4 окт.
13. Голос. — 1862. — № 1. — С. 3, 2–5, 6–11.
14. Голос. — 1863–1864. — № 84, 18 сент.; 16 (28) марта.
15. Русские писатели. 1800–1917. — Т. 3: (К–М). — С. 572–576.

Г.Б. Сафонова
(Калуга)

Некоторые аспекты изучения истории калужского купечества

Историю русского народа невозможно представить без изучения всех его социальных слоев, в том числе и среди городского населения. История и культура такой значительной части русского городского населения, как купечество, изучена еще далеко не полностью. Не составляет исключения в этом плане и купечество Калужского края. В литературе XIX и нач. XX столетий был накоплен определенный материал, но в последующие годы исследования продолжены не были, лишь в связи с упоминанием памятников архитектуры звучали отдельные факты или имена. Усилившийся же в последнее десятилетие интерес к истории различных сословий коснулся этой темы лишь частично. В то же время состояние источников позволяет изучить на региональном материале различные аспекты развития этого социального слоя в историко-культурном и этнографическом плане.

Видимо, нет необходимости пытаться найти начальную точку отсчета истории калужского купечества: такой сложный процесс, как формирование сословия, занимает довольно длительное время. Поскольку распределение купечества по городам края было неоднородным, с преобладанием в Калуге, то в данном случае мы будем опираться на материалы, связанные с этим городом.

Наиболее ранние из известных письменных источников, характеризующих городскую хозяйственную жизнь первой трети XVII в., такие как писцовые книги, дают любопытные сведения о занятиях посадского населения, кормившегося в основном ремеслами и торговлей. После лихолетья Смутного времени в Калуге числились только «средние и молочшие люди» по уровню состояния и отсутствовали «лучшие». В перечне владельцев дворов легко читаются фамилии, ставшие хорошо известными как купеческие в последующие века [1].

Социальный состав городского населения этого времени, занимавшегося торговлей, был довольно разнообразен: стрельцы, ремесленники, крестьяне, казаки — и пополнялся различными, иногда довольно сложными путями. Значительную конкуренцию городу составляло вотчинное с. Спасское-Новое на Киевке,

в котором, судя по челобитной калужан 1625 г., в это время «живут многие торговые люди, всякими товарами торгуют и всякие промыслы промышляют, и в лавках сидят, а тягла с посадскими людьми никакого не тянут». Многолетняя тяжба закончилась тем, что в 1649 г. все жители села, по количеству дворов не уступавшего городу, были переведены на посад в Калугу [2]. В это же время Уложением 1649 г. были введены ограничения на оптовую торговлю «пашенных крестьян» в городах. Им предписывалось «впредь лавок и погребов, опричь государевых тяглых людей, никому не держати». Благоприятно для торговых посадских людей складывалась и внешнеполитическая обстановка. После 1654 г. им стал доступен внутренний рынок Украины, что на долгое время определило одно из направлений и структуру товарооборота калужского купечества.

Одним из наиболее энергичных представителей этого сословия во 2-й пол. XVII в. был Семен Дехтерев. В кон. XIX столетия был опубликован интересный семейный архив этого рода, проживавшего в Калуге с сер. XVII до нач. XIX в. [3]. Анализ документов, относящихся ко 2-й пол. XVII в., дает пример недифференцированного «предпринимательства», характерного для того времени. Семен Дехтерев не только вел торговлю москательными товарами в городе, но и построил мельницу на арендованной земле на р. Суходрев, а также через доверенных людей закупал скот в украинских городах; не пренебрегал он и ростовщичеством, давая деньги в долг под залог имущества или под поручительство влиятельных людей. Документы дают представление не только о хозяйственной деятельности — лавках и дворах «с хоромными строениями», но и о составе семьи, имуществе, семейных иконах. Разумеется, Дехтеревы были не одни из тех, кто вел дело с широким размахом. Благодаря сохранившемуся до наших дней каменному жилому городскому дому кон. XVII в. известно имя влиятельных торговцев Коробовых. Этот дом, овеянный легендами, с многочисленными перестройками, привлекал внимание исследователей еще с кон. XIX столетия, в основном с точки зрения древнерусского зодчества [4].

Источники преимущественно сохранили сведения о наиболее состоятельных торговых людях XVII в., гораздо меньше известно о небогатых горожанах. Однако без учета различных имущественных групп внутри сословия наше представление о купечестве этого периода было бы далеко не полным.

Восемнадцатый и первая треть XIX в., бывшие временем наибольшего размаха в деятельности калужского купечества, оставили нам немало материалов по истории этого сословия. Отдельного исследования заслуживает вопрос о роли купечества в развитии мануфактурного производства в крае. Начало экономических преобразований петровской эпохи застало русское купечество в состоянии «рассыпанной храмины». Для их успешного проведения государству было необходимо надежное тягловое сословие и надежные поставщики казны. Взор правительственной политики был обращен на купечество, сумевшее к этому времени на оптовой торговле составить немалые капиталы. Высокие протекционистские тарифы на иностранные товары и обширный рынок сбыта, в связи с преобразованиями в армии и флоте, создали благоприятные условия для этого. Заказы казны дали мощный толчок развитию парусно-полотняного производства в крае, и вплоть до нач. XIX в. Калужская губерния была одним из основных поставщиков этого товара в казну и на экспорт. В литературе по истории края в этой связи чаще упоминается имя Гончаровых, хотя в этом же производстве были известны и другие купеческие семьи (Билибиных, Торубаевых и др.). Развитие кожевенного и щетинного производства было связано с посреднической торговлей скотом, в этом деле были известны семьи Фалеевых и Грибановых. Кафельное производство опиралось на наличие местного сырья. Состояние источников позволяет в общих чертах представить внешний вид этих «промышленных заведений», по сути дела мастерских, их место расположения, невысокий технический уровень, способы поступления сырья и направления сбыта. Также необходимо рассмотреть взаимоотношения владельцев и рабочих мануфактур, исходя из реалий того времени и тогдашнего уровня социально-экономического развития общества. Если в 1-й пол. XVIII в. купечество неоднократно обращалось к правительству с проблемой рабочих рук, с тайными помыслами о владении крепостными, то позже преимущества вольнонаемного труда становились все более очевидными.

Однако даже в период расцвета мануфактурного производства основным занятием калужского купечества оставалась торговля в различных ее формах, хотя часто в хозяйственной деятельности конкретного человека они четко не различались. Сведения об основных направлениях торговли, структуре товарооборо-

та в XVIII в. дают немногочисленные, но ценные исследования XIX и нач. XX столетий, касающиеся истории края, в том числе и некоторые неопубликованные рукописи краеведа Д.И. Малинина [5].

В сер. XVIII в. различные сословия России получили возможность громко заявить о своих «нуждах и отягощениях» в связи с созданием екатерининской «Комиссии по сочинению проекта нового Уложения». Так, в 1766 г. раздался коллективный голос калужского купечества. «Депутатский наказ» за подписями 75 лиц, который представил в Комиссию выборный первостатейный купец Иван Яковлев сын Юдин, отразил стремление купечества расширить свои экономические права. В «Наказе» явно прослеживается довольно энергичная попытка отсечь конкурентов из других сословий в занятиях торговлей и фабричным производством. Прежде всего это относилось к крестьянству: «Купечество не нуждается, чтоб мешалось оное крестьянство, которые приходя в город мешаются в разные, принадлежащие купцам торги, а иные отваживаются делать разные переторжки, что купечеству несносная обида есть» [6]. Взаимоотношения купечества и крестьянства, складывавшиеся довольно сложно на протяжении всей истории этих сословий, еще не изучены в полной мере. Отметим лишь, что под давлением купечества в законодательстве с кон. XVII и вплоть до нач. XIX в. вступление крестьян в гильдии оговаривалось целым рядом сложных условий.

Очень осторожно в «Наказе» калужское купечество высказывалось против конкурентов из дворянства: «...разные партикулярные люди завели много железных заводов». В этом случае в жалобах на притеснения удачно использовался в своих интересах тезис о «государственной пользе», которая из-за конкурентов якобы потерпит убыток.

Во многих статьях слышны громкие просьбы освободить или облегчить различные повинности, такие как постой войск, соляные и винные откупа, исполнение полицейских обязанностей и др. Отчасти эти жалобы были и не беспочвенны, правительство само неоднократно отмечало, что «общественные службы в городах весьма обременительны». Государство на протяжении долгого времени относилось к купцам как к людям, совершавшим свои дела как бы в порядке обязательной службы государству, соответственно этому действовали и местные органы власти.

В Калужском крае с преобладающим крестьянским населением численность купечества была невелика, но его удельный вес в социально-экономической жизни городов был достаточно большим. Одно из проявлений этого — городское самоуправление, которое почти полностью находилось в руках купцов. Городские головы традиционно избирались из этого сословия, так же как гласные Городской думы, чему в немалой мере способствовала существовавшая избирательная система. В делах городской жизни купечество брало на себя представительство интересов другого городского сословия — мещан, с которыми, в отличие от других сословий, отношения складывались спокойно на протяжении длительного времени. Названные два сословия как бы дополняли друг друга, при неблагоприятных условиях купцы переходили в мещанство, и, наоборот, часть мещан, разбогатев на мелочной торговле, вступала в гильдии. К теме городского самоуправления внимание исследователей привлекала в основном правительственная политика, анализ Городовых положений и избирательной системы [7]. На местном же уровне эта тема изучена мало, хотя архивные материалы в определенной мере позволяют это сделать, особенно в отношении XIX в.

Намного меньше, чем о хозяйственной или общественной деятельности купечества, нам известно об образе жизни, обычаях, традициях и культуре различных групп этого сословия. До наших дней сохранились, хотя и не в полном виде, некоторые городские усадьбы, отдельные особняки и рядовые жилые дома XVIII–XIX вв., причем некоторые из них «подписаны» в прямом смысле слова. В таком своеобразном явлении проявился один из аспектов социальной психологии сословия, старавшегося в вопросах честолюбия не отстать от дворянства: свой вензель, за отсутствием фамильного герба, ставили на фронтонах домов не только состоятельные купцы. Интересные результаты могло бы дать изучение усадеб и отдельных домов в этнографическом плане, как хозяйственных и жилых комплексов, разумеется, с учетом поздних перестроек и сохранности на сегодняшний день. В некоторых случаях, на основе сохранившихся описей имущества и типовых предметов эпохи, может быть предпринята попытка реконструкции жилого интерьера.

Далеко не все калужское купечество было в культурном плане представителями «темного царства». Литература и источники XIX — нач. XX вв. содержат немало сведений о благотворительно-

25 Зак. 784

сти, проявлявшейся в различных формах, известны несколько частных библиотек (1846 г. — купца Грудакова, 1847 г. — Антипина при книжной лавке). Немалый вклад в культурную жизнь города был внесен естественно-историческим музеем «На благое просвещение» им. А.А. Рыжечкина, открывшимся в 1914 г. на средства этой семьи в предоставленном ими для этой цели доме.

Понять и в полной мере оценить подобные явления вряд ли возможно без учета нравственного климата общества. Трудно создать объективную картину прошлого, не уделяя внимания процессам духовно-нравственного развития, оставляя без внимания тех, кто в меру своих представлений, средств и сил пытался улучшить жизнь людей и способствовал в различной степени прогрессу общественной и культурной жизни.

В социальном аспекте отдельного исследования заслуживает тема старообрядчества в среде купечества. Калуга и Боровск издавна были известны как центры этого течения [8], и, вероятно, различные группы городского населения были им затронуты по-разному. Тем более что религиозные вопросы для многих горожан преломлялись в социальном плане как верность обычаям и обрядам русской старины, как недовольство против увлечения новшествами. По этой теме изданы работы боровских коллег, занимающихся изучением русского старообрядчества [9].

В последние десятилетия XIX в. и в нач. XX в. в жизни купечества происходили существенные количественные и качественные изменения. Некоторые виды традиционной торговой деятельности теряли свое значение. К тому же по законодательству нач. XX в. право занятия торговлей и промышленностью было предоставлено всем сословиям. Гильдейские свидетельства перестали давать какие-либо социальные или экономические привилегии, вследствие этого значительно уменьшилось количество официальных крупных купцов. Однако это отнюдь не означало полного упадка калужского купечества. Взоры местного капитала, кроме традиционной торговли, обращались к финансовой деятельности, землевладению. Не случайно в начале нашего столетия в Калуге были построены несколько значительных особняков в стиле «модерн». По мере накопления знаний о купечестве пореформенного периода и до нач. XX в., в дальнейшем более четко можно будет проанализировать качественные изменения, происходившие с сословием в заключительный период

его существования. Интересен тот факт, что последнее поколение сословия в нач. XX в. только в нашем городе дало такие известные в культурной и научной сферах имена, как композитор Н.П. Раков (1908–1990), академик-биофизик А.Н. Теренин (1896–1967), энергетик Н.Н. Вашков (1874–1953), исследователь края Н.М. Маслов (1890–1967).

В заключение необходимо отметить, что темы, рассмотренные в плане постановки вопроса, не являются исчерпывающими по истории калужского купечества. Историческая жизнь была гораздо богаче, чем это можно представить только по сохранившимся, часто в узком круге, источникам. Целостное восприятие многовековой истории сословия требует не только накопления фактических знаний, их анализа и обобщения, но и более широкого подхода, при котором может появиться возможность реконструкции конкретных исторических сюжетов.

Примечания

1. Симсон П.Ф. Калужские книги 1617 г. письма и дозору Ивана Козьмича Бегичева и подьячего Игната Пчелина // Известия Калужской ученой архивной комиссии. — 1891. — № 1. — С. 13–40.

2. Симсон П.Ф. Калужский уезд во времена Михаила Федоровича // ИКУАК. — 1893. — № 3. — С. 187–188; Малинин Д.И. Село Спасское-Новое (Из истории Калуги) // Из Калужской старины. — Вып. 1. — Калуга, 1925. — С. 5–16.

3. Маркевич А.И. Калужские купцы Дехтеревы. — Одесса, 1891.

4. См. напр.: Рошефор Н.И. Еще о доме Коробовых // Зодчий. — Спб., 1874. — № 3; Четыркин И.Д. Историко-топографические данные о Калуге, относящиеся к XVII столетию, и о так называемом Доме Марины Мнишек // ИКУАК. — 1897. — № 5.

5. См. напр.: Топографическое описание Калужского наместничества. — Спб., 1785; Щепетов-Самгин П. Очерк торговли и промышленности в Калужской губернии // Памятная книжка Калужской губернии на 1898 г. — Калуга, 1898; Малинин Д.И. Краткий очерк истории народного хозяйства Калужской губернии за время ее существования [Неопубл. рукопись] // Калужский областной краеведческий музей.

6. Материалы екатерининской Законодательной комиссии. Депутатские наказы от городских жителей Калуги // Сб. Императорского Российского Исторического общества. — Спб., 1900. — Т. 107. — С. 94–106.

7. См. напр.: Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х — нач. 90-х гг. XIX в. — Л., 1984.

8. Тихомиров И. Раскол в пределах Калужской епархии. — Калуга, 1900.

9. Старообрядчество: история и культура // Боровский краевед. — Вып. 3. — Боровск, 1991, и др. выпуски.

Л.А. Силкина
(Малоярославец)

Документы ЦАМО (Центрального архива Министерства обороны России) и личных архивов о подвиге подольских курсантов (октябрь 1941 г.)

Особое место в истории первой крупной победы над фашистскими полчищами принадлежит боям, проходившим к западу от Москвы, где наносила удары защитникам столицы группа гитлеровских армий «Центр».

В октябре 1941 г. бессмертный подвиг совершили курсанты, командиры и политработники Подольского пехотного и артиллерийского военных училищ. Преградив путь врагу, рвавшемуся к Москве по Варшавскому шоссе, они около трех недель вели неравные бои, пока за их спиной создавался новый рубеж обороны и шла переброска резервов Ставки Верховного Главнокомандования. Курсанты выстояли, не отступили, удержали занимаемые ими позиции, но в большинстве своем полегли смертью храбрых в этих боях.

Десятилетия уже прошли с того времени. Их подвиг нашел достойное отражение в истории Второй мировой войны. О них написано много книг, статей и очерков. О подвиге подольских курсантов знают теперь многие.

В 1975 г. на месте ожесточенных боев в с. Ильинском Малоярославецкого района для увековечения памяти о героическом подвиге подольских курсантов был открыт мемориальный комплекс с музеем «Ильинские рубежи».

С первых дней существования музея его сотрудники ведут научно-исследовательскую работу по теме подвига подольских курсантов. Направления этой работы очень разнообразны, и вот почему: к тому времени подвиг подольских курсантов был описан во многих статьях и очерках, рассредоточенных в разных книгах, журналах и газетах. И при знакомстве с ними мы сразу заметили, насколько противоречивы друг другу описанные события, имена, факты и даты. В музее не было списков сражавшихся и павших в боях на этом рубеже подольских курсантов, сведений о местах их захоронений и т.д. Многое было не известно, непонятно, противоречиво и требовало официальных и достоверных

данных, в которых нуждалась повседневная работа музея. Ответы на многие вопросы мы нашли в Центральном архиве Министерства обороны РФ в г. Подольске, поскольку он является крупнейшим хранилищем документов и материалов по истории Великой Отечественной войны.

В архиве имеются дела по каждому из Подольских военных училищ (пехотному и артиллерийскому), дела 43-й Армии, Московской зоны обороны, Московского военного округа, документы по учету потерь сержантского состава и солдат Советской Армии. Характеристика фондов разнообразна: это приказы и донесения, справки и доклады, записки и телеграммы, отчетные карты, планы и схемы, красноармейские газеты, показания пленных.

Работая с этими источниками, удалось выяснить обстановку, характер и ход боевых действий, итоги боевых операций осени 1941 г., героические и трагические эпизоды тех дней.

Наиболее полную картину сложившейся опасной обстановки для Москвы в конце сентября — начале октября 1941 г., о создании на дальних подступах к Москве мощной Можайской линии обороны, в состав которой входил и Малоярославецкий укрепленный район с Ильинским оборонительным рубежом, дает архивный документ «Запись боевых приказов и распоряжений члена Военного совета Московского военного округа дивизионного комиссара Телегина К.Ф.» [1].

Выяснилось, что в начале октября в Малоярославецком укрепрайоне завершилось создание противотанковых препятствий, большинства дотов и дзотов. Однако полный объем работы первой очереди выполнить не удалось. Главное же — не хватало сил, способных занять и удержать рубеж [2]. Дорога на Москву для 57-го моторизованного корпуса гитлеровцев оказалась открытой. Предстояло выиграть 5–7 дней, пока подойдут резервы Ставки. На Варшавском шоссе, левом фланге Можайской линии обороны, эту задачу должны были решить поднятые по тревоге 5 октября 1914 г. курсанты Подольских пехотного и артиллерийского военных училищ.

В деле Подольского пехотного училища имеется приказ № 257, в котором сказано: «В соответствии с данным указанием командующего войсками Московского военного округа полагать училище выбывшим на фронт в качестве отдельной боевой группы действующей армии» [3].

В архиве имеется большая группа документов и боевых донесений, на основании которых можно хронологически проследить ход боевых действий, тяжесть боев, оснащенность курсантов вооружением, примеры мужества и стойкости бойцов на рубеже.

Из архивных данных видно, что основная масса курсантов первого и второго батальонов ППУ (Подольского пехотного училища), сражавшихся на Ильинском рубеже, была в возрасте 18–20 лет. А один из документов содержит данные о том, что основной удар врага пришелся по позициям 3-го батальона ППУ, имевшего в своем составе курсантов всего лишь с пятнадцатидневным сроком обучения (сентябрьский набор) [4].

Иная картина была в 4-м батальоне ППУ. Большинство курсантов батальона (420 человек из 545) были в возрасте 25–30 лет, 60 % служили в рядах Красной Армии. Шестьдесят восемь курсантов имели высшее и незаконченное высшее образование, 80 курсантов являлись членами и кандидатами в члены ВКП(б), 123 — комсомольцами [5].

Из штаба Малоярославецкого боевого участка этот батальон получил приказ занять оборону в районе пос. Детчино с задачей не допустить прорыва противника в северо-восточном направлении [6].

Благодаря архивным данным стали известны многие героические подвиги, совершенные подольскими курсантами в октябрьских боях 1941 г. Вот некоторые из них:

«Стойкость, выдержку проявил взвод лейтенанта М.Л. Симкина. Находясь в боевом охранении, он трое суток сдерживал врага, отбив за это время шесть атак» [7].

«2-й дивизион артучилища занимал доты на реке Выпрейке и удержал позицию до тех пор, пока они не были полностью разрушены» [8].

«Связной М.Ф. Жданов шесть раз под огнем врага доставлял приказы и распоряжения, выносил раненых» [9].

«Курсант Яков Бедягин, несмотря на то, что гитлеровцы обошли его с флангов, продолжал вести огонь из пулемета, уничтожив 17 солдат и офицеров» [10].

Полученные из разных источников сведения говорили о том, что у защитников Ильинского рубежа плотность огня крайне мала: нужно было исключительное мужество, чтобы удержать оборону на участке Подсосино — Бутырки, где на километр приходилось 280 винтовок, 7 ручных и 4,5 станковых пулемета, 2,5 миномета, 1 орудие полевой артиллерии. На участке Песочная — Устье имелось 60 винтовок, 1 ручной и 0,8 станкового пулемета, 0,4 миномета, 0,5 полевого орудия на километр [11].

Исследовав эту группу архивных документов, можно сделать вывод, что в суровых и тяжелых боях, со значительно превосходящими силами гитлеровских войск и авиации, рвущихся к Москве, подольские курсанты проявили величие духа, бесстрашие, стойкость, огромное мужество и массовый героизм. Несмотря на отсутствие транспорта для подвоза боеприпасов, отсутствие средств связи, походных кухонь (личный состав училищ довольствовался только сухим пайком) и ряд других трудностей, они упорно защищали обороняемый рубеж и стойко дрались с врагом внутри обороняемой полосы.

Тяжелы и кровопролитны были бои. Об их напряженности говорят потери по отдельным гарнизонам дотов. Так, погиб весь гарнизон во главе со старшим политруком И.А. Волковым, состоявший из девяти человек. В гарнизоне лейтенанта А.И. Алешкина из восьми человек пало шестеро. В гарнизоне младшего политрука В.П. Ходнева было потеряно из восьми четверо, а в гарнизоне старшего лейтенанта Ф.Г. Горячих — из девяти семеро [12].

Архив хранит донесение начальника обороны Ильинского рубежа генерал-майора В.А. Смирнова командующему 43-й армией К.Г. Голубеву: «Вот уже 12-й день Подольские училища обороняют данную полосу и имеют громадные потери в людском и материальном отношении. На сегодня во втором батальоне пехотного училища осталось два взвода, а в первом и третьем — потери выясняются. По неполным данным, в них осталось не более 120–150 человек. Командный состав почти полностью потерян... Люди исключительно переутомлены, падают на ходу...» [13]. Он не предлагал оставить позиции, но просил срочно подбросить подкрепление и боеприпасы. Однако 18 октября 1941 г. гитлеровцы захватили Малоярославец с калужского направления, и Ильинский рубеж обороны остался у них в тылу.

Из штаба 43-й армии поступает приказ на отход, и в ночь на 19 октября, оставив заслон, лесами, севернее Варшавского шоссе, ильинская группа двинулась на соединение с частями армии, занимавшими оборону по р. Наре [14].

Ввиду отсутствия связи, 4-й батальон пехотного училища приказа об отходе не получил. В боевых донесениях штаба 43-й армии за 18 и 19 октября 1941 г. указано, что батальон после боев отошел в лес [15]. Сведений о ведении боевых действий курсантами этого батальона за последующие дни обнаружить не удалось.

Подольские курсанты выполнили приказ Ставки — задержали на 12 дней полчища немецко-фашистских войск, рвущихся к Москве, выиграли необходимое время и тем самым помогли Ставке подтянуть из глубины страны к Москве необходимые резервы и создать Подольский боевой участок — один из тех, где концентрировались войска, готовые не только к обороне, но и к контрнаступлению.

Из донесений командиров рот и батальонов подольских курсантов, хранящихся в архиве, стало известно, что немцы в боях на рубеже потеряли 100 танков и около 5 тыс. убитыми и ранеными солдат и офицеров.

Затем сводный отряд подольских курсантов в составе 43-й армии еще несколько дней (до 23 октября 1941 г.) вел бои с фашистами на р. Наре, и 24 октября училища получили приказ о выходе из боев. Оставшийся личный состав училищ возвратился в г. Подольск.

Но вернулись в Подольск немногие. Большинство курсантов и их командиров погибли в октябрьских боях 1941 г. Данные из Центрального архива МО РФ документально подтверждают, насколько велики были потери, хотя данные эти и неполные. Сложилось так, что после выхода из боев Подольские военные училища в 1941 г. были передислоцированы: пехотное училище — в г. Иваново, артиллерийское — в г. Бухару. Командованием этих училищ не было придано особо важное значение проведению строгого учета демографических и прочих данных о каждом курсанте и командире училища и строгому хранению этих данных. В результате нет точных сведений об убитых, раненых и пропавших без вести. Нет в архиве и полного списка личного состава училищ на октябрь 1941 г.

Из документов видно, что из 2 100 участвующих в боях курсантов пехотного училища имеются сведения об убитых и пропавших без вести только на 690 человек, а также о 16 командирах и политработниках, получивших ранение. В делах ПАУ (Подольского артиллерийского училища) за 1941 г. списки убитых, раненых и пропавших без вести курсантов и командиров в боях под Москвой отсутствуют. Однако немало имен курсантов и командиров артучилища, проявивших стойкость, бесстрашие и мужество и павших в боях с врагом, удалось установить из воспоминаний, статей и очерков, которые мы сейчас имеем в музее.

В то же время в одном из дел ПАУ находятся именные списки на 408 курсантов и 70 командиров и преподавателей училища, прибывших из Подольска в октябре 1941 г. на расквартирование в г. Бухару и участвовавших хотя бы 2—3 дня в боях под Малоярославцем.

В делах ППУ нет никаких сведений о возрасте курсантов, образовании, месте рождения, партийности, о том, где они были призваны или мобилизованы, адресов местожительства родных. Лишь в списках убитых и пропавших без вести курсантов 13, 14, 15 и 16-й рот 4-го батальона указаны адреса их места жительства. Но и это нам уже о многом сказало: мы узнали, откуда прибыли в училище курсанты, и выяснили их адреса.

Из личных архивов бывших участников обороны Ильинского рубежа нам удалось выяснить причины такого необычного положения со сведениями о павших в боях подольских курсантах. Дело в том, что ход боевых действий сложился так, что не было ни времени, ни сил для надлежащего захоронения погибших. В большинстве случаев, наскоро, их хоронили свои боевые товарищи прямо на боевом рубеже, у огневой точки, часто без письменных о том донесений. Следует учесть большую рассредоточенность подольских курсантов на боевом рубеже, отсутствие сплошной линии обороны и то, что курсанты были сосредоточены по отдельным узлам и огневым точкам.

Весной 1942 г., когда после сошедшего снега собирали с полей тела погибших, у многих из них уже невозможно было прочитать поврежденные влагой документы. От некоторых остались только фамилия или имя. Многие герои вообще погибли безымянными в сожженных гитлеровской артиллерией дотах.

В ЦАМО имеются документы, из которых видно, что наиболее отличившиеся в октябрьских боях 1941 г. офицеры и курсанты Подольских военных училищ были представлены к награждению государственными наградами:

— к ордену Красного Знамени — 6 человек;
— к ордену Красной Звезды — 16 человек;
— к медали «За боевые заслуги» — 3 человека;
— к медали «За отвагу» — 3 человека.

Сохранились наградные листы многих участников, составленные по распоряжению командующего Московского военного округа генерал-лейтенанта П.А. Артемьева.

Однако наград никто не получил, потому чо решения по этим представлениям старшими начальниками принято не было. Установить причину, по которой не были реализованы эти представления, нам не удалось, в архиве по этому поводу нет никаких сведений.

26 Зак. 784

Только в делах ПАУ сохранился приказ о присвоении первого офицерского звания «лейтенант» части курсантов, участвовавших в боях на Ильинском и Детчинском направлениях Малоярославецкого боевого участка.

Среди значительных документальных комплексов по истории подвига подольских курсантов в битве под Москвой следует отметить также и собрание фондов личного происхождения. Это в первую очередь личные архивы участников октябрьских событий 1941 г., которые хранятся как в ЦАМО, так и у нас, в музее. Наибольший интерес представляют фронтовые дневники, схемы инженерных сооружений боевых участков, справки, записки, воспоминания, а также письма. Они значительно дополняют и расширяют круг знаний по истории Московской битвы.

О боях курсантов-артиллеристов на Ильинских рубежах можно узнать из фронтовой тетради начальника артучилища полковника И.С. Стрельбицкого, озаглавленной «На подступах к Москве»; она содержит записи, сделанные не только им самим, но и военкомом училища Леоновым, начальником политотдела Суходоловым, секретарем парткомиссии Суромкиным, батальонным комиссаром Андроповым и другими.

Из воспоминаний и фронтовых писем хорошо прослеживаются моральное состояние, ответственность за судьбу Родины и патриотизм курсантов, их вера в победу. Аналогичные сведения дают и остальные документы из личных архивов.

Таким образом, в фондах ЦАМО, в личных архивах сконцентрированы ценные источники о подвиге подольских курсантов в октябре 1941 г., без обращения к которым невозможно полное и серьезное изучение как истории Московской битвы, так и истории Великой Отечественной войны в целом.

Примечания

1. Центральный архив Министерства обороны (далее — ЦАМО), ф. 135, оп. 41878, д. 1.
2. Там же, ф. 450, оп. 11158, д. 1а, л. 87.
3. Там же, ф. 60062, оп. 35125, д. 4, л. 8.
4. Там же, оп. 470045, д. 1, л. 10.
5. Там же, оп. 357751, д. 5, л. 135.
6. ЦАМО, ф. 1620, оп. 1, д. 5, л. 26.
7. Там же, ф. 60062, оп. 470045, д. 1, л. 87.
8. Там же, оп. 503408, д. 20, л. 277.

9. Там же, оп. 357754, д. 2, л. 294.
10. Там же, оп. 357751, д. 2, л. 293.
11. Там же, ф. 450, оп. 11158, д. 1а, л. 82.
12. Там же, ф. 60180, оп. 163600, д. 4, л. 223.
13. Там же, ф. 398, оп. 9329, д. 22, л. 405.
14. Там же, ф. 450, оп. 11158, д. 1а, л. 73.
15. Там же, ф. 398, оп. 9308, д. 13, л. 3.

Т.В. Сулыкина
(Калуга)

Тема Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в коллекции спичек Калужского областного краеведческого музея

Каждый музейный предмет, находящийся в экспозиции или хранящийся в фондах, несет на себе отпечаток своего времени. Мне хотелось бы познакомить вас с небольшой частью коллекции спичек и этикетом, которая позволяет представить нам период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., рассказывает о работе, об условиях жизни военного периода. При подготовке статьи были использованы архивные материалы, данные, полученные от бесед с ветеранами спичечного производства, сведения из переписки с различными спичечными фабриками.

Накануне войны производство спичек в нашей стране постепенно превращается в достаточно автоматизированную отрасль промышленности. На 23 спичечных фабриках было установлено 82 спичечных автомата. Размещались фабрики на территории России, Белоруссии, Латвии, Литвы и Эстонии. Поэтому в 1941 г. многие из них оказались на оккупированной территории. Оборудование лишь некоторых удалось отправить в глубь страны. Например, оборудование гомельской фабрики — в Томск, фабрики «Гигант» — в г. Уфу. По данным Чрезвычайной Государственной комиссии четырнадцать фабрик, оказавшихся на оккупированной территории, были разрушены и почти половина спичечных автоматов были либо разрушены, либо вывезены в Германию. Некоторые фабрики продолжали работать и в период оккупации. Так, фабрики в Эстонии и Литве выпускали спички для нужд Германии. За неимением серы использовалась смола, а фосфорная масса наносилась только на одну сторону. Интересен и такой факт: рабочие немецкой национальности, трудившиеся на этих

фабриках, получали зарплату в 1,5 раза выше других, а женщины получали 80 % зарплаты мужчин. На латвийской фабрике «Балтия» спички не производились. В ее корпусах были построены мастерские для производства оружия.

В г. Калуге в 1931 г. была построена крупнейшая в стране спичечная фабрика «Гигант». В 1941 г. она получила специальный заказ по выпуску ветровых (не гаснущих на ветру) спичек. Чтобы быстрее отправить первую партию этих спичек на фронт, коллектив работал и в выходной день 16 июля 1941 г. в честь обороны страны [1]. Когда стал испытываться недостаток в древесине, были организованы самозаготовки леса. В это же время среди рабочих организуются отряды военной подготовки, а женщины привлекаются на курсы медсестер и сандружинниц. Организуется круглосуточное дежурство противохимического отряда и отряда связи. Все рабочие обучаются средствам защиты во время налетов. В связи с приближением врага 9 октября 1941 г. фабрика была остановлена. Из-за нехватки железнодорожных вагонов лишь часть оборудования была вывезена в г. Уфу на фабрику «1 Мая». Оккупация Калуги продолжалась до 30 декабря 1941 г. За это время корпуса спичечной фабрики были почти полностью разрушены. С нач. 1942 г. на фабрику стали возвращаться рабочие. В течение января-февраля на производство вернулось более 200 человек. Наряду с восстановительными работами на корпусах фабрики был организован выпуск спичек ручным способом. Первая 1 000 коробок спичек была изготовлена к 23 февраля 1942 г. — 24-й годовщине Красной Армии. К 1 апреля были закончены восстановительные работы по пуску двух автоматов. Для рубки соломки приспособили бумагорезательные станки и изготовили специальные ручные станки (ножницы). В сентябре 1942 г. набивщица Екатерина Моисеева выступает с инициативой делать в смену по две нормы. Так на фабрике появились бригады двухсотниц. Их называли «фронтовыми». Продукция фабрики отправляется непосредственно в воинские части. Помогали фронту не только ударной работой. Более половины работниц сдавали кровь для нужд Красной Армии, активно участвовали в сборе теплых вещей для фронта, а в 1943 г. на фабрике было собрано 34 422 руб. наличными и 42 065 руб. облигациями на постройку танковой колонны [2]. Такой трудовой энтузиазм в годы войны — явление обычное: люди, чем могли, старались помочь фронту. На спичечных фабриках не хватало парафина, клея, крахмала. Рабочие сами заго-

тавливали древесину, создавали фонд обороны и отчисляли туда однодневные и двухдневные заработки на постройку звена самолетов или танковой колонны. Так было на фабриках «1 Мая» (г. Уфа), «Искра» (г. Благовещенск), «Красная Звезда» (г. Киров), «Маяк» (г. Рыбинск), «Байкал» (Иркутская область), «Победа» (Пензенская область). Так было и на Калужской фабрике «Гигант». На спичках периода Великой Отечественной войны нет ярких, светлых этикеток. Традиционные коробки заменялись тогда простыми бумажными пакетиками. К ним прикреплялись терки, обмазанные зажигательной смесью. На пакетиках — штемпельный оттиск с названием фабрики, количеством спичек в упаковке и годом выпуска. Например: «фабрика “Гигант”», г. Калуга, 1942 г., 150 шт.». Иногда, очень редко, на этикетках изображалась военная техника, боевые призывы тех лет. Такие этикетки сейчас считаются редкостью. Так, на этикетках фабрики «Гигант», вышедших в 1941 г., — погрудное изображение бойца Красной Армии в «буденовке» с винтовкой в руках. Призывы: «Будь бдителен! Сохраняй военную и государственную тайну!», «Все, как один, на защиту Отечества!», «Вперед, на врага, богатыри советской страны!». Фабрика «Белка» (Кировская область) выпускала этикетку с изображением трактора и призывом: «Женщины-колхозницы! Изучайте трактор. Заменяйте мужчин, ушедших на фронт». На фабрике «Красная Звезда» (г. Киров) выходят этикетки с изображением танка и летящих самолетов, с призывом: «Все на борьбу с фашизмом!» На другой этикетке был изображен рисунок падающей бомбы, разбивающей фашистскую свастику и текст: «Ответим на удар врага сокрушительным тройным ударом». В 1942 г. многие фабрики работают без этикеток. Некоторые продолжают выпускать спички в коробках или пакетах с этикеткой, но без рисунка. На этикетке ф-ки «Красная Звезда» (г. Киров) один призыв: «Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!» В этот период на этой фабрике выпускаются также коробки-дальномеры. Этикетка наклеивается на обе стороны коробка. На ней подробная инструкция по использованию, шкала с указанием цифр. С помощью нитки или шнурка, протянутого через отверстие в коробке, держа его на вытянутой руке, можно было определить по шкале расстояние до объекта. На этикетке указано: «Изобретение Ф.Ф. Павлова». Такие коробки-дальномеры применялисьдля повышения меткости стрельбы. В условиях военного времени спички изготавливались не только фабрика-

ми, но и различными артелями, подсобными цехами заводов. Так, например, в период разгрома фашистов под Москвой в декабре 1941 г., спички выпускали в Москве фабрика культтоваров, артель «Промрезина». Нужно сказать, что не только обыкновенные спички выпускались в этот период. На фабрике «Маяк» (г. Рыбинск) делались запальные ветроустойчивые спички для зажигания бутылок с противотанковой жидкостью. При центральном НИИ леса был создан спеццех, в котором в военный период производились большие и малые сигнальные спички красного, синего, зеленого дымов, специальные спички для подрывника, запалы-розетки для противотанковых мин, штормовые спички, сигнальные дымовые брикеты для самолетов, запалы и терки для противотанковых бутылок с горючей смесью. Они есть в нашей коллекции.

Особое место в коллекции занимают спички и этикетки блокадного Ленинграда. Спички изготавливались многими предприятиями города: артелью «Пригородный обувщик», фабрикой искусственных зубов, 6-й Государственной конфетно-шоколадной фабрикой, Лесотехнической академией им. Кирова, артелью «Минерал». Из-за нехватки бумаги и картона при изготовлении использовались книжные обложки, чайные упаковки, обложки тетрадей. Но и их изготовители старались украсить, помещали на них стихи. Об одной из страниц блокадной летописи — противовоздушной обороне города — рассказывают спички с рисунком Петропавловской крепости, стоящим на набережной р. Невы зенитного орудия и стихами:

Крепко бьем мы немца-гада,
Сыновья страны родной.
На защиту Ленинграда
Встали грозною стеной.

Дежурство на крышах домов находит отражение в таких строках:

Тем хвала и тем почет,
Кто свой дом и свой завод
Среди ночи, среди дня
Охраняет от огня.

Летчикам, охранявшим город, посвящается такое четверостишие:

Всем ненавистным врагам
Соколы наши — преграда.
Слава родным «ястребам»
В небе родном Ленинграда.

Морякам Балтийского флота — рисунок военного корабля с надписью:

В грозные ночи и дни стережет
Пути к Ленинграду геройский Балтфлот.
Просторы балтийские немцам — преграда.
Врага разгромим мы у стен Ленинграда.

В блокаду спички выдавались по карточкам, как хлеб, и ценность их была не меньшая. Они помогали выжить в промерзших квартирах, согревали в окопах бойцов Ленинградского ополчения. Незатейливыми четверостишиями поддерживали веру и надежду. Спички воссоздают атмосферу осажденного города и страницы его обороны.

Периоду Великой Отечественной войны посвящены книги, фильмы, разделы музейных экспозиций. Для сохранения вечной памяти беспримерного подвига русского народа возводились и возводятся памятники. Посвящены этой теме и сувенирные спичечные наборы. Надо заметить, что выпускались они и в годы войны. Сделаны они в виде пенала с рисунком Спасской башни Московского Кремля. В 1945 г. фабрика «Маяк» изготовила партию сувенирных спичек для Ялтинской конференции. В послевоенные годы практически все фабрики выпускают этикетки на тему: «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.». На них изображены рисунки обелисков и памятников на местах сражений не только в нашей стране, но и в странах Европы, изображения героев войны. Названия наборов следующие: «Города-герои», «Защитникам Москвы», «Герои Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», «Слава юным героям», «Брестская крепость-герой», «Героический Ленинград» и т.д.

В наборах, посвященных юбилейным датам: 25, 30, 40 лет Победы, на рисунках этикеток — сражение под Москвой, битва за Днепр, Курская битва, освобождение Румынии, Болгарии, взятие Берлина с изображением памятников, батальных сцен в воздухе, на земле и на море, наград. Почти на всех этикетках в оформлении используется рисунок Георгиевской ленты, советская символика: пятиконечные звезды, красные флаги.

Историческая реальность с особой достоверностью подтверждается не только архивными документами, но и конкретными предметами. К ним относятся и спички. В XX в. спички стали пред-

метами повседневного использования. Они вместе с этикеткой на коробке дают нам возможность лучше увидеть, осознать и понять картину прошлого.

Примечания

1. Государственный архив Калужской области, ф. 2, оп. 1, д. 128.
2. Там же, ф. 2, оп. 1, д. 138.

А.В. Ткаченко
(Калуга)

Фальшивые медные деньги 1655–1662 гг. из Калуги

В частных нумизматических коллекциях калужских собирателей среди медных монет, чеканенных в 1655–1662 гг., в период неудачной реформы российской денежной системы по замене серебряной копейки на медные деньги по курсу серебряных, встречаются медные монеты, выделенные нами в фальшивые «воровские» деньги.

По ряду характерных признаков фальшивые монеты делятся на три группы. К первой из них отнесены монеты, битые фальшиворезанными штемпелями по типам, сходным с лицевой и оборотной сторонами официальных выпусков копеечных и денежных номиналов монет, но по исполнению более грубых и порой беспомощных по качеству и художественным достоинствам. По отсутствию штемпельных связей с медными монетами государственных денежных дворов и, как правило, друг с другом данные монеты отнесены к собственно фальшивым «воровским» медным двуденежникам — копейкам и денежникам — денгам, в состав этой группы монет отнесены экземпляры, чеканенные одним фальшиворезанным штемпелем и вторым официальным.

Ко второй рассматриваемой категории фальшивых «воровских» денег отнесены монеты, отчеканенные полностью изношенными штемпелями с фактически отсутствующими изображениями и текстами легенд или остатками, еле приметными на одной из сторон. Здесь нельзя исключить использование гладкого штемпеля. Монетная пластинка имеет все внешние признаки последней рабочей операции — чеканки. При всей «небрежности» изготовления монетной продукции на государевых монетных дворах, по заключениям исследователей, одновременное использование двух

изношенных, пришедших в негодность штемпелей не допускалось. В этой группе привлекли внимание плющенные из обрезков проволоки медные пластинки — заготовки, не прошедшие чеканку штемпелями. О том, что это именно монетные заготовки, говорит их внешний вид, являющийся результатом технологических процессов, а также вес заготовок, укладывающийся в пределы отклонений весовых норм для копейки и денги. Удалось взвесить семь экземпляров из двенадцати просмотренных. Две заготовки, видимо при отжиге, спеклись вместе и не поддаются разъединению. Их вес равен 0,95 г, или средний вес — 0,475 г. Остальные весили 0,46; 0,43; 0,39; 0,36; 0,31 г. Весовая норма для серебряных и медных денег рассматриваемого периода равна 0,48 г, что в практическом воплощении составляло в среднем 0,46 г.

В третью группу выделены односторонние медные монеты, т.е. такие, у которых лицевая или оборотная сторона гладкая. Использованные штемпеля имеют следы сильного износа. Возможно, что и второй штемпель когда-то тоже имел изображение либо надпись, но они от длительного употребления износились. Выделить в этой группе фальшивые деньги от брака денежных дворов пока не представляется возможным.

Происхождение рассматриваемых групп монет местное, с левого берега р. Оки ниже по течению на 150 м от речного перевоза ул. Воробьевки. Здесь незначительный по протяженности отрезок береговой линии наиболее богат монетными находками периода 1655–1662 гг. Примечательно, что если находки монет рассредоточены на довольно обширной площади, то монетные заготовки обнаружены на незначительном по площади участке, составляющем не более 85 кв. м. Это косвенно может служить основанием для предположения, что монетные пластинки первоначально были утеряны или выброшены все вместе, а за прошедшие столетия были разметаны на незначительные расстояния от места первичного захоронения.

Медные фальшивые «воровские» деньги изготовлялись с применением той же ручной технологии, что и на государственных монетных дворах. По этой причине они на первый взгляд не отличаются от подлинных монет. Чеканы для них резались мастерами-фальшивомонетчиками, поэтому монеты получили свои особые типы.

1. Копейка-двуденежник. Хорошей сохранности, овальной формы. Л.С. Всадник с копьем вправо. Рисунок крупный. Короткое

копье с крестообразным наконечником. Оторочки низа кафтана из точек. О.С. Семистрочная нечитаемая легенда. Строки отделены друг от друга заглубленными ниже уровня монетного поля линиями разметки. 1 экз., вес — 0,36 г (рис. 1: *1*).

2. Копейка-двуденежник. Хорошей сохранности. Толщина неравномерная. Л.С. Грубое схематическое изображение всадника с копьем вправо. Черточка плаща опускается на круп скачущего коня, копье направлено почти вертикально вниз. Без знака монетного двора. О.С. Четырехстрочная легенда: */.иве./.ияи./.сни./*. Высота букв в строках различная. 1 экз., вес — 0,38 г (рис. 1: *2*).

3. Копейка-двуденежник. Хорошей сохранности, овальной формы. Л.С. Всадник с копьем вправо. Туловище коня без четкого рисунка. Изображение по типу Л.С. штемпелей Старого денежного двора. Знак монетного двора не виден. О.С. Четырехстрочная легенда: */.язв../.михаил./всеявел./.../*. Строки неровные, буквы разной высоты. 1 экз., вес — 0,36 г (рис. 1: *3*).

4. Денга-денежник. Хорошей сохранности, но некачественной чеканки. Л.С. Всадник с саблей вправо, по типу Псковской денги. Изображение передано обычным рельефом и сверх него штрихами. О.С. Пятистрочная легенда, шрифт крупный подлинного штемпеля № 8 Старого Московского денежного двора:. */нк./...еи/.хяи./.чьвс/.../*. 1 экз., вес — 0,19 г (рис. 1: *4*).

Как видно из описания фальшивых «воровских» денег, факт использования подлинного штемпеля с фальшиворезанным лицевым штемпелем подтверждает предположение исследователей о практике хищения маточников и штемпелей с денежных дворов. Рассмотренный нумизматический материал, его местное происхождение в составе комплекса монет, случайно потерянных в сер. XVII

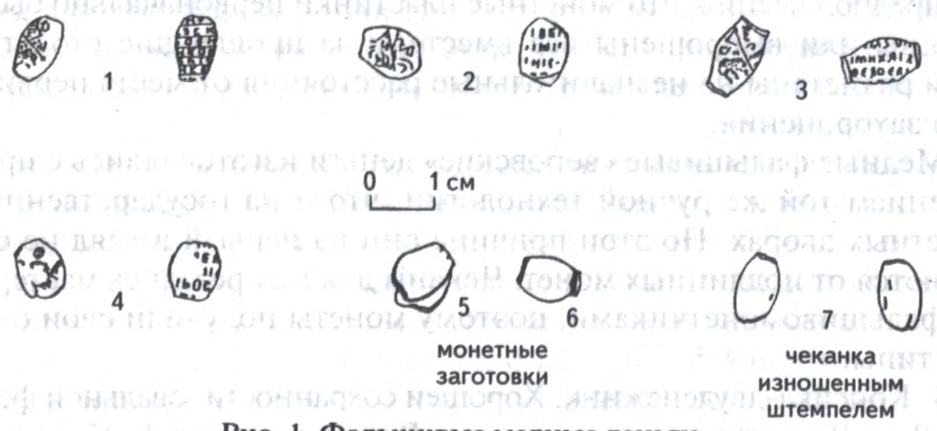

Рис. 1. Фальшивые медные деньги

столетия на месте переправы и пристани, где проходили в те далекие времена торги и ярмарки, а также наличие в городе мастеров ювелирного и кузнечного ремесел, способных изготовить как штемпели, так и монетную продукцию, позволяют предположить возможность существования в Калуге в период денежной реформы Алексея Михайловича фальшивомонетного «воровского» двора.

Литература

1. Валешевский К. Первые Романовы. — М., 1911.

2. Мельников А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. — М., 1989.

3. Поин М.В. Введение в нумизматику // Труды ГЭ. — Т. XXVI. — Л., 1986.

4. Постникова-Лосева М.М. Русское ювелирное искусство, его центры и мастера. XVI–XIX вв. — М., 1974.

5. Спасский И.Г. Русская монетная система. — Л., 1970.

6. Янин В.Д. К истории денежной реформы Алексея Михайловича: Сб. ст. Вспомогательные исторические дисциплины. — Т. XVII. — Л., 1985.

В.В. Федоров
(Калуга)

К вопросу датировки нерасписных Калужских печных изразцов

Народным искусством называют производство русских изразцов. Это ремесло было широко распространено в крупных городах Центральной России, в том числе и в Калуге. Первые, еще не поливные, изразцы встречаются в Калуге редко. Немногочисленны и зеленые муравленые рельефные изразцы XVII — нач. XVIII вв., и рельефные расписные, и белые гладкие. Больше всего известны с рубежа XVII в. изразцы гладкие живописные, расписанные по непрозрачной белой поливе глазурями синего, голубого, коричневого, зеленого, желтого цветов.

В истории изразцового искусства первое упоминание об изготовлении белых изразцов в Москве связано с постройкой Ново-Иерусалимского монастыря, когда мастеров кафельного дела в 1666 г. по указу царя Алексея Михайловича перевели в Москву в Оружейную палату, в том числе и мастера Самошку Григорьева — специалиста по изготовлению белых изразцов. Следующая веха — 1752 г., когда в законе «О невозвышении цен...» среди прочих материалов и товаров были перечислены пять наименований изразцовой продукции, и среди них «гладкие белые с каемками»

и «гладкие ж без каем». Достоверно известно, что они выпускались гончарными заводами Петербурга и Москвы. Близость Калуги к Москве и тяготение ее к московским традициям позволяет предположить, что гладкие белые изразцы и гладкие белые с каемками изразцы изготовлялись местными заводчиками во 2-й пол. XVIII в. для нужд небогатых горожан. Факт изготовления подобных изразцов описан в рапорте губернского архитектора Н.Д. Ясныгина калужскому вице-губернатору И.Е. Комарову за 1806 г. Из рапорта не ясно, были ли изразцы с каемками или нет, но можно предположить, что были. Исследователи калужских изразцов прослеживают непрерывность производства гладких белых с каемками и без них изразцов до кон. XIX в. Безусловно, это были дешевые изделия, но нельзя сказать, что они были некрасивыми. Особенно нарядны печи, облицованные белыми плитками с каемками, писанными синим кобальтом.

Датированных изразцов известно мало. Это в основном живописные изразцы, поэтому обнаружение калужского нерасписного гладкого белого с каемками датированного изразца в коллекции «Музея ремесел» расширило возможности временной привязки целой группы местных изделий, как живописных, так и простых.

Изразец изготовлен из обычного для калужских кафелей глиняного светлого однородного теста по стандартной технологии. Лицевая толстая плитка имеет размеры 176 × 247 мм. Общая толщина «камня» равна 78 мм, а высота корзинки — румпа — составляет 55 мм. Вдоль узкого нижнего края изразца на оборотной стороне заостренной палочкой прописаны цифры от «1» до «10» и дата — 1856. Причем цифра «6» выписана в зеркальном отражении, цифра «9» — в перевернутом виде, а в числе «10» цифры поменялись местами. Эти признаки характерны для начального обучения арифметике, и цифровая надпись может являться выполнением домашнего задания, а проставленная рядом дата — счастливой случайностью, дошедшей до нашего времени. Лицевая сторона изразцовой плитки по белой непрозрачной поливе прописана по краю двойной каемкой насыщенного голубого цвета. Наружная окантовка выделена более широкой, от 3,5 до 5,5 мм, каемкой. Внутренняя узкая полоска шириной от 1,0 до 1,5 мм прочерчена на расстоянии 2,0–5,0 мм от широкой полоски. Выписанная вручную без использования приспособлений двойная каемка «играет» по краю гладкого белого поля изразца и дает впечатление полной законченности и совершенства, что в сочетании с «игрой» белого цвета, мелких трещинок делает изразец очень красивым.

Поиски датированных и имеющих различные пометки и рисунки на оборотных сторонах изразцов продолжаются. Такие неожиданные и необычные находки помогут более полно раскрыть самобытное искусство изготовления калужских изразцов в общем контексте истории русского декоративно-прикладного искусства.

Литература

1. Калужский край. — Кн. 1. — Калуга, 1976.
2. Маслих С.А. Русское изразцовое искусство XV–XIX вв. — М., 1976.
3. Овсянников Ю.М. Солнечные плитки. — М., 1966.

А.Н. Хохлов
(Москва)

Китаист Д.А. Пещуров — дипломат и педагог

Среди востоковедов Петербургского университета — знатоков китайского языка — особым расположением и симпатиями студентов пользовался Дмитрий Алексеевич Пещуров (1833–1913), педагогическая деятельность которого на факультете восточных языков продолжалась 35 лет — с 1867 по 1903 г. Его любили за доброжелательность, утонченную деликатность в общении с окружающими людьми, глубокие познания в области китаеведения.

Согласно архивным данным, Д.А. Пещуров родился 27 мая (по ст. ст.) 1833 г. в с. Лосево Мосальского уезда Калужской губернии в семье действительного статского советника [1]. Ему было лишь полгода, когда умер отец, поэтому все заботы о его воспитании взяла на себя мать Вильгельмина (Минна) Васильевна. После окончания 3-й гимназии в Петербурге он в 1849 г. поступил на физико-математический факультет Петербургского университета, который окончил с золотой медалью.

Ступив на стезю педагогической деятельности (в стенах 3-й Петербургской гимназии), Д.А. Пещуров 31 марта 1857 г. защитил магистерскую диссертацию на тему: «Исследование движения малой планеты Фортуна» [2] и в том же году отправился в Пекин в качестве светского члена Российской духовной (православной) миссии. Занимаясь научными наблюдениями в ме-

теорологической и магнитной обсерватории, построенной в 1851 г. на территории миссии, он остальное время посвящал активному изучению китайского языка.

Во время пребывания в Пекине российского дипломата Н.П. Игнатьева, приехавшего в китайскую столицу в июле 1859 г. для переговоров с цинским двором, Д.А. Пещуров не раз оказывал ему услуги в качестве лица, хорошо знавшего китайский язык, особенно же после подписания в ноябре 1860 г. русско-китайского договора, предусматривавшего окончательную передачу Уссурийского края России и возобновление российской караванной торговли в Пекине. Свидетельством тесных контактов Д.А. Пещурова с русским дипломатом могут служить его письма к Н.П. Игнатьеву, в том числе письмо от 23 ноября (по ст. ст.) 1860 г. из Тяньцзиня, куда он прибыл вместе с командиром российского военного судна (клипера) «Разбойник» — Розенбергом. Сообщая о своих визитах к уполномоченным представителям союзных держав Англии и Франции (лорду Эльджину и барону Гро), а также к их преемникам, Д.А. Пещуров писал:

«Все они задавали мне одни и те же вопросы: что нового в Пекине и как решились Вы ехать (в Россию. — *А.Х.*) через Монголию? Б(арон) Гро был очень огорчен несчастием, постигшим его первого секретаря. Граф Бастор сошел с ума, и его должны были отправить связанного во Францию. Барон уже передал все дела своему преемнику (Бурбулону. — *А.Х.*) и чрез день собирался ехать (на родину. — *А.Х.*), тогда как лорд Эльгин собирался остаться еще (на) несколько дней. Оба они, однако, уехали 12 числа, верно, поспешили отъездом потому, что в ночь река (Байхэ. — *А.Х.*) замерзла на большом расстоянии.

От европейских посланников я отправился к китайскому посланнику, чтобы узнать поскорее, что сделал Хэн Ци с бумагами, посланными Вами на клипер. Хэн Ци принял меня очень хорошо... Хэн Ци я заметил, что он сделал дурно, не доставив бумаг на клипер прямо от себя (а сделал это через англичан. — *А.Х.*), и просил на будущее время все адресованное русским доставлять ко мне. Для передачи подарков я вторично был у Хэн Ци. Подарки он принял с удовольствием, но только не все, а три лучшие вещи...

В тот же день я обедал у англичан. За столом лорд Эльгин допрашивал меня, останется ли клипер здесь на зиму... видно было, что присутствие нашего судна здесь им не нравится. Я отвечал ему, что капитан имел приказание выйти в море, но не мог исполнить (его) по мелководью (из-за отлива) реки. Союзники хотели оставить здесь на зиму по одной канонерской лодке, но их желанию помешало раннее покрытие реки Байхэ льдом, так что в настоящее время остался один "Разбойник".

В городе и предместьях спокойствие не было ничем серьезно нарушаемо; торговля значительна, и китайцы начинают привыкать к европейцам и за все брать втридорога...» [3].

После учреждения в 1861 г. в Пекине Российской дипломатической миссии Д.А. Пещурова назначили консульским агентом в Тяньцзинь. Глава духовной миссии арх. Гурий (Г.П. Карпов), сообщая кяхтинскому градоначальнику А.И. Деспоту-Зеновичу о переходе Д.А. Пещурова на дипломатическую службу, 23 марта 1861 г. писал: «Г-н Пещуров сделан нашим агентом в Тяньцзине. На днях отправляется» [4].

Как и в качестве светского члена Российской духовной миссии, Д.А. Пещуров на новом месте добросовестно выполнял свои обязанности, будучи предельно скромен и деликатен в общении со своими сослуживцами, представителями китайских властей и живущими в Китае иностранцами — дипломатами и коммерсантами. Об этом позволяет судить, например, характеристика, данная ему российским посланником в Пекине А.Е. Влангали. Ходатайствуя перед руководством МИД России о предоставлении отпуска молодому дипломату для поправки здоровья, расшатавшегося от длительной службы в условиях тяжелого климата, российский посланник 22 января (по ст. ст.) 1865 г. писал П.Н. Стремоухову: «При отличном образовании и знании китайского и многих европейских языков, при очень почтенном характере, оцененном здесь всеми иностранцами, г. Пещуров может быть одним из полезнейших людей для службы в Китае» [5].

Лишь в 1865 г. Д.А. Пещуров смог получить долгожданный отпуск и отправиться на родину через Монголию и Кяхту. Отпуск позволил ему не только поправить расстроившееся в Китае здоровье, но и устроить личную жизнь: он познакомился с дочерью российского священника в Лондоне Евгенией Ивановной Поповой, которая после замужества подарила ему шесть дочерей [6].

В сентябре 1867 г. Д.А. Пешуров стал преподавать китайский язык в Петербургском университете, оставаясь на штатной службе в Азиатском департаменте МИД в звании переводчика, а затем драгомана. Свидетельством начального этапа его педагоги-

ческой деятельности в стенах университета может служить, например, дошедший до наших дней курс лекций под названием: «Китайский разговорный язык высшего сословия», читанный им в 1868 г., в записи студента Ивана Протасьева (впоследствии российского консула в Китае) [7].

Как видно из рассказа С.М. Георгиевского (впоследствии первого в России профессионального историка-китаиста) о своих первых занятиях китайским языком в Петербургском университете в начале 1875/76 учебного года (см. его письмо к А.Д. Свербееву) [8], для лекций Д.А. Пещурова, читанных первокурсникам, была характерна особая предупредительность: в них он предупреждал о серьезных трудностях, связанных с изучением восточных языков, в частности китайского. Чтобы побудить новичков еще раз задуматься над правильностью сделанного ими выбора относительно будущей профессии, он не раз предупреждал: «Обдумали ли Вы, г-да, трудность того дела, за которое принимаетесь? Ведь Вам придется иметь дело с языком, в котором нет грамматики, нет азбуки, а есть только неумолимая логика, да 40 тыс. иероглифов. Пока есть время, уходите в другие места, к другим занятиям».

Как видно из представления декана факультета В.П. Васильева от 11 марта 1869 г., Д.А. Пещуров не раз оказывал ему «свое ученое содействие» в подготовке научных трудов. «Особенно я одолжен ему, — писал В.П. Васильев, — редактированием китайского текста “Лун-юйья”, изданного мной в прошлом году» [9].

В связи с приездом в начале 1879 г. в Петербург известного цинского сановника Чун Хоу для ведения переговоров, Д.А. Пещурову пришлось выполнять при нем обязанности секретаря-переводчика. Когда же высокий гость направился в Крым для продолжения переговоров, начатых в российской столице, туда же с разрешения руководства Петербургского университета отправился Д.А. Пещуров [10]. Переговоры, проходившие при его активном участии, завершились подписанием в Ливадии в сентябре 1879 г. договора о возвращении Китаю Кульджинского (Илийского) района, временно занятого в 1871 г. русскими войсками в целях сохранения политической стабильности на границе с Синьцзяном, охваченным восстанием некитайских народов против цинского режима. За уступку Кульджи китайская сторона, согласно 12-й статье договора, выражала готовность предоставить российским купцам право беспошлинной торговли в Монголии и Синьцзяне.

Участием в этих переговорах не ограничилась, однако, последующая деятельность Д.А. Пещурова по линии внешнеполитического ведомства. Об умелом совмещении им служебных обязанностей на дипломатическом и научном поприщах наглядно свидетельствуют изданные Д.А. Пещуровым китайские тексты (в том числе тексты договоров России с цинским Китаем) для учебных и практических целей. Особенно плодотворно занимался он составлением словарей. Самым удачным, по мнению коллег-китаистов, был китайско-русский словарь, составленный им по графической системе, предложенной В.П. Васильевым (Спб., 1891). В его основу лег составленный им по ключевой системе словарь, изданный в 1887 г. Этот первый опыт составления словаря был также высоко оценен коллегами-востоковедами. «Отличительным достоинством словаря Д.А. Пещурова, — писал известный монголовед А.М. Позднеев, — является то, что он дает нам ясные коренные значения слов; в этом отношении труд г. Пещурова не находит себе подобного ни у русских, ни даже у европейских ученых» [11].

Потеря трех лучших китаистов — С.М. Георгиевского (1893 г.), В.П. Васильева (1900 г.) и, наконец, А.О. Ивановского (январь 1903 г.) в период его наибольшей творческой активности поставила факультет восточных языков Петербургского университета в исключительно трудное положение, особенно кафедру маньчжуро-китайской словесности. Несмотря на отчаянные усилия Д.А. Пещурова (выполнявшего с апреля 1890 г. обязанности экстраординарного профессора) [12], в работе кафедры стали ощущаться явные сбои, что не могло не влиять на учебную подготовку студентов.

В августе 1903 г. коллеги и друзья тепло поздравили Д.А. Пещурова с 50-летием научно-педагогической деятельности [13], а в сентябре того же года, будучи тяжело больным, он подал прошение о выходе на пенсию, и последние годы своей жизни провел в своем родовом дворянском имении — с. Лосево. Окруженный заботой близких, он внимательно следил за успехами своих учеников, особенно китаистов А.И. Иванова и В.М. Алексеева. 3 (16) января 1906 г. Д.А. Пещуров писал В.М. Алексееву: «На старости лет приходится жить воспоминаниями, и в этих воспоминаниях не последнее место занимают бывшие мои слушатели, в особенности некоторые из них; в числе подобных и Вы». «С удовольствием узнаю, — сообщал далее Д.А. Пещуров, — что

28 Зак. 784

вы здоровы, усердно занимаетесь и готовите диссертацию. Выбранная Вами тема мне кажется весьма интересною... Ноябрь и декабрь мы были отрезаны от мира забастовкою почты, телеграфа, железных дорог. Тяжело было существовать в полном неведении того, что происходит в России» [14].

Весной 1913 г., когда Д.А. Пещурову исполнилось 80 лет, ветеран-китаист получил «множество приветствий от своих слушателей, симпатиями которых пользовался заслуженно» [15].

Скончался Д.А. Пещуров 1 ноября 1913 г. в своем родном селе, где и был похоронен, оставив по себе добрую память, как искусный дипломат, прекрасный педагог и просто доброжелательный, порядочный человек. В некрологе, опубликованном в газете «Речь», приват-доцент Петербургского университета В.М. Алексеев (впоследствии, с 1929 г., академик РАН) назвал Д.А. Пещурова одним из немногих оригинальных исследователей Китая, который, будучи подготовленным к занятиям по астрономии, всецело посвятил себя служению синологии. В некрологе высоко оценивался составленный им по графической системе китайско-русский словарь, в котором иероглифы были расположены так, что изучающий китайский язык мог отыскать в нем «какой угодно знак без всяких затруднений и указателей». «При всей своей краткости этот словарь, — подчеркивал В.М. Алексеев, — сослужил свою службу начинающим китаистам и подлежит справедливой похвале» [16].

Из шести детей Д.А. Пещурова эстафету педагога-просветителя приняла от отца его четвертая дочь Серафима, которая родилась 30 июля 1877 г. Как видно из ее письма от 24 ноября 1925 г. к В.М. Алексееву, которому она позднее передала часть научных материалов отца, Серафима, лишившись к этому времени матери и двух младших сестер, жила близ Серпейска с тремя своими детьми и тремя племянниками-сиротами, занимаясь преподавательской работой, которой отдала более 25 лет [17]. Оставленная ею усадьба в с. Лосево с течением времени пришла в запустение, и лишь один искусственный пруд с некогда оригинальной системой водоснабжения, заросший болотной травой, напоминает ныне о «дворянском гнезде» и его обитателях [18].

Примечания

1. Государственный архив Калужской области, ф. 549, оп. 2, д. 31, л. 442.
2. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб), ф. 14, оп. 3, д. 14686, л. 53.

3. Государственный архив РФ, ф. 730, оп. 1, ед. хр. 3661, л. 1–2.
4. Там же, ф. 916, оп. 1, ед. хр. 52, л. 55.
5. Архив внешней политики России, ф. Главный архив IV-9, 1865, д. 2, л. 6.
6. О рождении 6-й дочери Д.А. Пещурова — Елизаветы, появившейся на свет 25 августа 1884 г., сообщал в Пекин драгоману П.С. Попову архимандрит Флавиан (Н.Н. Городецкий), возглавлявший Российскую духовную миссию в Пекине в 1879–1883 гг. В январе 1885 г. он писал из Петербурга: «Д.А. Пещурову Бог дал недавно шестую дочку...» См.: Российская государственная библиотека, ф. 218, карт. 763, ед. хр. 24.
7. Там же, ф. 138, ед. хр. 261, л. 1–23.
8. Российский государственный архив литературы и искусства, ф. 472, оп. 1, ед. хр. 171, л. 1–4.
9. ЦГА СПб, ф. 14, оп. 1, д. 6528, л. 20.
10. Там же, ф. 14, оп. 1, д. 6528, л. 36.
11. Российский государственный исторический архив, ф. 733, оп. 150, д. 628, л. 4.
12. Сенатские ведомости. — 1980, 7 апр. — № 55.
13. Новый край (Порт-Артур). — 1903, 7 нояб. — № 128.
14. Санкт-Петербургское отделение архива РАН (далее — СПбО АРАН), ф. 820, оп. 3, ед. хр. 632, л. 2.
15. Новое время. — 1913. — № 13525.
16. Речь. — 1913, 6 (19) нояб. — № 304.
17. СПбО АРАН, ф. 820, оп. 3, ед. хр. 632, л. 1.
18. Автору этих строк при посещении с. Лосево (ныне — Дашино?) 26 августа 1983 г. удалось путем опроса старожилов собрать очень краткие, причем довольно противоречивые сведения о Д.А. Пещурове и его близких. По некоторым из этих данных, Д.А. Пещуров незадолго до кончины жил в с. Зайцево Мещовского уезда, но похоронен в с. Лосево.

А.П. Черников
(Калуга)

«Жил я тогда в Калужской губернии...» (Калужские страницы в жизни и творчестве И.С. Шмелева)

Иван Сергеевич Шмелев (1873–1950) — один из выдающихся русских писателей, роль которого в развитии отечественной литературы мы по-настоящему начинаем осознавать лишь сегодня. Его лучшие произведения отличает то, чем всегда была сильна русская классика: гуманизм, страстная убежденность в конечном торжестве добра и справедливости, красота нравственного чув-

ства, глубинная, выстраданная любовь к России и ее народу, православное мировидение.

Жизненная и творческая судьба Шмелева была теснейшим образом связана с Центральной Россией, с теми глубинами национальной почвы, откуда он щедро черпал вдохновение и материал для своих произведений. Значительный интерес в этом плане представляет его пребывание в Калужском крае.

Первое посещение Шмелевым Калужского края относится к сер. 1890-х гг., когда он, будучи студентом Московского университета, совершил поездку в Оптину пустынь.

Следует заметить, что в Оптиной он бывал и позже, в 1908–1912 гг.

Знакомство писателя с нашим краем впервые нашло отражение в повести «Стена» (1912), посвященной гибели «дворянских гнезд». Омерзительному в своей жестокости и распутстве, деградировавшему помещику Тавруеву и новому хозяину пущенной с молотка усадьбы подрядчику Бынину здесь контрастно противопоставлены простые люди — артель рабочих-кирпичников «из-под Козельска». С большой теплотой воссоздает автор образы этих героев: старшего артели, умного, рассудительного, с «вдумчивыми светлыми глазами» Трофима, молчаливого Цыгана, ловкого, любопытного паренька Гаврюшку, каменщика Михаила и его жену, тяжело переживающих смерть маленького сына, и других. Для их обрисовки писатель не жалеет проникновенных слов, и суровое повествование пронизывается мягкими лирическими нотками: «Жарко глядело на них солнце. Оно любило их. Оно сушило на них взмокшие от пота рубахи, сняло с их лиц тонкую слабую кожицу и закалило новую, крепкую, покрыв ее несмываемым бурым глянцем. Приняло их в свою работу с зыбкой скрипучей колыбели и пошло с ними на все пути и перепутья путаной жизни» [1]. Авторские симпатии в повести всецело отданы образам этих измученных судьбой людей, вынужденных в поисках хоть мизерного заработка наниматься на тяжелейшую низкооплачиваемую работу.

Наиболее тесная связь И.С. Шмелева с Калужским краем, нашедшая отражение в ряде его произведений, относится к 1914 г. В январе этого года он навестил своего друга поэта И.А. Белоусова, жившего тогда в с. Оболенском Малоярославецкого уезда. Живописная местность понравилась писателю, и он решает снять здесь дачу до осени. В письмах к друзьям и знакомым Шмелева

содержится немало восторженных отзывов о красотах местного края, старом тенистом парке на берегу Протвы, изобиловавшей рыбой р. Луже с ее окаймленными буйной растительностью извилистыми берегами. Шмелев прожил здесь около полугода. Прогулки в лес, рыбная ловля, купание в реке — вот чем был заполнен его досуг во время пребывания в Оболенском. В этом времяпрепровождении, помимо И. Белоусова, частым спутником Шмелева был И.Л. Толстой, младший сын Льва Толстого, живший тогда неподалеку от Оболенского, в своем имении Дубровка.

В Оболенском Шмелев также близко сошелся с местными крестьянами. «Он очень любил разговаривать с мужиками, тонко понимая их», — свидетельствует И. Белоусов [2]. Писателя забавляло, что крестьяне принимали его за барина и кое-кто из них пытался его одурачить различными небылицами. И. Белоусов вспоминает, как однажды, когда он, Шмелев и Илья Толстой сидели на террасе шмелевской дачи, к ним подошел мужик с предложением купить у него большую рыбу. На вопрос Шмелева, как он ее поймал, крестьянин ответил: «А мы с приятелем ходим. Он, значит, нырнет. Опустится на дно, поймает там рыбу, придушит ее и выпустит, а как она наверх всплывет, я ее и подбираю» [3]. Когда Шмелев спросил, водятся ли в окрестностях змеи, крестьянин, не моргнув глазом, рассказал, что на пути в Оболенское он встретил змею такой величину, что ее невозможно было переехать телегой. Подобные небылицы писатель выслушивал с добрым юмором, старался запомнить понравившиеся ему слова и выражения из народной речи, чтобы потом использовать в своих произведениях.

Но не только отдыхом и общением с местными жителями были заполнены дни и месяцы, проведенные писателем в Оболенском. Как член наблюдательного комитета созданного в 1912 г. кооперативного «Книгоиздательства писателей в Москве» и один из редакторов сборников «Слово», Шмелев рецензирует рукописи произведений, дает заключения об издании сочинений ряда авторов, готовит к публикации очередной том своих рассказов и повестей, решает финансовые дела издательства [4].

Это было время и интенсивной творческой работы писателя. Приехав 3 мая в Оболенское, он в тот же день сообщает Белоусову: «Чудесно, дорогой Иван Алексеевич! Чемодан не распакован, а уже работается» [5]. В Оболенском были созданы или задуманы ряд рассказов: «В усадьбе», «Лес», «Гости» и др., занимаю-

щих видное место в его творчестве. Шмелев обращается в них к изображению повседневного существования простых, ничем не примечательных людей: мастеровых, крестьян, прислуги, провинциальной интеллигенции — всех, кто составляет основу разноликой трудовой России, опоэтизированной автором. В произведениях отчетливо выражена позиция автора, влюбленного в немудреную жизнь людей и природы, умеющего чутко вслушиваться в единый ритм бытия. Персонажи этих рассказов несут в себе светлое ощущение гармоничной целесообразности Божьего мира, нерасторжимого единства в нем всего сущего.

Особенностью творческой манеры Шмелева является то, что многие его произведения созданы на основе реальных жизненных фактов. «Я, знаете, как Гоголь говорил, легче пишу, когда иду от виденного», — признавался он критику А. Дерману [6]. И. Белоусов вспоминает, что в парке с. Оболенское жило множество грачей, крик которых беспокоил дачников, и те, в конце концов, приняли решение разорить их гнезда. Когда об этом стало известно гостившему у Белоусова Шмелеву, он «возмутился, стал ходить по дачникам, произносить горячие речи в защиту грачей и отстоял их» [7]. Эта история в несколько трансформированном виде нашла отражение в рассказе писателя «В усадьбе», где владелец дворянской усадьбы, выведенный из терпения криком грачей, решил перебить их из ружья, но вынужден был отступить под натиском сына-студента, яростно воспротивившегося жестокой расправе над птицами: «Это варварство! Набить вороха и потом спать спокойно?!» [1, т. VI, с. 49].

Но, исходя из жизненных ситуаций, Шмелев никогда не стремился к натуралистическому копированию действительности. «Везде стараюсь болеющее в душе тащить через осязаемые, видимые, простые и близкие формы. Это уж такой способ “опыта” — через реальность к сознанию, но к сознанию, близкому обонянию чувствами... — писал он Л. Андрееву. — Солнце я люблю — ну и предпочту везде его отражение, пусть даже в луже от лошадей, чем в гастрономической трапезе. Ибо лужа может быть искусством, а трапеза никогда» [8]. Глубокое проникновение в суть изображаемого — одна из основных черт Шмелева-писателя. Пропущенные через призму творческой индивидуальности, реальные факты превращались под его пером в значительные художественные обобщения. Так, история с грачами послужила писателю отправной точкой для обрисовки в рассказе «В усадьбе»

узости духовного мира владельца имения, усмотревшего в гуманном поступке сына лишь «нервозность на сексуальной почве» [1, т. VI, с. 49].

К сер. 1914 г. почти повсеместно уже ощущались признаки приближающейся войны. По свидетельству Белоусова, И. Шмелев внимательно следил за тем, как слухи о предстоящей войне отражаются на поведении и настроениях крестьян: «Иван Сергеевич жадно ловил эти слухи, сам заводил разговоры...» В августе 1914 г. издательница петербургского журнала «Северные записки» С.И. Чацкина обратилась к писателю с просьбой прислать для журнала произведения, посвященные настроениям тех людей, среди которых он находился [9]. Шмелев, богатые наблюдения которого над жизнью крестьян Оболенского и соседних деревень «просились на бумагу», согласился. Так родился цикл его рассказов «Суровые дни», изданный затем отдельной книгой под тем же названием. Как и большинство писателей, Шмелев воспринял войну с патриотических позиций. Однако тема патриотизма в литературе 1914–1917 гг. вскоре начала приобретать различную окраску. У таких беллетристов, как Белов, Воинов, Агнивцев, Поваров патриотизм быстро перерос в шовинизм и раздувание дикой ненависти к врагу. Это, в свою очередь, вело к эстетизации военных действий, к оправданию массовой гибели людей. Такому подчеркнуто воинственному шовинизму противостояла позиция художников слова, у которых патриотизм был связан прежде всего с болью за свою страну, в которую ворвался враг. «Шмелев один из немногих наших писателей, удержавшихся от соблазна взглянуть на войну глазами, умиленными самоотвержием и геройством», — писал А. Дерман [10]. Это свидетельство современника весьма важно для уяснения места произведений Шмелева в потоке литературы военных лет.

В первых рассказах сборника «Суровые дни» повествуется о том, как собирает деревенская Россия силы на борьбу с врагом. В открывающем сборник рассказе «На крыльях» автор знакомит нас с переменами, происходящими в деревне: на некогда глухом железнодорожном разъезде, где раньше проходили в сутки один-два поезда, теперь движутся и движутся почти непрерывным потоком составы, перевозя к линии фронта новобранцев, оружие, продовольствие.

Выразительно живописует Шмелев в рассказе «На пункте», как движутся на призывной пункт жители близлежащих дере-

вень... Вот сельский лавочник и священник отправляют на войну единственных сыновей. Вот, окриком прорезая толпу, «лихо стелет» солдат-вестовой. А вот молодой парень бежит к обрадованной матери с известием, что его освободили от мобилизации из-за нехватки одиннадцати зубов: разбило ему челюсть челноком на фабрике.

Иному событию посвящен рассказ «Лошадиная сила». Идет мобилизация лошадей: неказистых крестьянских лошадок — «мышей», чистокровных рысаков из помещичьих усадеб, коней-тяжеловозов с местной прядильной фабрики. Подробно описывает автор сцену, как седой старик, отец троих сыновей-новобранцев, жертвует для фронта любимого породистого вороного, прося лишь об одном: чтобы мальчика записали в кавалерию.

Герои шмелевских рассказов, простые деревенские жители, видят в свалившихся на страну событиях «страшно важное, страшно трудное дело. Сделать его нужно — не отвернешься» [1, т. VII, с. 53]. Однако, несмотря на показываемый патриотизм народа, Шмелев безоговорочно осуждает войну. Поэтому главное в цикле рассказов «Суровые дни» — изображение войны как величайшего общенационального бедствия.

Настроение писателя этого времени красноречиво характеризуют его письма. «Война давит, — пишет он критику А. Горнфельду в начале декабря 1915 г., — будто под гору полетела жизнь... Темное надвигается, тяжелое. Уже очень большое истощение всего. Сколько сил пойдет народных на штопанье прорванного» [11]. «Если бы Вы знали, как тяжело и страшно мне — признается он И. Бунину. — Больно чувствовать, как изрыты поля, как измучены, забиты, задавлены. И что еще будет, и сколько всего еще будет. Они, эти поля. Не гремят дешевыми победными голосами. Им ничего не нужно из этой проклятой драки... Не могу работать. Все отдал, что во мне было несбитого» [12].

Произведения писателя о войне, возникшие в результате его непосредственных наблюдений над жизнью калужской деревни военной поры, запечатлели драматический поворот в судьбе трудового народа. Шмелев правдиво передает трагедию обездоленных, осиротевших крестьянских семей, выразительно рисует образ «мокрых, темных пустых полей, тоскующих под ветром», с чувством щемящей грусти описывает «шеренги крестцов нового хлеба, золотящихся под ветром в просторах бурых полей» [1, т. VII, с. 66]. Эхо войны докатывается до самых глухих уголков

необъятной страны, принося с собой горе и лишения. «Там... на войне-то, лес рубят!.. — говорит герой рассказа «Оборот жизни» деревенский столяр Митрий. — А тут щепа да стружка летит» [1, т. VII, с. 113].

В сдержанных тонах писатель запечатлел драмы и трагедии войны, на которой гибнут или становятся калеками тысячи русских людей. Погибает в «неизвестном далеком поле, куда не найти дорог» [1, т. VII, с. 157] друг детских лет писателя, капитан Евгений Пиуновский, человек «с сердцем мужественным и честным», с которым они в детстве ловили окуней в Мещанском пруду в Замоскворечье, играли в эскимосов, общались с А. Чеховым, ходили в Троице-Сергиеву лавру, чтобы получить благословение старца Варнавы (рассказ «У плакучих берез»). Ощущение от трагедии, вызванной гибелью друга, усиливается еще и от того, что автор-повествователь обращается к прошлому, к светлой поре детства, когда казалось, что жизнь будет продолжаться вечно. Выразительные пейзажные зарисовки, вынесенный в название рассказа образ «плакучих берез» усиливают эмоциональное впечатление, настраивая душу читателя на волну грусти и печали.

Исполнены сдержанного драматизма и другие рассказы цикла, повествующее о драмах и трагедиях народа. Обречен на медленную смерть от «сухотки мозга» в результате контузии тридцатилетний крестьянин-красавец Мирон из рассказа «Мирон и Даша». Одноногим инвалидом с глазами «как у пойманной птицы» возвращается домой некогда «лихой кровельщик» Василий Грачев. «...Теперь он прочно пришит к земле костылем. Ни лихости, ни былого задора. Не завьется теперь под крест и не пройдет за бутылку водки по высоченному краю сквозного железнодорожного моста, не ударит картузом по руке инженера бельгийца, все за ту же водку, что с одной веревкой, дощанкой да парой палок доберется до маковки заводской трубы» [1, т. VII, с. 125].

В рассказе «На большой дороге», одном из лучших в сборнике, действие происходит в деревенской чайной. Все разговоры посетителей объединены жгучей темой войны. Тут и рассуждения доморощенных политиков «почему Америка не воюет», и наивная легенда деревенского жителя о трех святых, совещающихся в темной хате о том, не пора ли прекратить войну, которую рассказывает едущий в Москву проведать раненого сына крестьянин-старик, и бесшабашное гулянье новобранцев. Центральное место занимает в рас-

сказе образ «худого мужика с узелком», зашедшего в чайную по пути на почту отправить посылку находящемуся в плену сыну-солдату. Крестьянин радуется, что второй его сын «в аньтилерии... все будто в сохранности» [1, т. VII, с. 184]. На почте он внезапно узнает о его гибели: «Убили, — повторял мужик, силясь собрать расползающиеся в гримасу неслушающиеся губы. — Домой надоть, бабе говорить надоть, а как говорить-то...» [1, т. VII, с. 196]. Психологически емкие паузы и выразительные авторские ремарки являются здесь средством раскрытия душевного состояния героя, с живой, волнующей глубиной передают трагедию отца, потерявшего на войне сына.

Горе посещает не только деревенские избы. В богатой усадьбе убитая горем старая барыня ждет со дня на день тело своего сына офицера-кавалериста, женившегося перед самой войной (рассказ «Ожидание»).

Как и многие произведения И. Шмелева, рассказы этого сборника отличает конкретность и точность в подборе деталей, тонкий психологический рисунок. Творческой манере писателя в высшей степени свойственно внимание к частностям, к тому, что воссоздает бесконечно изменчивую, но осязаемую ткань жизни. Быт деревни военного времени воспринимается им как сложное проявление «жуткой и красивой пестроты», «в дегте и сусали, в неслышных криках, в зажатых стонах и беззаботности» [1, т. VII, с. 110]. Изображение пестроты повседневного существования служит вдумчивому исследованию быта, правдивому воссозданию картин жизни народа в один из драматических моментов его истории.

Композиционно рассказы цикла, каждый из которых раскрывает какую-либо одну сторону, один эпизод из жизни деревни, взаимно дополняя и углубляя друг друга, составляют единую и цельную картину народной жизни военной поры.

Как уже было сказано, сборник «Суровые дни» создан на материале калужской действительности. Об этом свидетельствуют и часто встречающиеся на его страницах названия населенных пунктов: Малоярославец, Боровск, Тихонова пустынь, — ряда деревень. «Невыдуманность» является основной эстетической категорией этих произведений, и мы вправе рассматривать их как жизненные факты, художественно преображенные творческой фантазией писателя. Строгое, сдержанное повествование насыщено лирическими раздумьями автора, стремящегося посмотреть на события войны с нравственно-этических позиций. Шмелев

показывает читателю духовную силу русских мужиков и баб, помогающую им выстоять в тяжелую годину. Персонажи сборника, каждый по-своему, воплощают «всю тяжелой жизнью вымученную, мудрую болеющую Россию, скорбящую и все же непоколебимую» [1, т. VII, с. 158].

Вышедший из печати в апреле 1916 г. сборник «Суровые дни» был одобрительно встречен критикой. «Его рассказы, — писал, например, А. Дерман об авторе сборника, — выдержаны в тоне глубоко серьезном, вдумчивом, в духе сознания прежде всего огромности и глубины той массовой катастрофы, которая обрушилась на людей» [13]. Восторженную оценку произведениям Шмелева дал Л. Андреев, откликнувшийся на них рецензией в газете «Русская воля». «Ив. Шмелев — правдивейший из русских писателей, — указывает рецензент. — Правдив он, как на исповеди, правдив торжественно и просто, как в предсмертный час... Кто еще умеет плакать над книгой, тот не может не заплакать над многими ее страницами», ибо здесь изображена «жуткая скорбь мужицкого царства, призванного на кровь, его смутные и несмелые надежды, его темный труженический лик». Андреева особенно радует, что, вопреки «надменным новозападникам», видевшим в мужике «хама и безнадежного эфиопа», Шмелев изобразил русского крестьянина без всякой тенденциозности, «нежно и любовно, трепетно и чутко новой красотой озарил его лапти и зипуны, бороды и морщины, его трудовой пот... В чистой правде души своей стоит он как вечный укор несправедливости и злу, как великая надежда на будущее» [14]. С этим мнением трудно не согласиться.

Калужская тематика представлена и в других произведениях Шмелева. В рассказе «Чего ждет земля (Суд Соломона)», впервые выпущенном в 1917 г. в Калуге частной типографией С. Шимановского, он рисует «просторы вольные»: вольготно расположившиеся под Калугой приокские пойменные луга и их сторожа 70-летнего калужанина Семена Николаевича, по прозвищу Вострый, который много читает, «любит крепко Россию, любит и вообще человечество», мечтает о такой жизни, «где бы никто не удручал никого, не давил личность, всякого, самого слабого человечка уважал как подобие Божие» [15].

С Калужским краем связано и последнее крупное произведение писателя — роман «Пути небесные» (1936–1947). Как и во многих других произведениях Шмелева, в основу данного романа

положены реальные факты. В нем повествуется о сложном пути к Богу главных героев: инженера-механика В. Вейденгаммера и его жены Д. Королевой.

Виктор Алексеевич Вейденгаммер (1843–1916) — родной дядя супруги писателя. Уйдя из семьи после измены жены, тридцатидвухлетний инженер встретил и полюбил юную послушницу Страстного монастыря в Москве, сироту-белошвейку Дарью Королеву, которая стала его гражданской женой (первая жена В. Вейденгаммера не давала ему развод, поэтому он так и не смог законно оформить свой второй брак).

В кон. 1890-х гг. В. Вейденгаммер принимал участие в строительстве железной дороги «Козельск — Сухиничи». Живя в Козельске, супруги часто посещали Оптинскую и Шамординскую обители, окормлялись о. Иосифом, учеником старца Амвросия Оптинского. В одно из посещений ими Оптиной пустыни старец Амвросий предсказал кончину Д. Королевой: «Умрешь на своей речке». Так оно и случилось, когда они ехали в Туркестан, куда Вейденгаммер получил назначение по службе. На одной из станций, проезжая р. Амударья, Д.И. Королева побежала за покупками, и ей встречным поездом отрезало ноги. Выполняя волю жены, В. Вейденгаммер похоронил ее в деревне Руднево, владении Шамординского монастыря, у деревенской церкви.

После трагической гибели жены 56-летний вдовец хотел покончить с собой, но по совету старца Иосифа с 12 июня 1900 г. стал послушником Оптиной пустыни, где и пребывал до конца дней (умер 17 апреля 1916 г. на 73-м году жизни). В монастыре Вейденгаммер проявил себя талантливым архитектором и строителем. Под его руководством был перестроен придел главного храма обители — Введенского собора и сооружена церковь Льва Катанского. При его участии были также возведены некоторые постройки Шамординского монастыря, куда Вейденгаммер наведывался часто еще и потому, что здесь находилась его родная сестра Ольга, работавшая в монастырской больнице. Жил В. Вейденгаммер в скиту, в выстроенном им самим домике, который сохранился до сих пор и носит название «Домик Вейденгаммера» [16].

Супруги Шмелевы несколько раз навещали его в монастыре. В архиве писателя сохранилось письмо В. Вейденгаммера своей племяннице, посланное из Оптиной пустыни [17].

Роман, состоящий из двух частей, построен как воспоминания Вейденгаммера после смерти жены об их знакомстве и жизни, трудном движении двух сердец друг к другу, о постижении ими духа и сути русского православия. Действие третьей части романа должно было происходить в Оптиной пустыни. Замысел, к сожалению, остался неосуществленным из-за смерти писателя, последовавшей 24 июня 1950 г. в православной обители Покрова Божьей Матери в Бюсси — ан От, под Парижем.

Подводя итоги сказанного, следует подчеркнуть, что произведения И. Шмелева, созданные им на калужском материале, занимают важное место в его творчестве и в целом в русской литературе 1-й пол. XX века.

Примечания

1. Шмелев И.С. Соч.: В VIII т. — Т. IV. — М., 1913. — С. 64. Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием тома и номера страницы.
2. Белоусов И.А. Литературная среда. — М., 1928. — С. 187.
3. Там же.
4. См. об этом подробнее в письмах И.С. Шмелева Н.С. Клестову-Ангарскому // Записка отдела рукописей Российской государственной библиотеки. — Вып. 45. — М., 1986. — С. 268–270 (Публикация А.П. Черникова).
5. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — РГБ), ф. 356, карт. 3, ед. хр. 30.
6. Белоусов И.А. Указ. соч. — С. 187.
7. Там же.
8. Русская литература. — 1971. — № 4. — С. 133.
9. Письма С.И. Чацкиной И.С. Шмелеву от 3 и 14 августа 1914 г. // РГБ, ф. 387, карт. 9, ед. хр. 47.
10. Русские записки. — 1916. — № 6. — С. 83.
11. Российский государственный архив литературы и искусства, ф. 155, оп. 1, ед. хр. 520.
12. Черников А.П. И.С. Шмелев и И.А. Бунин // Русская литература. — 1980. — № 1. — С. 173.
13. Русские записки. — 1916. — № 6. — С. 83.
14. Русская воля. — 1917, 9 янв. — № 8. — С. 7.
15. Шмелев И. Чего ждет земля (Суд Соломона). — Калуга, 1917. — С. 4, 7.
16. Некоторые сведения о жизни и деятельности В. Вейденгаммера в Оптиной пустыни содержатся в двух материалах, хранящихся ныне в архиве обители: в «Описании скитского кладбища Оптиной пустыни» и в Воспоминаниях монахини Шамординского монастыря Амвросии (А.Д. Оберучевой).
17. РГБ, ф. 387, карт. 10, ед. хр. 10.

И.А. Чичерова
(Москва)

Земство и правительственная власть во 2-й пол. XIX в. (на примере Тульской и Калужской губерний)

При изучении какой бы то ни было правовой проблемы знание ее истории является необходимым условием беспристрастного и объективного рассмотрения. Однако, несмотря на большое количество публикаций в последнее время, посвященных местному самоуправлению, в них оставалась обыкновенно в тени история его становления и развития. В условиях реформирования местного самоуправления в настоящее время на первый план выступает проблема определения места этого института в системе российского права и его отношения к государственной власти. Поэтому правовой статус земских учреждений, их деятельность, их отношения с правительственной властью не могут сегодня не привлекать внимания государствоведов.

Еще до принятия закона о земских учреждениях в юридической науке была разработана теория местного самоуправления, получившая название общественно-хозяйственной. Сущность ее заключалась в противопоставлении общественного начала правительственно-бюрократическому. Должностные лица самоуправления, дела и задачи которого — строго хозяйственные, исполняют свои обязанности не по назначению от правительства, а по выбору местного населения, и поэтому местное самоуправление расценивается прежде всего как самодеятельность граждан, материально и дисциплинарно свободных в своем волеизъявлении.

В период подготовки законопроекта в среде дворянства раздавались голоса о необходимости создания такой системы самоуправления, где: 1) выборные органы самоуправления будут поставлены в действительно независимое и самостоятельное положение в круге предоставленных им задач, и 2) самоуправляющиеся союзы должны будут получить всесословный характер, охватывая всю совокупность местного населения. Калужское дворянство также высказывалось о необходимости выборных местных хозяйственных учреждений из лиц разных сословий, но при этом желало сохранить сословные дворянские собрания из потомственных дворян. Проблема самостоятельности земства, его отношения к административной власти не нашла отражения ни в постановлении Калужского дворянского губернского собрания, ни в постановлениях дворянства других губерний с развитым зерновым помещичьим хозяйством [1].

Необходимо отметить, что земскую реформу нельзя рассматривать изолированно от общеисторического контекста, так как она была логическим продолжением реформы 1861 г., уравнявшей все слои русского общества в пользовании гражданскими правами. Только с уничтожением крепостного права могла решиться более или менее удовлетворительно задача создания в России местного самоуправления.

Земские учреждения XIX столетия должны были существенно отличаться не только по формам, но и по основным принципам своего устройства и деятельности от всех существовавших в истории России местных учреждений. Прежде всего нужно сказать, что впервые лишь с 1864 г. можно вести речь о местном самоуправлении, а не о государственном управлении местными делами, ибо и в XVI в., когда местные миры избирали из своей среды «излюбленных людей», чтобы представить правительственной власти известное количество лиц, способных исполнять казенные поручения, и в XVIII в., когда екатерининское «Уложение о губерниях» предоставляло губернским инстанциям, построенным на чисто бюрократическом начале, право контроля и руководства выборными уездными органами в зависимости от личного усмотрения наместника [2], не было реализации основного принципа самоуправления, а именно права местных властей, избранных всенародно, управлять местными делами без вмешательства центрального правительства. Центральная и местная политика должны быть взаимосвязаны, но понятие самоуправления подразумевает, что в пределах более широкой, общей структуры местные власти свободны сами решать, контролировать местную политику. Законоположение о земских учреждениях должно было явиться фундаментом местного самоуправления, не ограничиваемого ни вмешательством бюрократии в область земских дел, ни сословной разобщенностью местного населения.

Прежде чем приступить к созданию самого проекта закона, комиссия по созданию проекта преобразования губернских и уездных учреждений составила «Соображения об устройстве земскохозяйственного управления», из которых следует, что предстоявшая реформа рисовалась комиссии не как частичное улучшение старого административного механизма, а как создание совершен-

но новой системы местной власти, избавленной от бюрократической опеки: «Доколе действия земских учреждений касаются только местного интереса, нет надобности в участии правительственной власти, в прямом ее вмешательстве и влиянии на ход дел» [3].

К сожалению, не все высказанные в «Соображениях» комиссии принципы нашли отражение в принятом 1 января 1864 г. Положении о губернских и уездных земских учреждениях. По мнению А.А. Кизеветтера, «вопросы о содержании и пределах компетенции земских учреждений, о составе земского представительства, об отношении земства к органам коронной администрации — были разработаны, в конце концов, в духе соглашения новых начал с заветами старины» [4].

По Положению 1 января 1864 г. земства создавались как всесословные, но с преобладанием дворянства, органы местного самоуправления с ограниченной компетенцией по хозяйственным делам. Теория общественно-хозяйственного самоуправления сыграла двоякую роль. С одной стороны, выделение отдельных местных интересов, отличных от интересов государственных, должно было лучше обеспечить независимость и самостоятельность земских учреждений. С другой стороны, на почве этой теории определение компетенции земств рассматривалось не как передача им известной части правительственных функций, а как предоставление им права заведования местными делами без всякого ограничения прежней компетенции коронной местной администрации. На основе такого теоретического подхода создалась возможность лишить земские учреждения принудительной исполнительной власти. Положение 1864 г. оставило местную полицию в ведении правительственных учреждений и тем самым затруднило проведение в жизнь распоряжений земства, так как им была предоставлена возможность лишь обращаться к «содействию» местной полиции.

Разграничение земских и государственных дел было проведено комиссией под руководством министра внутренних дел П.А. Валуева по двум признакам: 1) земские учреждения ведают дела местные, а правительственные учреждения ведают дела общегосударственные; 2) ведению земства должны подлежать исключительно дела хозяйственные, ибо земства — это местные хозяйственно-общественные союзы [5]. К этим хозяйственным делам статья 2 Положения отнесла заведование имуществами, капиталами и денежными сборами земства, меры обеспечения народного продо-

вольствия, попечение о развитии местной торговли и промышленности, дела по взаимному страхованию, общественному призрению, народному образованию в хозяйственной части и по «охране народного здравия» [6]. В области народного образования предоставлялось собирать суммы на расширение школьного дела, но в распоряжении этими суммами права земства ограничивались. Тем не менее наибольшие расходы по отдельным отраслям земского хозяйства выпадали на долю народного образования и здравоохранения. Так, в 1888 г. более 23 % бюджета калужского земства было израсходовано на «народное здравие», что составляло 226 811 руб. На дело народного образования было израсходовано 130 084 руб., что составило почти 15 % бюджета [7].

Учреждениями земского общественного управления являлись губернские и уездные собрания и губернские и уездные земские управы (статья 3 Положения). Первые облекались властью распорядительной, вторые — исполнительной. Составом уездных собраний предрешался состав губернских, так как губернские гласные должны были избираться уездными земскими собраниями. Отвергнув организацию избирательных групп на начале сословности, Положение не вводило, тем не менее, территориальных избирательных округов, а разделило население уезда на имущественные группы: 1) группа частных землевладельцев; 2) городские общества; 3) сельские общества (статья 14). В соответствии со статьей 16 избиратели образовывали отдельные избирательные съезды, и количество гласных, избираемых от каждой группы, было определено отдельно для каждого уезда. При этом преобладающее количество мест получали дворяне (8). В Калужской губернии удельный вес дворянства в земском собрании составлял 80 %. В 1883–1886 гг. в целом по губернии от землевладельческой курии избиралось 68,4 % дворян и 23 % купцов и крестьян. В Тульской губернии это соотношение составляло 89 и 8,5 % [9].

Вопрос о соотношении земского самоуправления и правительственной власти решился Положением 1864 г. не в соответствии с принципом полной самостоятельности земских органов. Губернатору было предоставлено право останавливать не только противоречащие законам постановления земских учреждений, но и несогласные, по его мнению, с государственными пользами (статья 9). Кроме того, в соответствии со статьями 90 и 91, губернатор утверждал сметы земских собраний, и без его утверждения они не имели силы. По целому ряду вопросов постановления зем-

ских собраний не могли исполняться без предоставления их на утверждение губернатора, а в некоторых случаях и министра внутренних дел. О том, насколько частыми были губернаторские протесты по различным вопросам, решаемым губернскими и уездными земскими собраниями, свидетельствует тот факт, что Калужским губернским земским собранием были созданы специальные комиссии «для предварительного рассмотрения замечаний господина Губернатора» по вопросам уездных смет и раскладок, обложения земским сбором земли г. Калуги и другим [10].

Отрицание государственной природы земских учреждений приводило к возникновению в деятельности земств определенных трудностей. Так, 13 июня 1867 г. был издан закон, по которому вся документация земств должна была подвергаться цензуре губернатора, а 19 сентября 1869 г. было издано Высочайше утвержденное положение Комитета министров, согласно которому всякая корреспонденция земских управ должна была подлежать оплате наравне с частной. Мотивировалось это тем, что «земские учреждения ни по своему составу, ни по основным началам не суть власти правительственные, вследствие чего и не имеют законного права на какие-либо перед частными лицами и обществами преимущества при пересылке по почте их корреспонденций» [11].

Практическая деятельность земств в период до введения в действие нового Положения о земских учреждениях оценивалась в то время различно. Например, известный русский юрист и общественный деятель Б.Н. Чичерин считал, что реформами Александра II местное самоуправление поставлено на «настоящую ногу» и отношения между властями установлены правильные [12]. Пресса кон. 80-х годов XIX в. вполне определенно разбилась на два направления в вопросе о реформе местного самоуправления. Хотя оба лагеря признавали обособленность земства от общего управления одной из отрицательных сторон закона 1864 г., но выход из этого положения они видели разный. Первое направление [13] высказывалось за необходимость расширения области самоуправления, включение земства в общегосударственный механизм, объединение в руках земства всей власти в уезде и губернии, что сделало бы ненужным все многочисленные присутствия с их армией чиновничества [14]. Противоположные взгляды публиковались в журналах «Русский вестник» и «Московские ведомости». Издатель «Русского вестника» М.Н. Катков считал, что «...рус-

ское самодержавие не должно терпеть никакой неподчиненной ему или не от него исходящей власти в стране, никакого государства в государстве» [15]. Суть выступлений данного направления сводилась, в сущности, не к реформированию местного самоуправления, а к его полному уничтожению, слиянию с коронной администрацией. Сегодня не представляется возможным считать, что такие мысли были вызваны лишь недовольством правительства возраставшей политической активностью земств, так как подобные голоса раздавались и среди самих земских деятелей. Особенно интересным в этом плане нам кажется рассмотрение в Калужском губернском земском собрании вопроса о проекте отмены выборного начала для крупных землевладельцев. Необходимость предоставления права участия землевладельцев в деятельности земств без выборов обосновывалась тем, что на долю крупных землевладельцев приходилась значительная часть повинностей и они в случае невыбора лишались возможности защищать свои интересы. Эта точка зрения разделялась не всеми губернскими гласными. Например, гласный П.Ф. Виноградов в выборном начале усматривал основу существования подлинного местного самоуправления и доказывал, что в делах земства заинтересованы более всего люди мало- и среднеобеспеченные [16].

Новое законодательство о земствах 1890 г. внесло некоторые изменения в порядок организации и функционирования этих учреждений. Видный представитель юридической мысли XIX в. Н.М. Коркунов считал, что в основу принятого в 1890 г. Положения о земских учреждениях была положена государственная теория самоуправления [17]. Новый закон устранил взгляд на характер земских учреждений как на частные хозяйственные общественные союзы и придал им значение государственных, правительственных установлений (статья 4) [18]. Но это признание за земством государственного характера выразилось не в наделении земских учреждений известными прерогативами правительственной власти, а в еще большем стеснении самостоятельности земств и усилении надзора губернской администрации за земскими учреждениями (статьи 5 и 103 Положения). Председатели и члены земских управ считались состоящими на государственной службе. Сохранился циркуляр тульского губернатора уездным земским управам Тульской губернии от 5 ноября 1892 г., в котором он требует от председателей и членов уездных управ являться на заседания уездных собраний в «присвоенной им форменной одежде» [19].

Общее количество гласных земских собраний по новому Положению было сокращено, и число гласных от дворян, выделенных статьей 28 в особое избирательное собрание, должно было превышать половину всего назначенного для уезда контингента гласных (приложение к статье 14). Общее количество гласных Калужской губернии сократилось по новому Положению до 84 % в сравнении с Положением 1864 г., а в Тульской губернии — до 71 % [20]. Земские управы, ранее подчиненные только земским собраниям, теперь были подчинены и непосредственно губернатору. Особое значение имело расширение права губернаторского протеста (статья 87), по которому начальник губернии осуществлял надзор не только за законностью решений земских собраний, но и за их целесообразностью.

Тем не менее Положение 1890 г., хоть и было ориентировано на сословность и ограничение самоуправления, не уничтожило земства, не сделало его придатком губернаторской власти. Напротив, именно со 2-й пол. 90-х гг. деятельность земств активизировалась и высоко оценивалась [21]. В 1896 г. Каширским земством Тульской губернии было ассигновано на народное образование 8 775 руб., что составляло 11,7 % всего бюджета [22]. Не меньшие средства выделялись и на здравоохранение [23].

Законодательство и вся административная практика за более чем 50-летний период существования земского самоуправления шли по пути вовлечения местного самоуправления в общую государственную структуру. Данная объективная тенденция не могла найти верного выражения в правовой практике самодержавной России, так как этому мешала постоянная боязнь возникновения и усиления политических тенденций в деятельности органов местного самоуправления.

Примечания

1. Гармиза В.В. Подготовка земской реформы 1864 г. — М., 1957. — С. 69.
2. Россия: Энциклопедический словарь. — Л., 1991. — С. 160–161.
3. Материалы по земскому общественному устройству (Положение о земских учреждениях). — Т. 1. — Спб., 1885. — С. 144.
4. Кизеветтер А.А. Местное самоуправление в России IX–XIX столетий: Исторический очерк. — Пг., 1917. — С. 111.
5. Пажитнов К.А. Городское и земское самоуправление. — Спб., 1913. — С. 71.
6. Положение о губернских и уездных земских учреждениях от 1 января 1864 г. // Законоположения о земских учреждениях. — Т. 1. — Б. м. Б. г. — С. 3–25.

7. Обзор Калужской губернии за 1888 г. (Приложение ко всеподданнейшему отчету калужского губернатора). — Б. м. Б. г. — С. 15.
8. Ведомость о числе гласных, избираемых в земские собрания на первое трехлетие, с открытия земских учреждений // Законоположения о земских учреждениях. — Т. 1. — С. 29–45.
9. Захарова Л.Г. Земская контрреформа 1890 г. — М., 1968. — С. 16–17.
10. Постановления Калужского губернского земского собрания за 1869 г. — № 18, 19; за 1870 г. — № 26, 22, 32 // Обзор деятельности Калужского земства за первое двадцатипятилетие. — Вып. 2 (1869–1872): Сб. постановлений Губернского земского собрания. — Калуга, 1892. — С. 10, 11, 12.
11. Пажитнов К.А. Указ. соч. — С. 89.
12. Воспоминания Б.Н. Чичерина. Земство и Московская дума. — М., 1934. — С. 126.
13. Журналы «Русская мысль», «Вестник Европы», «Русские ведомости».
14. Захарова Л.Г. Указ. соч. — С. 85–87.
15. Цит. по кн.: Пажитнов К.А. Указ. соч. — С. 91.
16. Обзор деятельности Калужского земства за первое двадцатипятилетие. — Вып. 1: Губернские земские учреждения в период деятельности губернской управы 1-го состава. 1865–1869. — Калуга, 1891. — С. 11–13.
17. Коркунов Н.М. Русское государственное право. — Т. 2. — Спб., 1903. — С. 397–398.
18. Мыш М.И. Положение о земских учреждениях 12 июня 1890 г. с относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями. — Т. 1. — Спб., 1910.
19. Государственный архив Тульской области (далее — ГАТО), ф. 73, оп. 1, д. 3, л. 1.
20. Гронский П.П. Земское представительство // Вестник права. — 1905, февраль. — Кн. 2. — Спб., 1905. — С. 36.
21. Клопов А.А. Самодеятельность и земство в народной жизни России. — Спб., 1913.
22. ГАТО, ф. 73, оп. 1, д. 514, л. 17.
23. ГАТО, ф. 73, оп. 6, д. 18; ф. 73, оп. 4, д. 47.

И.Н. Юркин
(Тула)

Родион Горбунов против Никиты Демидова (К истории следствия о партикулярных заводах 30-х гг. XVIII в.)

Донос на Н.Н. Демидова его приказчика Родиона Горбунова — страница хроники демидовского рода, относящаяся к 1-й пол. — сер. 30-х гг. XVIII в., трудной полосе в жизни братьев Акинфия

и Никиты Никитичей Демидовых, когда серия следственных дел по обвинениям в различных преступлениях (включая уголовное) нанесла ощутимый удар по упорным трудом ковавшемуся могуществу их рода. Содержание затронутых ниже эпизодов этой истории восстанавливается на основе документов, выявленных автором в фонде Тульской провинциальной канцелярии Государственного архива Тульской области.

«Горбуновское дело» — часть проводившегося в 1733–1735 гг. крупномасштабного следствия, главным подозреваемым и обвиняемым в котором были Демидовы. Оно было начато 4 августа 1733 г. указом императрицы Анны Иоанновны о всеобщей проверке расчетов металлопромышленников с казной, прежде всего выплаты ими «десятины», основного налога, исчислявшегося от объема выпущенной продукции. В Тулу для ревизии здешних предприятий был направлен асессор Коммерц-коллегии Василий Васильев, начавший проверку с посещения в начале октября Тульского завода Акинфия Демидова [1].

Доносы на Демидовых пошли с начала ревизии. Стоило помощнику Васильева, сержанту Ивану Трунову, по пути на заводы младшего из братьев, Никиты, прибыть в Алексин, как от бурмистра городской ратуши Ивана Рыкалова поступило доношение о неуплате заводовладельцем таможенных пошлин [2]. О нем же — Никите Никитиче — шла речь в доносе, поданном Васильеву приказчиком заводчика Родионом Горбуновым. Доношение «в некотором интересном деле» ревизор рассмотрел; материалы следствия и экстракт из них отправили в Петербург в особую для проведения проверки заводов учрежденную комиссию [3].

Ход событий, а отчасти и содержание конфликта между хозяином и приказчиком, проясняют материалы Тульского архива.

В 1734 г. 9 января цегентнер (сборщик налога) Берг-коллегии Н.Н. Демидов подал на находившийся в Туле Санкт-Петербургского драгунского полка полковой двор прошение, в котором сообщал о побеге в декабре 1733 г. служившего у него приказчиком на Брынских железных заводах тульского кузнеца Родиона Горбунова. Беглец, по утверждению Демидова, украл деньги, письма и многие «пожитки» — всего три ящика добра. В Калуге, на дворе посадского человека Ивана Белоглазова, Горбунов их разграбил, после чего бежал, часть имущества бросив. Осмотревший оставленное Белоглазов отправил ящики, при прошении, в Калужскую ратушу. Горбунов между тем скрывался в Туле — тайно

жил здесь в своем доме. Истец просил «сыскать» беглеца, расспросить его и «по расспросу и розыску отослать к воевоцкому правлению» (в провинциальную канцелярию) [4].

11 января арестованный и приведенный на «в Туле от ковоlерии Санктъ-Петербурскому полку в полковой двор» Горбунов предстал «перед господами штап- и оборъофицеры». Он сообщил, что служил у Демидова по контракту на Брынских его заводах приказчиком с февраля 1733 г. Кражу денег и пожитков, равно как и определение его поведения словом «побег», он отрицал (деньги — 170 руб. — возил «по писму ево, Демидова, и по приказу брата его двоюродного Лукьяна Копылова... в город Мещевск для оплаты доимочных мелничных и других денег») и ссылался на взятую им в подтверждение квитанцию. Ее, впрочем, на руках у него не оказалось — при свидетеле она была отдана в Калуге демидовскому крестьянину Савелию Ильину.

Впрочем, не все деньги, как вынужден был признать сам Горбунов, были израсходованы по указанному назначению. Вот подлинный текст его показаний, раскрывающих, помимо прочего, характер «выездных» забот приказчика демидовского завода и очерчивающих круг его делового общения в Калуге и Мещовске: «Не токмо из вышеписанных ста семьдесят рублев отдал в по(ка)занном городе Мещевске сто семь рублев с нескольким числом копеик, да в том же городе Мещевске по знакомству отдал бурмистру Григорию Блестинову для зо(пла)ты с мелницы оброчных д(е)н(е)г тринатца(ть) рублев, да с рыбной ловли, да с дамовой ево, Дем(и)дова, бани зоплотил оному ж бурмистру Блестину, которыя он зоплотил до приезду моего, два рубли, да издержал на св(ои) расходы и роздал приказным людем за роботу пять рублев, да в Колуге, как отд(а)вал рекрут, дву ч(е)л(о)в(е)к, отдал на пр(о-корм (?) ево, Демидова, крестьяном Минаю Павлову, Савелью Ильину десять рублев, да колужскому посадскому ч(е)л(о)в(е)ку Ивану Белоглазову дал десет(ь) же рублев на отправу ево ж, Демидова кокие... позавут ижды, да в том же городе Калуге истратил на мелкие свои расходы и крест(ь)яном ево, Демидова, и рекрутам два рубли, да ис тех же д(е)н(е)г на Дугненъских ево, Демидова, заводех отдал с(ы)ну ево Евдокиму Демидову двенадцеть рублев (да дал мне на дорогу, как ездил на Мендировы (?) заводы, оной Евдоким Демидов три рубли): а достольные деветь рублев издержал я на себя». Факт посещения Белоглазова Горбунов подтвердил: на двор к нему он «зоезжал, и в доме ево, показоного Демидова

с крестьяны и с рекруты ночевал, и... три ящика... оставил». Но ящики эти Демидову не принадлежали: они были сделаны на Брынских заводах на деньги Горбунова. Находилась в них «только одна выдра», купленная им на заводах, «да дватцать три аршина холстины, да присланныя от брата... родного всякия пис(ь)ма». Со двора Белоглазова Горбунов съехал не таясь, договорившись с хозяином об отправке оставленного у него имущества вслед за собой в Тулу. Об «объявлении» ящиков в Калужской ратуше владелец их сведений не имел [5].

Любопытно, что эти показания, в целом обелявшие Горбунова, он подписал тем не менее только в черновике — «упрямством своим к белому распросу» руки «не приложил» [6].

Пока шел допрос Горбунова, на полковой двор из Тульской провинциальной канцелярии поступила промемория, подписанная полковником Сергеем Шишковым и капитаном Яковом Жедринским. Говорилось в ней о Горбунове. Но интерес, проявленный к нему канцелярией, с демидовскими претензиями связан не был. Оказывается, кузнецы Тульской оружейной слободы Родион и Никифор Горбуновы, арендовавшие у асессора Герасима Мансурова винокуренный завод в Алексинском уезде, по сведениям Алексинской воеводской канцелярии, не заплатили за 1731–1733 гг. налог в сумме 153 руб. за 15 учтенных казанов. 22 декабря 1733 г. провинциальная канцелярия обратилась в Тульскую окружную контору, требуя предоставить ей должников для правежа. Из ответа, полученного 7 января, следовало, что один из Горбуновых — Родион — живет на Брынских заводах Никиты Демидова. Канцелярия решила обратиться к заводовладельцу: сыскав «оного Демидова», «в поставке» с него «Горбунова взять скаску с подтверждением». Демидов 11 января и проинформировал провинциальную канцелярию о приказчике Горбунове и совершенной им краже, сообщил, где тот находится в настоящее время.

Шишков и Жедринский просили по освобождении Горбунова с полкового двора прислать его к ним с караулом [7]. Поскольку арестанта уже допросили, просьба удовлетворена была почти сразу: в кандалах, при драгуне и промемории; Горбунова 12 января препроводили в тульскую провинциальную канцелярию [8].

Тем временем заинтересовалось Горбуновым, наконец, и учреждение, обязанное заниматься оружейниками в первую очередь — Оружейная контора. В день, когда арестанта передали воеводской власти, контора (в лице капитана полевой артиллерии Половинкина), адресуясь к армейскому начальству (в лице полковника Протасова), сообщила о появлении в ней 8 (?) января (то есть на другой день после ответа на запрос провинциальной канцелярии) васильевского помощника сержанта Преображенского полка Ивана Трунова. Явившись к Половинкину, именным указом тот объявил, что имеет до Родиона Горбунова «Ея Императорского Величества интересное дело», и потребовал «ево (Горбунова. — *И.Ю.*) от нападавших на него всякого чина людей охранять и ни х какой напрасной страсти не допускать». Но Горбунова в конторе в наличии не было; да и где искать его здесь, представляли достаточно смутно. Наконец, «канторе Оружейной извесно учинилось, что помянутой Гарбунов содержитца на полковом дворе, а по какому... делу о том... не известно». Автор письма обращал внимание на превышение, с его точки зрения, военным ведомством полномочий: то, «что... он, Гарбунов, без сношения конторы Оружейной на тот полковой штапной двор взят под короул — учинено в противность указу», а именно, распоряжением Канцелярии главной артиллерии и фортификации, конторы этой канцелярии, наконец, данной Половинкину инструкции. Согласно им, «казенных оружейных мастеров и кузнецов судом и расправою, кроме криминальных дел, ведать» следовало исключительно в Оружейной конторе. В иных учреждениях (включая воеводскую канцелярию) «судов и расправ между... ими чинить» было «не велено» — Горбунов же на полковой двор был взят «без сношения» с конторой. Половинкин требовал, чтобы колодник, согласно объявленному Труновым указу, «содержен был до указу в добром и безопасном охранении» [9].

Адресат письма Половинкина, полковник Протасов, 11 января предписал капитану Тейхману (распоряжавшемуся на полковом дворе) выполнить требования. Но Горбунова протасовский ордер там, видимо, уже не застал. Ответивший начальнику 14 января Тейхман отверг обвинение в превышении полномочий: по указу и плакату 1724 г., объяснял он, обретавшимся «на вечных квартирах» полковникам и иным офицерам вменялось в обязанность смотреть, «чтоб в дистриктах их воров, и разбойников, и беглых людей, и крестьян не было». А Демидов обвинял Горбунова именно в воровстве. Кроме того, истец просил о дос-

таточно скромном содействии: всего лишь о том, чтобы беглеца и вора «сыскали» и расспросили», предлагая отослать его после того «к воевоцкому правлению». Так и поступили: по снятии с Горбунова допроса, на основании отношения из провинциальной канцелярии (насчет взыскания недоимки и необходимости «подлинного исследования» по прочим обвинениям) 12 января (на другой день после письма Протасова) его отослали «в показанную провинциальную канцелярию при премемории». Между прочим, замечал Тейхман, для случаев, если кто «в каком разбое или воровстве ис показанных казенных кузнецов» явится, требования, «чтоб без сношения с Оружейной конторою по них не посылались и в других камандах следствия не производить о том в... печатном плакате и указах... не объявлено» [10].

Архивное дело, на документах которого основывался наш рассказ, на этом заканчивается, оставляя в неведении о дальнейшей судьбе переданного в провинциальную канцелярию колодника. Горбунов, как видим, почти одновременно понадобился для дознания трем учреждениям, причем по нескольким, на первый взгляд независимым, поводам: Демидов обвинял его в побеге и краже, казну волновало уклонение от внесения налога за арендуемый завод, наконец, по какому-то «интересному» делу его персона потребовалась столичным ревизорам. По крайней мере два из этих дел — следствие, проводившееся центральным ведомством, и учиненный в Туле розыск по доносу Демидова — были между собой связаны. Толчком для обоих послужил донос Горбунова.

Один из указов Коммерц-коллегии в Тульскую провинциальную канцелярию (от 8 июля 1736 г.) начинается с сообщения, что в «1733-м году во время следствия посыланного по имянному Ея Императорского Величества указу на Тул(ь)ские и другие партикулярные заводы... коллегии асессора Васил(и)я Васильева на заводех дворянина Никиты Демидова прикащик ево Родион Горбунов подал ему, асессору, на него, Никиту, доношение в некотором интересном деле, по которому ево доношению оным асессором следовало» [11]. Сведения об этом доносе и последовавших затем следственных действиях были обнаружены в фонде Берг-коллегии Н.И. Павленко.

Свою бумагу доноситель подал в декабре 1733 г. по пути в Москву, тайно. Демидов организовал за Горбуновым погоню — основания для беспокойства у него, безусловно, были.

В доношении Горбунов сообщил о подготовке, которую по полученной от Демидова инструкции из шестнадцати пунктов проводил на Брынском заводе его управитель, упоминавшийся Лукьян Копылов. Нежелательные люди — такие, как несговорчивый подьячий В. Пономарев, — с завода были удалены. Книги внутризаводской статистики опечатали и отправили в Тулу. Их место заняли другие, составленные специально для предстоящей проверки. Заводских мастеров уговаривали в случае допроса сообщать заниженные сведения об объемах производства [12].

Последовавшие за этим события нам в общих чертах известны. Но именно в общих чертах. Сопоставление сведений, сохранившихся в фондах местных и центральных учреждений (кстати сказать, не всегда согласующихся), позволяет более полно восстановить ход и логику событий. Группа петербургских ревизоров занялась проверкой горбуновского доноса. Предварительное следствие вел Трунов, вызывавший Демидова для допроса на съезжий двор. На вызов тот не явился — «сказки не дал и без указу сбежал из Тулы на заводы».

Известные нам доношения Демидова (сначала в провинциальную канцелярию, потом на штабной двор) по поводу якобы обокравшего его Горбунова [13] — реакция заводчика на эти события, предпринятый им контрудар. В результате прибывший в Тулу Горбунов вскоре оказывается под арестом на штабном дворе. Интересный штрих: согласно Павленко, опиравшемуся на материалы центральных ведомств, схватили Горбунова и отвезли его на двор люди Демидова. В наших документах эта деталь отражения не нашла, но выглядит она вполне правдоподобно.

Труновское следствие, между тем, выявляло все новые и новые противозаконные действия Демидова. Оказывается, он угрожал физической расправой («тянуть жилы и клещами выбрать ребра») тем из своих мастеровых, кто не скрыл правды во время допроса ревизорами, а одного даже избил. Девять наемных работников (из «правдолюбов») собрались жаловаться в Москву. Но ходоков нагнали и, взяв шестерых под караул, выставили им ведро водки, дали денег все с той же целью: заставить изменить первоначальные показания [14].

К сожалению, у излагавшего эти интересные сведения Павленко они не датированы. Можно лишь с достаточной уверенностью предполагать, что отраженные здесь события относятся ко

времени до возвращения Васильева в Петербург, приходящегося на 27 октября 1734 г. [15].

В конечном счете Н. Демидову удалось оправдаться по большинству обвинений, но благополучному для него исходу дела предшествовало длительное, законченное только в 1737 г. разбирательство, прямое отношение к которому по целому ряду пунктов имел неугомонный Горбунов. Венцом его доносов явилось обвинение братьев Демидовых в даче взяток возглавлявшему следствие барону П.П. Шафирову. В качестве источника сведений Горбунов указал на тульского канцеляриста Якова Самсонова, тот — на Копылова. Последний подтвердил, что сам «Никита Демидов сказал ему наедине, что помянутый барон Шафиров просил у него на вексель 2 тысячи рублей». Доказать факт взятки на следствии, однако, не удалось, и Горбунов угодил «на житье в Сибирь» [16].

Итак, выявленные нами в Тульском архиве документы раскрывают новые, ранее не известные подробности бурных для Демидовых событий 1-й пол. 30-х гг. XVIII в. Заметим, что в данном архивохранилище имеются и другие документы, относящиеся к заключительным страницам этого эпизода истории рода Демидовых.

Примечания

1. Рожков В.И. Берг-компания на магнитной горе Благодати в Сибири и на Медвежьих островах в Лапландии // Горный журнал. — 1885. — Т. 2. — № 5. — С. 246.
2. Там же. — С. 247.
3. Государственный архив Тульской области (далее — ГАТО), ф. 55, оп. 1, д. 3918, л. 1.
4. ГАТО, ф. 55, оп. 1, д. 3291, л. 1–1 об.
5. Там же, л. 2–3.
6. Там же, л. 11.
7. Там же, л. 7–7об.
8. Там же, л. 11 об. – 12.
9. Там же, л. 13–13 об.
10. Там же, л. 15–16.
11. ГАТО, ф. 55, оп. 1, д. 3918, л. 1.
12. Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности России в 1-й пол. XVIII в. — М., 1953. — С. 413.
13. ГАТО, ф. 55, оп. 1, д. 3918, л. 1.
14. Павленко Н.И. Указ. соч. — С. 413, 414.
15. Там же. — С. 414.
16. Рожков В.И. Указ. соч. — С. 256, 257.

Н.Е. Ячник
(Малоярославец)

Малоярославецкий Николаевский Черноостровский монастырь — памятник Отечественной войны 1812 г.

У каждого архитектурного сооружения, как и у человека, своя неповторимая судьба. Своя она и у Малоярославецкого Черноостровского (Черноострожского) Николаевского монастыря, прошлое которого неразрывно связано с событиями Отечественной войны 1812 г., именно Малоярославецкому сражению 24 октября обитель обязана всероссийской известностью, своим полным разрушением, но и новым рождением, уже как памятника Отечественной войны.

Основание монастыря относят к XIV в. и связывают с именем князей Оболенских-Черниговских. Первое письменное упоминание датируется XVII столетием. С 1809 г. монастырь возглавлял настоятель о. Макарий, происходивший из купеческого сословия и переведенный в Малоярославец из Оптиной пустыни. Приняв монастырское хозяйство, Макарий предполагал отремонтировать запущенный монастырь и выстроить новый собор, т.к. старая Владимирская церковь требовала капитального ремонта. Была сделана смета и завезен строительный материал. Но начатое дело было приостановлено начавшейся войной. Когда передовые части армии Наполеона приближались к границе Калужской губернии, монахи покинули монастырь. Ценные вещи, ризница были отправлены в Орел. Наскоро собравшись, уложив вещи на подводы, захватив с собой домашний скот, братия двинулась к Калуге. Монастырь опустел. В его стенах остался только смертельно больной дьякон Вонифатий, который решил разделить свою участь с судьбой монастыря [1].

Отгремело ожесточенное сражение. Уездный город был сожжен и разрушен. Не пощадила война и древние стены Малоярославецкой обители. Монастырь был разорен до основания, оставшееся монастырское имущество разграблено. Вернувшемуся в монастырь Макарию предстояло вновь восстанавливать вверенную ему обитель. После осмотра монастыря им была составлена предварительная ведомость о его состоянии после сражения, которая была представлена в Калужскую Консисторию [2]. Из нее следует, что были сожжены двухэтажные каменные настоятель-

ские кельи, братские кельи, кирпичные сараи, сбиты церковные главы, разрушена трапезная. Пропал строительный материал (80 тыс. кирпича, доски, железо), приготовленный для предстоящего строительства. Макарий спустя более чем 20 лет вспоминает, что «по изгнании неприятеля из Малоярославца оставались в память Отечественной войны одни только Святые врата, изстрелянные картечами и пулями... которые и до сего времени стоят и сохраняются нерушимо» [3]. С освящения монастыря 11 декабря 1812 г. началось его восстановление. В феврале 1813 г. из Калуги в Малоярославец прибыл губернский архитектор Ясныгин для составления сметы предстоящего ремонта уцелевших зданий. Предварительная необходимая сумма составляла 5 731 руб. 30 коп. [4]. Смета была представлена епископу Калужскому и Боровскому Евлампию, который, в свою очередь, 18 марта 1813 г. обратился в Святейший Правительствующий Синод с просьбой о выделении некоторых средств для строительства. Из названного документа следует, что монастырь получил только 1 500 руб. из Московского воспитательного дома. Священный Синод выделил 30 тыс. руб. на ремонт зданий.

В 1814 г. скончался московский купец Т.Е. Целибеев, завещание которого в пользу монастыря оценивалось в 70 900 руб. В 1816 г. Калужская Палата Гражданского суда потребовала взыскать с этой суммы пошлину в размере 4 363 руб. 50 коп. Этой суммы у Макария не нашлось, и он обратился с прошением к Обер-прокурору Святейшего Синода князю А.Н. Голицыну. Голицын, в свою очередь, донес просьбу настоятеля Малоярославецкого монастыря до императора Александра I. В 1817 г. Александр I повелел выдать из Государственного Казначейства 10 тыс. руб., как на уплату пошлины, так и на строительство. В этом же году монастырь был введен в число штатных «в память и в вечное благоволение Всевышнего, Отечеству нашему над врагами преславную победу под стенами Его даровавшего» [5].

Отстраивался монастырь, строился Николаевский собор, строительство которого было приостановлено в 1822 г. из-за трещины в фундаменте. В 1822 г. недостроенный храм разобрали и заложили вновь в 1823 г. по новому плану. До сих пор автор архитектурного проекта не установлен.

С 1823 г. Макарий состоял в переписке с Наказным атаманом войска Донского генерал-лейтенантом Алексеем Иловайским. «Нося по сие время язвы, нанесенные в 1812 г., мы не можем

без помощи верующих свершить обета нашего при всем сильном стремлении увековечить следы прошедшей славы и доблести сынов России», — писал Макарий, обращаясь за помощью к казакам [6]. Шли пожертвования на восстановление обители от участников сражения 24 октября, от частных лиц. В 1826 г. Макарий обратился к князю Александру Николаевичу Голицыну с ходатайством о пожертвовании на внутреннее убранство строящегося храма. От императорского двора в Малоярославецкий монастырь была дарована ризница из зеленой материи с золотыми крестами [7]. В 1828 г. нехватка средств на окончание строительства вынудила Макария вновь обратиться за помощью к Голицыну. Но просьба настоятеля о выделении 1 500 руб. осталась без внимания.

До конца жизни Макарий осуществлял свой план — возрождение Николаевского Черноостровского монастыря. Нужно отдать должное незаурядному таланту архимандрита Макария, его умению убеждать. Перечитывая обращения с просьбой о финансовой помощи, не перестаешь удивляться его преданности задуманному делу. На освящении Николаевского храма 23 августа 1843 г. присутствовать Макарию не пришлось. Умер он 27 августа 1839 г. Его похоронили под сводами созданного им храма, рядом с купцом Т.Е. Целибеевым. Именно в настоятельство Макария, благодаря его стараниям, обитель приобретает статус памятника Отечественной войны 1812 г. Николаевский собор — это, без сомнения, храм-памятник. Именно такое значение придавали Николаевскому монастырю император Александр I, императрица Мария Федоровна, император Николай I, а также жертвователи, участники Отечественной войны и, конечно, сам архимандрит Макарий. В 30-е гг. XIX столетия, когда в России началась кампания по сооружению памятников, связанных с событиями Отечественной войны 1812 г., на воротах монастыря появилась памятная доска со словами: «Язвы в память французской войны». Эта доска не сохранилась. Считают, что она была одной из первых мемориальных досок, увековечивающих события такого рода.

Новая эпоха в жизни монастыря начинается с 1917 г. С первых месяцев советской власти проявилась политика нового государства — политика разрушения. Принятый в 1918 г. Декрет об отделении церкви от государства на практике представлял собою «злостное покушение на весь строй жизни православной Церкви и акт открытого против нее гонения», — так оценивал этот документ Святейший Собор Русской Православной церкви [8].

Уже 4 сентября 1918 г. Малоярославецким уездным исполнительным комитетом Совета рабочих и крестьянских депутатов была получена телеграмма, в которой предлагалось «снять во всех... публично-правовых общественных управлениях все религиозные изображения» [9]. Каждое предписание молодого советского правительства, как правило, заканчивалось достаточно типичной фразой: «неисполнение — суд за игнорирование распоряжений советской власти». К точному исполнению всем уездным Совдепам была дана программа, в виде очередной директивы от 15 июня 1918 г. № 598: «Ввиду усиливающейся контрреволюционной пропаганды духовенства, прошу принять самые решительные меры к искоренению таковой...» [10]. И искоренение незамедлительно началось — в августе прогремели выстрелы и пролилась первая кровь в Перемышльском Троице-Лютиковом монастыре. 16 сентября 1918 г. на заседании Малоярославецкого УИКа был принят проект национализации Черноостровского монастыря по проекту, предложенному заведующим Отделом земледелия т. Сорокиным. Проект включал в себя 10 пунктов, согласно которым все имущество, топливо, продовольствие, домашний скот были взяты под контроль [11]. Судьба памятника Отечественной войны 1812 г. была предрешена.

Из последней описи монастырского имущества, выполненной последним настоятелем обители архимандритом Илией в 1922 г. следует, что монастырь владел богатейшим архивом и библиотекой. На сегодня судьба национализированного имущества неизвестна. Бесследно пропали грамоты и древние акты XVII столетия, принадлежащие перу царя Алексея Михайловича и Святейшим русским патриархам, адресованные строителям Малоярославецкой обители, выписи из межевых книг, копии духовных завещаний... [12]. Наряду с ценнейшими образцами иконописи, ювелирного искусства, древними книгами и рукописями «изымались к сдаче и причислению к социальному обеспечению», например, «п. худых валенок, носовые платки, рваное одеяло, сковорода, ломик, мышеловки, сундук с хламом» [13]. На проходившем в октябре 1918 г. заседании Президиума Малоярославецкого УИКа слушали вопрос о предоставлении помещения казначея Никольского монастыря служащим совнархоза. Но вопрос остался открытым, т.к. это помещение уже было предоставлено военному ведомству для размещения формируемого запасного батальона [14]. В сер. 20-х гг. монастырь покинули последние монахи.

Архимандрит Илия нашел покой на погосте с. Карижа, рядом с Покровской церковью.

Новое испытание предстояло пережить обители в 1925 г., когда укомхоз принял решение о разборке монастырских стен и зданий на кирпич. Только благодаря самоотверженности членов Малоярославецкого отделения Калужского общества истории и древностей (КОИД) памятник был спасен. Нужно отдать должное членам КОИД: Безсонову, Ильину, пытавшимся поставить на учет в Главнауке монастырь как памятник истории и культуры. В 1926 г. Безсонов писал: «...все документы по закреплению бывшего монастыря погибли в недрах Калужского Губ. музея, и приходится смотреть на медленную, но верную гибель старых монастырских стен, а вместе с ними и других памятников, находящихся в городе» [15]. Когда в октябре 1927 г. были выбиты стекла в здании соборного храма «ради хулиганской цели», Безсонов пишет докладную помощнику губернского прокурора с просьбой о заведении дела по этому вопросу, где Главнаука выступала в качестве истца. Но уже в конце ноября т.г. дело было прекращено [16].

На заседании бюро ВКП(б) в июне 1930 г. было принято решение разместить в бывшем монастыре педтехникум. Фракции РИКа и горсовету было предписано переселить проживающих там граждан и подготовить помещение для техникума [17].

Смутное время парализовало Русскую Православную церковь. Все больше и больше закрывалось храмов вопреки протестам церковных общин. Глумление над славным прошлым Отечества, над его историей и традициями принимало все более широкий размах. В 11 часов вечера 30 апреля 1932 г. в стенах монастыря у педтехникума собралась молодежь, чтобы от Голубых Святых ворот монастыря начать антипасхальный карнавал. Звуки духового оркестра и песни под гармонь, смех разорвали ночную тишину. С лозунгами и плакатами процессия двинулась к центру города, где уже полным ходом шло веселье [18].

Впервые о памятниках войны 1812 г. в Малоярославце речь шла на 8-й Малоярославецкой районной конференции ВКП(б), проходившей в феврале 1939 г. [19]. На ней зашла речь и об организации Музея 1812 г. Конференция обязала бюро ВКП(б) обеспечить будущий музей помещением. Для размещения экспозиции был предоставлен Николаевский собор Малоярославецкого монастыря, где в октябре 1939 г. была торжественно открыта экспо-

зиция. После войны, в 1946 г., музей переместился в здание бывшей часовни, а монастырь заселили жильцами. В разное время в нем располагались педагогический и биологический техникумы, шахматный клуб, школа, художественная школа, строительные организации. В 1991 г. Николаевский Черноостровский монастырь был передан Калужской епархии. В настоящий момент там проживает 35 сестер. Обитель после долгого запустения обретает вторую жизнь.

Примечания

1. Кавелин Л. Историческое описание Малоярославецкого Черноостровского Николаевского общежительного монастыря. — М., 1903. — С. 69–70.
2. Кавелин Л. Там же. — С. 68–70.
3. Малышкин С.А. Калужский край в 1812 г. (По материалам архива А.И. Михайловского-Данилевского) // Материалы научной конференции, посвященной 181-й годовщине Малоярославецкого сражения. — Малоярославец, 1994. — С. 75.
4. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА), ф. 796, оп. 93, ед. хр. 1032, I–IX, л. 68–70.
5. Кавелин Л. Указ. соч. — С. 79.
6. Там же. — С. 83.
7. РГИА, ф. 519, оп. 9, ед. хр. 494, л. 1–4.
8. Кириченко Е.И., Иванова Г.А., Клод Е.Г. Храм Христа Спасителя в Москве. — М., 1992. — С. 209.
9. Государственный архив Калужской области (далее — ГАКО), ф.Р-374, оп. 1, ед. хр. 19, № 42437, 1918.
10. Там же, ф.Р-374, оп. 1, ед. хр. 19, № 598, 1918.
11. Там же, ф.Р-1753, оп. 1, ед. хр. 19, № 5 (Протокол о национализации монастырской гостиницы и всего имущества).
12. Там же, ф.Р-1498, оп. 1, ед. хр. 723 (Описание имущества Малоярославецкого Николаевского монастыря, 1922).
13. Там же.
14. Там же, ф.Р-1753, оп. 1, ед. хр. 5, 1918.
15. Там же, ф.Р-322, оп. 1, ед. хр. 1, 1925–1928.
16. Там же.
17. Там же, ф.Р-25, оп. 1, ед. хр. 2 (Протокол № 25 от 18/VI-30).
18. Там же, ед. хр. 17, л. 3.
19. Там же, ед. хр. 39, л. 15, 63.

Резолюция

VI конференции «Вопросы археологии, истории и культуры Верхнего Поочья»

На конференции прозвучало 46 докладов, заявленных в программе, и пять докладов сверх программы.

В выступлениях поднимались проблемы изучения памятников археологии, источников по истории и культуре Верхнего Поочья и отмечалось их место в культурном наследии России. Были обсуждены актуальные проблемы разработки краеведческой энциклопедии.

В год 50-летия Победы ряд докладов конференции были посвящены событиям Великой Отечественной войны на территории Калужской области.

Расширение тематики докладов по проблеме истории культуры позволило создать на конференции еще одну секцию — истории культуры.

Вместе с тем следует отметить следующие моменты, требующие доработки:

1. Не во всех прозвучавших выступлениях содержание соответствовало заявленной теме.
2. Было выделено недостаточно времени для работы секции.
3. Было предоставлено недостаточно иллюстративного материала.

Участники конференции постановили:

1. Признать, что конференция выполнила свою задачу.
2. Издать сборник докладов.
3. Для издания сборника создать редакционную коллегию из состава организаторов конференции.
4. Выступить в средствах массовой информации с рассказом о результатах работы конференции.

5. VII конференцию «Вопросы археологии, истории и культуры Верхнего Поочья» провести в феврале-марте 1997 года и посвятить ее 100-летию Калужского областного краеведческого музея.

6. В течение двух лет подготовить научные сообщения и публикации по истории музея и его коллекциям, в том числе каталоги и краеведческий сборник, посвященный 100-летию музея.

а) К пропаганде музейного наследия привлечь широкий круг историков, краеведов, природоведов.

б) Для объединения усилий в изучении актуальных проблем региональной истории и литературного краеведения рекомендуется создавать ассоциации исследователей.

в) Шире внедрять опыт преподавания краеведения в школах.

7. Просить Управление народного образования г. Калуги предложить общеобразовательным и специальным школам вести так называемые исторические записки учебных заведений, шире использовать связь учителей и учащихся с районными, городскими и областными музеями.

8. Предложить Научному центру администрации Калужской области принять более активное участие в решении финансовых и научных вопросов конференции.

9. Предложить частичное финансирование издания материалов будущих конференций за счет участников.

Вопросы археологии, истории и культуры Верхнего Поочья

Материалы VI научной конференции
28 февраля — 3 марта 1995 года

Компьютерная верстка *П.В. Новиков*
Корректор *В.М. Гришина*

Лицензия ИД 06130 от 26.10.01
выдана Министерством РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Подписано в печать 07.04.2004. Формат 60×84 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс». Объем 16 п.л. Тираж 500 экз. Заказ № 784.

Издательство научной литературы Н.Ф. Бочкаревой.
248000, г. Калуга, ул. Королева, 49-24,
тел.: (0842) 547-107, 547-347

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО «Полиграф-Информ»,
ПЛД № 42-17 от 16.09.98 г.
248021, г. Калуга, ул. Московская, 247, тел.: 55-99-31.

Издательство научной и учебно-методической литературы

Приглашаем к сотрудничеству авторов научной, методической, художественной и другой литературы.

Изготовим на высоком художественном и полиграфическом уровне любые виды полноцветной и одноцветной печатной продукции:

- красочные юбилейные и рекламные издания;
- листовки, буклеты, рекламные проспекты;
- календари.

По всем вопросам обращаться по тел.:
(0842) 547-107; 547-347
или свяжитесь по
e-mail: Romario@kaluga.ru

Калужский государственный объединенный
краеведческий музей

248600, Калуга, ул. Пушкина, 14